ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ
XIX ВЕКА

Советский
писатель

ЛИТОВСКИЕ
ПОЭТЫ
XIX ВЕКА

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ XIX ВЕКА

Предисловие
Антанаса Венцлова

Вступительная статья
Б. Пранскуса-Жалиониса

Составление, биографические справки и примечания
П. Чюрлиса

Редакция переводов
Л. А. Озерова

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД · 1962

С (литовск.) 1
Л 64

В книге собраны лучшие произведения более двадцати наиболее значительных литовских поэтов XIX века. Разнообразные по темам, жанрам и художественным манерам, эти произведения дают достаточно полное представление о богатствах классической поэзии Литвы. Большинство стихотворений, вошедших в книгу, переведено на русский язык впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Край у янтарных прибрежий Балтики славится красотой светлых пейзажей над Неманом и Нерис, голубыми озерами, романтическими дубовыми рощами и древними курганами среди лугов и полей.

Здесь с незапамятных времен поселился трудолюбивый и одаренный литовский народ, насчитывающий ныне менее трех миллионов человек. Всем сердцем привязанные к родимой земле, литовцы, несмотря на свою тяжелую, трагическую историю, сумели уцелеть и сохранить необычайно богатую и звучную речь, увлекательный фольклор, любопытнейшие обычаи, словом — высокую духовную культуру.

Это тем более удивительно, что литовцам в течение XIII и XIV веков почти непрерывно пришлось сражаться с Тевтонским орденом. Крестоносцы, обосновавшись у западных рубежей Литвы, не десятки, а сотни раз стремились поработить литовцев, прорваться дальше на Восток и захватить славянские земли. Под звон мечей пылали селенья и замки на берегах Немана и Нерис, дымились подожженные чащи. Но литовцы упорно сопротивлялись, предпочитая смерть рабству. В годины лихолетий литовские князья и военачальники неоднократно находили у соседей-славян помощь и поддержку. Так исстари завязалась их дружба со славянскими народами, дружба, с особенной яркостью проявившаяся в 1410 году, когда под Жальгирисом (Грюнвальдом) объединенные силы литовцев, поляков, русских разгромили разбойничий Орден и на долгие времена устранили угрозу, нависшую с Запада над Литвой и славянами.

Все это — далекое прошлое. Но нельзя забывать уроков истории, и литовцы часто вспоминают дела давно минувших дней, воспитывая в своем молодом поколении чувство дружбы к братским народам, и прежде всего — к великому русскому народу.

На протяжении всего XIX и начала XX века литовский народ

жил в пределах царской империи, и не раз — после восстаний 1831, 1863 и 1905 годов — самодержавие обрушивало на него тяжелые репрессии. Целое сорокалетие (1864—1904) под варварским запретом находилась литовская печать. Но не кто иной, как лучшие сыны России — революционные демократы — явились первыми вдохновителями освободительной борьбы литовского народа. И когда русский пролетариат под водительством великого Ленина вступил в бой за свержение царизма, за построение социалистического государства, — это послужило лучшим примером и для трудящихся Литвы.

Только в 1940 году литовскому трудовому люду с помощью советского народа удалось одержать окончательную победу, установить советский строй, вступить в братскую семью свободных республик и начать строить новую, вольную и зажиточную жизнь. Советский строй открыл путь к миллионам сердец для лучших произведений литовской поэзии и прозы. В минувшие времена даже крупнейшие созидатели культуры нашего народа — такие, как К. Донелайтис, Майронис, Жемайте, А. Венуолис, В. Путинас-Миколайтис, не говоря уже о новых писателях — Пятрасе Цвирке, Саломее Нерис и многих других, — оставались почти вовсе неизвестными за литовскими рубежами.

Теперь картина совершенно иная. С глубокой радостью мы видим, как с каждым годом все больше книг наших лучших писателей переводится на русский язык и на языки других народов нашей страны.

В прошлом столетии, несмотря на гнет царизма и помещиков-крепостников, несмотря на неграмотность народных масс Литвы, на отсутствие школ, библиотек, издательств, уже работал немалый отряд творцов литовской литературы, среди которых мы находим и таких крупных поэтов, как Д. Пошка — автор «Жемайтского и литовского мужика», как певец крепостных землеробов А. Страздас, уже тогда предрекавший конец панскому владычеству; как первый большой литовский лирик, написавший песни, которые и по сей день поются в народе, — А. Венажиндис; как популярный, преждевременно умерший П. Вайчайтис; как первый наш пролетарский поэт Й. Мачис-Кекштас и, наконец, величайший певец Литвы конца XIX — начала XX века Майронис, создавший поэзию высокого вдохновения и широкого социального звучания.

Чем же могут привлечь русского читателя наших дней принадлежащие прошлому веку произведения поэтов маленького народа?

Мне кажется, прежде всего тем, что в них широко и глубоко

отразилось мироощущение целого народа, его чувства и чаяния, его борьба за лучшую жизнь, его мечты о свободе и счастье. Эти поэты, столь различные по силе своего таланта и проникновения в жизнь, по эмоциональной выразительности, все писали для своего порабощенного народа, вынужденного бороться за элементарные человеческие права, за сохранение родного языка, за школу и печать.

В поэме «Жемайтский и литовский мужик», написанной в начале XIX века Д. Пошкой, мы чувствуем большое сердце гуманиста, полного любви и сострадания к крепостным, но еще не видящего путей к их освобождению. До сих пор нас волнуют глубоко народные строфы А. Страздаса — поэта, которого ненавидели и паны, и вышедшие из панской среды сановники церкви, поэта, чьи песни, уже более ста лет назад став общенародным достоянием, поются еще и сегодня. Одной из высочайших вершин литовской поэзии остается поэма А. Баранаускаса «Аникшчяйский бор», написанная в середине прошлого века, но и ныне захватывающая читателя непревзойденным мастерством пейзажа, глубиной поэтического чувства. В творчестве Й. Мачиса-Кекштаса наша современная советская поэзия видит своего предвестника. Литовскую поэзию XIX столетия завершает и увенчивает высокохудожественными произведениями Майронис — ученик Пушкина и Лермонтова, Мицкевича и Словацкого, поэт противоречивый и не всегда остававшийся на прогрессивных позициях. Но в лучших своих творениях Майронис выражал чаяния и мечты широчайших слоев народа. Вместе с другими своими современниками он совершил подлинный переворот в литовском стихосложении, открыл перед литовской поэзией новый путь, на котором она обрела новое широкое, вольное звучание и новые дерзания.

Литовская поэзия XIX века для читателя наших дней может быть интересна не только как документ, отражающий уже ушедшую в прошлое общественную борьбу. В этой поэзии находит отражение мировоззрение народа, его этические и эстетические идеалы. Разумеется, это идеалы, ограниченные как временем, так и мировоззрением поэтов, ее создававших, и при чтении книги не надо об этом забывать. И все же любителю поэзии эта книга образно раскроет целое столетие в жизни, борьбе и творчестве одного из братских народов нашей страны. Русский читатель найдет в этой книге отзвуки своей родной поэзии и познакомится с усилиями литовских поэтов выражать образы, чувства и думы в формах, близких к фольклору Литвы, или же в совершенно оригинальных, нигде больше не виданных формах.

Книга раскрывает душу древнего народа, много выстрадавшего и много боровшегося за свободу и счастье. Она, нужно думать, доставит читателю и эстетическое удовлетворение. Во многих переводах талантливым русским поэтам удалось передать не только содержание, но и форму произведения. Это издание поможет дальнейшему сближению наших народов и их культур, — иными словами, ответит на одну из важнейших идеологических задач эпохи строительства коммунизма.

Антанас Венцлова

ЛИТОВСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

1

Литовский народ прошел своеобразный путь исторического развития, определивший основные особенности его духовной жизни, его культуры и литературного творчества. Литва долгое время не имела своей письменности. В образовавшемся в XIII — XIV веках сильном государстве — Великом Княжестве Литовском, в которое входили и некоторые русские земли, официальным государственным языком являлся русский язык (западное его наречие). На этом языке сохранились письменные памятники (летописи, различные государственные акты). После унии с Польшей (1569) в стране, особенно среди литовских дворян и духовенства, резко возрастает влияние польского языка и культуры. В то же время некоторые литературные памятники создавались на латинском языке. Литовские же народные массы, закрепощенное крестьянство свои мысли и чувства, чаяния и мечты выражали не в письменных произведениях, а в устном творчестве, создав на родном языке множество народных песен, сказок, пословиц и т. д.

Первые письменные памятники на литовском языке относятся к середине XVI века. Их происхождение связано с развитием реформации — борьбы протестантов с католицизмом. Эта церковная литература, как реформатская, так и католическая, господствовала в литовской письменности в течение двух с лишним веков. Возникшая в этот период лингвистическая литература (издания литовской грамматики, словарей и т. д.) также приспосабливалась к нуждам церкви, использовалась для обучения литовскому языку ксёндзов и пасторов. Несмотря на то что литовская церковная письменность была подчинена целям религиозной пропаганды и являлась, тем

самым, орудием духовного порабощения народных масс, было бы неверно игнорировать ее роль в формировании литовского литературного языка.

В церковную литературу подчас проникали элементы художественного творчества. В особенности это относится к религиозным песням. В некоторых из них нашли отражение существенные явления тогдашней жизни, в частности, такие народные бедствия, как опустошительные войны, эпидемии чумы и т. д. Хотя изображение этих событий также облекалось в религиозную оболочку, все же в нем иногда сказывалось сочувственное отношение к народным нуждам.

Еще большее значение имели духовные песни для развития литовского стихосложения. Уже в первой литовской книге 1547 года было помещено оригинальное стихотворное предисловие, написанное составителем этой книги М. Мажвидасом, и несколько переводных духовных песен, положивших начало литовскому стихосложению, отличному от народного творчества и его стихосложения. Культуру литовской духовной песни значительно подняли такие авторы и составители сборников, как М. Швоба, Д. Клейнас, М. Славочинскис и другие. Над этим литературным жанром немало потрудились и поэты середины XVIII века, впервые обратившиеся к светским темам (А. Шимельпенигис, Милкус).

Первым крупным представителем литовской светской поэзии, основоположником литовской художественной литературы был Кристионас Донелайтис (1714—1780), автор замечательной поэмы «Времена года» и нескольких басен. В конкретных, колоритных образах широко отразив жизнь и угнетенное положение крепостного крестьянства, Донелайтис не только заложил основы литовской светской литературы, но и направил дальнейшее ее развитие по пути тесных связей с жизнью народа.

Следует отметить, что произведения Донелайтиса оказались доступными для широких читателей лишь в начале XIX века: в 1818 году были изданы «Времена года», а в 1824 году — его басни, до этого известные по рукописям только немногим лицам.

По своему официальному положению Донелайтис был тесно связан с церковью, и религиозно-нравоучительные элементы довольно сильны в его творчестве. Однако в ярких и красочных образах, почерпнутых непосредственно из окружающей действительности, он сумел воссоздать правдивую картину жизни угнетенного народа, которая находилась в явном противоречии с дидактическими наставлениями поэта о смирении и покорности и вызывала чувство протеста и сопротивления угнетателям-помещикам, правительственным чиновникам и всему феодально-крепостническому строю. Доне-

лайтис был подлинно демократическим писателем, ставившим простой народ не ниже, а выше представителей господствующих классов. Его творчество — яркий факт развивающегося национального самосознания литовского народа.

Донелайтис был и первым литовским писателем, который преодолел традиции церковной литературы в области языка, стиля, поэтической формы вообще. В своем творчестве он смело обратился к обычной разговорной речи со всем ее лексическим и стилистическим богатством, с ее интонационной и звуковой выразительностью. В этом отношении он также приблизил литературное творчество к народу, в значительной мере устранил тот разрыв, который существовал до этого между устным народным творчеством и литовской письменной литературой, в которой сильны были влияния польского и немецкого языков. Следует, впрочем, заметить, что Донелайтис, как и все последующие литовские поэты вплоть до конца XIX века, не ставил своей задачей совершенную очистку литовского языка от тех иноязычных элементов, которые к тому времени через влияние ополяченной и онемеченной церкви, помещичьей усадьбы и правительственных учреждений уже успели широко проникнуть и в народную разговорную речь.

Обращаясь к жизни простого народа, Донелайтис не нашел еще близких народному творчеству стихотворных форм. Свои произведения он писал гекзаметром, воспринятым из античной поэзии, правда приспособленным к особенностям литовского разговорного языка, но все же чуждым литовскому фольклору и затруднительным для восприятия широкого читателя.

2

Донелайтис жил и работал в той части Литвы, которая находилась сначала под властью Тевтонского ордена, а затем Пруссии (территория Калининградской области и прилегающего к ней района г. Клайпеды). Литовская литература временами развивалась здесь даже более интенсивно, чем в основной части Литвы, входившей до 1795 года в объединенное польско-литовское государство — Речь Посполитую. В XIX веке картина меняется. Усилившаяся германизация тех литовских земель, которые были захвачены Пруссией, привела к совершенному упадку литовской литературы на этой территории.

После Донелайтиса и Людвика Рэзы (издателя его поэмы и первого сборника народных песен, профессора Кенигсбергского университета) там уже на всем протяжении XIX века не было ни одного крупного литературного деятеля. И наоборот, в той части Литвы,

которая после раздела Речи Посполитой в 1795 году была присоединена к России, начался значительный подъем литовской литературы и всей культурной жизни. Наиболее ярко этот прогресс отразился именно в поэзии, в ее идейном и художественном росте.

Политика царской России по отношению к вновь присоединенным областям Польши и Литвы в этот период отличалась некоторым либерализмом, что вызывалось стремлением завоевать симпатии различных кругов населения. Огромное значение для развития Литвы и ее культурной жизни имело основание в 1803 году Вильнюсского университета на месте до того существовавшей Высшей школы. Вильнюсский университет до его закрытия в 1832 году был одним из значительнейших культурных центров не только в России, но и во всей Европе.

В эту эпоху в Литве формируется группа культурных деятелей из среды дворянской интеллигенции, для которой литовский народ и его жизнь стали предметом внимательного изучения. Характерными представителями этого круга дворянской интеллигенции были Антанас Клементас и Дионизас Пошка, литературное наследие которых сохранилось наиболее полно. К ним тесно примыкает и поэт П. Шимкявичюс, известный только по одному сохранившемуся стихотворению, а также Сильвестрас Валюнас, который происходил из крестьян, но был прочно связан с этой группой дворянской интеллигенции. Более поздним ее деятелем был воспитанник Вильнюсского университета Симонас Станявичюс.

Для творчества всех этих поэтов характерно прославление литовского языка как равноправного среди других языков, забота о его развитии, глубокий интерес к историческому прошлому Литвы, увлечение историческими преданиями, легендами и т. п. Все это отчетливо выражено в таких произведениях, как «Дань принадлежит» Клементаса, «Пишущему литовский словарь» и «Песня Бируте» Валюнаса, «Слава жемайтисов» Станявичюса, как стихотворные письма Пошки и другие.

Наряду с идеями культурной самостоятельности и самобытности литовского народа в творчестве этих писателей значительное место занимала проблема крепостного крестьянства как основного слоя литовского народа. Они в той или иной мере выражали сочувствие ему, изображали его тяжкую жизнь, труд и нужду, проявляя тем самым критическое отношение к феодальному строю. Это наиболее ярко отразилось в самом значительном поэтическом произведении того периода — в поэме Пошки «Жемайтский и литовский мужик», в его «Песне мужичка», а также в некоторых стихах Клементаса (написанных на польском языке) и других. «Жемайтский и литовский

мужик» является настоящим гимном крестьянскому труду. В то же время поэма с большой смелостью и глубиной раскрывает те бесчеловечные условия, в которых протекала жизнь литовского крестьянина, подавленного игом крепостнического рабства. Обличение помещиков-крепостников отразилось и в некоторых эпиграммах Д. Пошки:

Коль режут курицу, ты жмуришься, мертвея,
А мужичков день в день сечешь рукой своею.

Якшаться с мужиком, будь он по горло в дегте,
Милей, чем с барином, его забравшим в когти.

У Станявичюса мы находим первые признаки протеста, направленного не только против социального, но и национального угнетения. В этом отношении характерна его басня «Лошадь и медведь». В образах порабощенных лошади и медведя — фигуры этих животных изображались на гербах Литвы и Жемайтии — поэт олицетворяет литовцев и жемайтисов (литовцев, живущих в северо-западной части Литвы), терпящих социальный и национальный гнет.

Однако ни Пошка, ни Станявичюс, ни другие из названных поэтов не смогли утвердиться на последовательно демократических позициях. Несмотря на их интерес к жизни крепостного крестьянства, на их искренние симпатии к простому человеку, они все же ограничились осуждением лишь темных сторон существующего общественного строя, не возвышаясь до идеи революционной борьбы с ним. Классовая ограниченность этих поэтов проявилась у некоторых из них в идеализации зажиточных крестьян, которым в условиях крепостничества удалось добиться лучших условий жизни. Образ такого крестьянина встречается, например, в басне Станявичюса «Айтварасы».

Известная оторванность литовских поэтов начала XIX века от народа отразилась и в художественных особенностях их творчества. В основном они шли по пути классицизма и работали над такими поэтическими жанрами, как стихотворные письма, послания, дедикации и т. п., в которых преобладали различные рассуждения, наставления, подавляющие эмоциональную стихию. Наряду с этими жанрами значительное место в их творчестве занимали стихи на интимные и бытовые темы (ряд стихотворений Клементаса, «Мой садик» Пошки и другие), а также эпиграммы, высмеивающие недостатки в дворянской среде. Станявичюс также писал басни, а Клементас — любовно-лирические стихотворения, причем последние имеют явно

идиллическую окраску, часто изображают сентиментальных пастухов и пастушек, заимствованных из пасторальной поэзии других народов. Большинство всех этих произведений не предназначалось для широкого читателя; многие из них в свое время не были напечатаны, оставались в рукописях и были известны только узкому кругу близких друзей. Исключение составляют, в сущности, басни Станявичюса, изданные в 1824 году, и стихотворение Валюнаса «Песня Бируте», ставшее вскоре популярной народной песней. В свое время не стало достоянием широкого читателя и самое значительное и наиболее близкое народу по своему содержанию произведение — поэма Пошки «Жемайтский и литовский мужик», впервые опубликованная лишь в 1886 году.

Поэты начала XIX века еще были тесно связаны с польскими литературными традициями, сами они подчас писали, наряду с литовским, и на польском языке, из польской поэзии они заимствовали и силлабическое стихосложение, мало подходящее для литовского языка, имеющего подвижное ударение. Широкой популярности этих поэтов препятствовало и то обстоятельство, что почти все они были выходцами из Жемайтии и писали на жемайтском диалекте, значительно отличающемся от других основных диалектов литовского языка.

Другое направление в литовской поэзии начала XIX века представлял поэт Антанас Страздас. Происходивший из крепостных крестьян Страздас, хотя и стал католическим ксендзом, однако всем своим существом был чужд духовенству, стоящему на страже интересов феодального общества. Не случайно он подвергался преследованиям церковных властей, даже был отстранен от исполнения обязанностей ксендза. В повседневной жизни Страздас проявил себя как защитник интересов крепостного крестьянства. Таким он был и в своих песнях.

Единственный небольшой сборник стихотворений Страздаса «Песни светские и духовные» вышел в 1814 году. На издание второго сборника поэт так и не получил разрешения цензуры. Тем не менее многие его песни, как напечатанные, так и ненапечатанные, быстро распространились в народе, стали народными и сохранились в литовском фольклоре вплоть до наших времен. Как народные песни, они были записаны во многих вариантах, поэтому в тех из них, которые не были опубликованы при жизни поэта, подчас невозможно определить первоначальный авторский текст.

Песни Страздаса отражают различные стороны жизни крепостного крестьянства, его думы и настроения. Много среди них имеется шуточных песен, высмеивающих дворян и панов или различные бы-

товые недостатки в среде самого народа. Однако наиболее ценными и значительными в творчестве Страздаса являются песни, вскрывающие острые социальные противоречия, угнетенное положение крестьянства и выражающие его ненависть к угнетателям. Таковы песни «Доминик, не чуешь...» и в особенности «Ворон». В этой песне впервые в литовской поэзии зазвучали слова не только сочувственного отношения к крепостному крестьянству, но и призыв к борьбе, уверенность в победе над угнетателями:

Но — ударит час возмездья,
Я принес о нем известье:
Стали вдосталь накопили
На погибель панской силе —
Скоро гнить панам в могиле!

Народные чаяния и веру в светлое будущее Страздас выразил в одной из лучших своих песен «Дрозд», где под маской дрозда он изобразил самого себя (страздас по-литовски: дрозд). О себе поэт говорит:

Зиму грозную браня,
Всё смелей день ото дня
Пору вешнюю предвозвещаю.

Характерной чертой творчества Страздаса является и то, что в некоторых своих песнях он сумел отразить и противоречия в самой крестьянской среде: между нарождающейся зажиточной кулацкой прослойкой и батраками. В этом отношении примечательна его «Песня о сиротах», герой которой работает батраком у зажиточного крестьянина — будущего кулака. Хотя в другом произведении — «Хозяйская песня» — поэт еще рисует патриархально-идиллические отношения между крестьянином-хозяином и его «семьей», в которую входят и наемные батраки, однако эти мотивы не были характерными для его творчества.

Широкой популярности песен Страздаса в народе способствовало и то, что и по своим художественным и жанровым особенностям они близки народному творчеству, ничем существенным не отличаются от народных песен. Страздас был первым и единственным в начале XIX века поэтом, который писал на верхнелитовском, а не на жемайтском диалекте литовского языка, правда, не на том его наречии, которое позже легло в основу литовского литературного языка, но все же на говоре, более близком большинству литовцев, нежели жемайтский диалект.

3

Конечно, те трудности, которые препятствовали развитию литовской поэзии в более ранние периоды, не были устранены и в XIX веке. И даже в эту эпоху она не могла достигнуть подлинного расцвета. Серьезнейшим тормозом в развитии культурной жизни литовского народа были крепостнический гнет и реакционная политика царизма в отношении нерусских народов. В течение всего XIX века в стране отсутствовали литовские школы, до последних десятилетий не было литовской периодической печати, издательств. Хотя и в меньшей степени, чем в Пруссии, однако и в царской России господствующие слои прилагали все усилия к тому, чтобы ограничивать употребление самого литовского языка, который был запрещен в государственных учреждениях и школах.

Второй период в развитии литовской поэзии XIX века начался после поражения восстания 1831 года, когда неимоверно усилилась реакционная политика царского самодержавия в Литве. В 1832 году был закрыт основной очаг культурной жизни Литвы — Вильнюсский университет. Многие прогрессивно настроенные литовцы из среды дворянской интеллигенции были арестованы, казнены или вынуждены эмигрировать за границу. Еще более тяжким стал цензурный гнет. В связи с этим почти прекратился прилив новых литературных сил из дворянской среды, а условий для приобщения к литературе крестьянства все еще не было. Период мрачной реакции, продолжавшийся более двадцати лет, начиная с подавления восстания 1831 года и до нового подъема волны освободительного движения в 1850-х годах, был бесплодным и в развитии литовской поэзии. Немногочисленные произведения, относящиеся к этому периоду, сохранились большей частью лишь в рукописях и были опубликованы уже как архивные документы в XX веке.

Наиболее значительными из них являются стихи Киприонаса Незабитаускиса, эмигрировавшего после восстания 1831 года во Францию и там около 1835 года написавшего ряд значительных поэтических произведений. Свой сборник «Стихотворения на литовско-жемайтском языке» Незабитаускис посвятил Адаму Мицкевичу, которому сборник был послан для опубликования, однако при тогдашних условиях он не мог быть напечатан.

Живя в эмиграции, Незабитаускис, как и многие другие участники восстания, испытали влияние демократических и революционных идей. Размышляя о причинах поражения восстания, он пришел к выводу, что нельзя довольствоваться лишь борьбой против господства царизма, что нужно вести борьбу против угнетателей во-

обще, в том числе и против литовских помещиков — эксплуататоров крепостного крестьянства. На Незабитаускиса сильное влияние оказало учение французского христианского социалиста Ф. Ламеннэ. Хотя и с христианских позиций, Незабитаускис в своих стихах выражал непримиримую ненависть к царизму и помещикам, стремление вовлечь в революционную борьбу само крепостное крестьянство и опереться на него. Незабитаускис открыл в литовской поэзии новую страницу, создав стихотворения, пронизанные общественно-политической и философской мыслью. Большинство его стихотворений представляет собой образцы такого рода гражданской лирики. В стихотворении «Молитва к богу войны» он приблизился не только к резкому осуждению официальной католической церкви, но и к атеистическим убеждениям, а в стихотворении «Будет по-другому!» Незабитаускис провозгласил идеи утопического социализма:

День придет: крестьянин завладеет полем,
Труженика грабить больше не позволим,
Барщина, поборы людям не приснятся,
Тяжело придется только тунеядцам.
Племена сольются и сотрут границы,
Все трудиться станем и трудом кормиться,
Ремеслом мы будем и землей богаты,
И в чести не будут праздные магнаты.
Поровну поделим пастбища и пашни,
Армии распустим, войны — день вчерашний.

Раз господ не будет, ни к чему и войны,
Нет, не литься крови — люди жить достойны,
За других мы гибнуть не желаем в схватке!
Заведем мы вскоре новые порядки...

Велики заслуги Незабитаускиса в разработке элегического жанра. В своих медитациях поэт выразил острую тоску по родине оказавшихся на чужбине повстанцев-эмигрантов. Многие из них несомненно были навеяны стихами Адама Мицкевича,[1] к которому литовский поэт относился с большой любовью и уважением как к другу и учителю всех очутившихся на чужбине изгнанников.

Не опубликованные в свое время стихи Незабитаускиса, конечно,

---

[1] Приблизительно в это же время появились и первые переводы произведений Адама Микцевича на литовский язык, осуществленные Людвикасом Юцявичюсом.

не могли оказать какого-либо влияния на развитие литовской поэзии, не стали достоянием читателей. Надо также сказать, что, несмотря на прогрессивно-демократические и даже революционные для своего времени идеи, эти стихи с трудом воспринимались из-за своей «тяжеловесности», стилистической сложности и языка, изобиловавшего неологизмами, необходимыми поэту для выражения новых идей и понятий.

Из других, менее значительных поэтических памятников того периода, извлеченных из архивов и опубликованных позже, некоторый интерес представляют два стихотворения Пранаса Савицкаса, биографические данные о котором весьма скудны. Одно из них — «Метель» — рисует картину тяжелого положения крепостного крестьянства. Выразительным изображением природы и деревенского быта отличается также его стихотворение «Рассказ»; Савицкас, однако, не избежал в нем идеализации быта зажиточных крестьян, которым он противопоставлял нерадивых хозяев.

Новый подъем литературной жизни начинается с середины 1850-х годов. Он был обусловлен прежде всего ростом освободительного движения как во всей России, так и в Литве. Наряду с требованием уничтожения крепостного права освободительное движение в Литве широко ставило и задачи национального самоопределения. Идеи русских революционных демократов проникали и в Литву. На революционно-демократических позициях стояли многие из участников литовского национально-освободительного движения, как например Антанас Мацкявичюс, который выдвигал идею вооруженного восстания крестьянских масс. Когда же в 1863 году такое восстание началось, он стал одним из его отважных руководителей.

Хотя в литовской литературе того времени революционно-демократические идеи не нашли непосредственного выражения, подъем национально-освободительного движения оказал плодотворное воздействие на всю литературную жизнь.

Одним из признаков ее оживления был приход в литературу новых сил и рост книжной продукции. Не говоря уже о прозе в годы, предшествовавшие восстанию 1863 года, выдвинулось не менее десятка весьма видных поэтов, большинство которых или издали сборники своих стихотворений (К. Алекнавичюс, Ю. Желвавичюс) или печатались в издаваемых поэтом и просветителем Л. Ивинскисом календарях, имевших характер литературных альманахов (А. Баранаускас, К. Праняускайте и другие). Из-за цензурных препятствий не вышел сборник стихов В. Ажукальниса. Стихи других поэтов того времени сохранились в рукописях (К. Кайрис, Э. Даукшис). В этот период начинается литературная деятельность поэтов А. Венажин-

диса, Ю. Анусавичюса и других, более ярко проявивших свое дарование уже после восстания 1863 года.

В отличие от поэтов начала XIX века, в большинстве своем являвшихся представителями дворянской интеллигенции, поэты середины XIX века в основном были выходцами из крестьянской среды и вообще были значительно теснее связаны с народом. Кроме того, почти все они писали на верхнелитовском диалекте, ставшем основой для формирования единого литовского литературного языка. Для поэтов середины XIX века характерно также большее творческое своеобразие, обращение к разным видам лирических жанров, более высокая техника стиха, все большее предпочтение силлабо-тонической системы стихосложения.

Этими чертами уже отмечено хотя и не обширное по объему, но весьма оригинальное поэтическое наследие Валерионаса Ажукальниса-Загурскиса. Большинство его стихотворений («Летнее утро», «Вместе с жаворонком», «Вместе с соловьем» и другие) отличаются чисто лирической настроенностью, легкостью стиха и даже виртуозностью в изображении деревенской природы и быта. Он первый в литовской поэзии применяет такие формы, как триолет, успешно пользуется внутренней рифмой и аллитерациями. После тяжеловесного стиха большинства старых поэтов легкость стиха Ажукальниса-Загурскиса особенно бросается в глаза:

Утро встало, звонко песня
Жаворонка льется,
Вдруг кукушка на опушке
Тихо отзовется.

Сходит с пашни снег вчерашний,
Тетерев токует,
Над озерной гладью ровной
Ветерок не дует.

Правда, деревенскую жизнь поэт опять-таки изображает преимущественно в идиллических тонах, в некоторых стихотворениях («Описание ночи» и других) явно идеализируя крестьянскую жизнь. И все же в этих задушевных стихах чувствуется искренняя симпатия к простому человеку, его жизни, его труду. Ажукальнис-Загурскис — один из первых в литовской поэзии зачинателей любовной лирики («Триолеты», «Жених и девушка»). Вместе с тем он продолжал культивировать и такой поэтический жанр, как басня, над которой трудились еще Донелайтис и поэты начала XIX века. Значительную часть

творчества Ажукальниса-Загурскиса составляют его переводы стихов Адама Мицкевича.

Иной характер носило творчество поэта Каетонаса Алекнавичюса. Его стихи непосредственно обращены к народному читателю. Многие из них, написанные в легком песенном стиле, как и песни Страздаса, бытовали наряду с фольклорными произведениями. Однако, в отличие от Страздаса, Алекнавичюс почти совершенно не касается острых социальных тем, ограничиваясь чисто бытовыми зарисовками современной ему крестьянской жизни. Алекнавичюс был одним из лучших мастеров бытовой фельетонно-юмористической поэзии XIX века, почти исключительно работавший в этом жанре, между тем как юмор его редко перерастал в боевую сатиру, направленную против тех или иных враждебных народу сил.

Кроме чисто развлекательных, творчество Алекнавичюса преследовало и нравоучительные, дидактические цели. Его стихи и песни подкупают своей народностью, бытовыми картинками, легким юмором и простотой изобразительных средств. Формы его стиха в дальнейшем использовали все поэты, ориентировавшиеся на народного читателя.

Самым значительным представителем литовской поэзии середины XIX века был несомненно Антанас Баранаускас, автор замечательной поэмы «Аникшчяйский бор».

Любопытны мотивы, непосредственно побудившие поэта написать это произведение. Однажды на уроке польского языка в семинарии, где учился молодой Баранаускас, преподаватель, разбирая стихотворный роман А. Мицкевича «Пан Тадеуш», с высокомерием стал утверждать, что подобных поэтических картин природы не может быть создано на «некультурном» литовском языке. Оскорбленный пренебрежительным отношением к родному языку, Баранаускас в течение двух летних каникул и написал свой «Аникшчяйский бор», который по богатству красок в изображении природы действительно может стать в один ряд с лучшими образцами мировой поэзии. Поэма во многих отношениях является непревзойденным в литовской поэзии произведением пейзажной лирики. Однако ее ценность и значение не ограничиваются лишь великолепными пейзажными картинами, в красках которых запечатлена природа родной страны, ее лесов с мельчайшими деталями их растительного и животного мира.

Поэтическое изображение природы в поэме не является самоцелью. Рубка прекрасного Аникшчяйского бора символизирует в поэме печальную судьбу литовского народа, томящегося под игом крепостнического рабства и царского гнета. Поэт глубоко скорбит о тяжелой жизни народа и родной страны, и его скорбь пробуждает

чувство недовольства и протеста против бесчеловечного общественного режима.

Недовольство угнетенным положением трудового народа и родной страны Баранаускас отразил и в ряде других своих произведений — стихотворении «В память древней Литвы», поэмах «Путешествие в Петербург», «Разговор певца с Литвой» и других. И в этих произведениях имеется ряд ярких эпизодов, где говорится о тяжелой участи народа в эпоху феодализма. Таковы, например, стихи из «Разговора певца с Литвой», где Баранаускас решительно отвергает идиллическое представление о жизни народных масс в период средневековья. Литва, выступающая в этом произведении в качестве своеобразного персонажа, говорит поэту:

Не желай вернуть ты стародавнее,
Мало счастья в нем и много тяжести.
Много храбрости и много доблести,
Но враги тогда терзали плоть мою,
Для земли был пепел удобрением,
Умывались люди кровью алою,
Со зверями вместе спали в логове,
А герои притесняли слабого,
Вольных чад моих рабами сделали.

(Перевод Н. Павлович)

Однако, находясь в плену религиозной идеологии, Баранаускас не стал выразителем революционно-демократических идей национально-освободительного движения. Отразив глубокое недовольство народа социальным и национальным угнетением, Баранаускас призывал его не к борьбе против существующего общественного строя, а к смирению и упованию на божий промысел. В развитии творческих сил Баранаускаса серьезнейшей преградой явилась религиозная идеология, прочная связь с которой укрепилась у него после принятия им духовного сана. В дальнейшем погружение в религию совершенно погубило талант Баранаускаса, который отошел от поэтического творчества, стал реакционером и мракобесом.

Литовские клерикальные критики и историки литературы кичились тем, что литовскую литературу до конца XIX века создавали в основном люди духовного звания — ксёндзы и пасторы. На самом деле влияние религии, отразившееся на творчестве ряда писателей, препятствовало развитию литовской литературы. Религиозная идеология погубила немало ярких талантов. Все ценное как в идейном, так и в художественном отношении, что оставили поэты духовного

звания, было ими создано не благодаря, а вопреки их религиозной идеологии, лишь за ее пределами. Это мы можем наблюдать на примере К. Донелайтиса, А. Страздаса, К. Незабитаускиса, а позже — Венажиндиса, Майрониса и многих других литовских писателей.

Творчество Баранаускаса стоит у истоков романтического направления в литовской поэзии XIX века. Хотя в изображении природы Баранаускас пользовался большей частью реалистическими красками, однако уход в мир природы был вызван в значительной мере стремлением отрешиться от социальных противоречий. В творчестве поэта явно ощущается и другая, наиболее характерная черта литовского романтизма — возвеличение прошлого Литвы и противопоставление его безотрадной современности.

4

Среди поэтов, связанных с подъемом национально-освободительного движения в Литве в начале второй половины XIX века, приведшего к восстанию 1863 года, но писавших в основном после его поражения, следует также отметить А. Венажиндиса и Ю. Анусавичюса.

Венажиндис, как и его предшественник Страздас, был поэтом-песенником, предназначавшим свои стихи не столько для чтения и печати, сколько для непосредственного песенного исполнения. Он сам сочинял для них простую народную мелодию или перекладывал их на мотивы уже известных песен, популярных романсов. В своем творчестве Венажиндис широко использовал фольклорную поэтику. Не случайно многие его произведения быстро завоевали любовь народа, стали народными песнями. Напечатаны они были уже только после смерти их автора.

Общественный подъем накануне революции 1863 года, по-видимому, отразился в тех песнях Венажиндиса, которые окрашены в яркие оптимистические тона. С наступлением реакции в стихах поэта появляется уже иное распределение света и тени. В это время Венажиндис создал ряд песен, проникнутых не радостью, а скорбными душевными переживаниями и религиозными мотивами. Мрачной общественной атмосферой в стране и глубокой личной драмой поэта — разлукой с возлюбленной, дочерью участника восстания, сосланной в глубь России, — объясняется пессимизм поздних песен Венажиндиса:

Далекó мои братья рассеяны всюду,
Позабыли одни, и другие забудут.

Далека, далека ты, лебедка моя!
Почему не летишь ты в родные края?

Или крылышек белых становится жаль?
Посети же мой дом, где тоска и печаль!
Ранним утром, и днем, и порою ночной
Одиночество — друг неизменный — со мной.

Этот период творчества Венажиндиса продолжался недолго. Спустя несколько лет поэт, решившийся принять сан ксёндза, почти совершенно перестал писать.

В песнях Венажиндиса послереволюционного периода нашли отражение не только скорбные личные переживания, но и общественные мотивы, связанные с наступлением реакции. В его песнях нередко упоминаются сосланные повстанцы, осуждается колонизаторская политика царизма, цензурный гнет и т. д. В эти годы Венажиндис глубже почувствовал и общие народные нужды. В этом отношении весьма характерна его песня «Голубок — дитя свободы...», в которой говорится о тяжелом положении крестьянства, терпящего гнет царских чиновников, обездоленного непосильными налогами.

Трудишься весь век, потеешь
Над работой тяжкой...
Что в конце концов имеешь? —
Рваную сермяжку.

Но и ту с тебя, пожалуй,
Снимет беспощадно
Вместе с податью немалой
Управитель жадный.

Протестом против самодержавного деспотизма, прикрываемого стремлением «окультурить» литовский народ, проникнута и написанная несколько позже единственная басня Венажиндиса «Волк и козел». На предложение царского правительства (Волка) сделать литовский народ более благородным, пропустив его через свои внутренности, последний (Козел) отвечает ударом рогов.

Венажиндис является первым выдающимся мастером любовной лирики в литовской поэзии. Есть основание полагать, что ему принадлежит значительно большее количество стихотворений, чем то, которое дошло до нас. Став ксёндзом, Венажиндис, надо думать, не решался обнародовать эти песни, а после его смерти рукописи их были уничтожены «благочестивыми» родственниками.

Подлинным певцом восстания 1863 года в литовской поэзии является Юлюс Анусавичюс. Когда он начал писать, неизвестно, но можно полагать, что некоторые из его произведений, дошедших до нас, в частности поэма «Один весенний день», создана еще до восстания, в середине 50-х годов. Судя по этой поэме, бытописующей будничную жизнь литовской деревни и содержащей нравоучительные наставления, можно полагать, что творчество поэта и развивалось бы в этом направлении, если бы не восстание. Анусавичюс принял активное участие в нем, за что был сослан на вечное поселение в глухие места Сибири. Там, вдали от родины, не имея с ней никаких связей, горя ненавистью к царским палачам, наблюдая полную лишений жизнь изгнанников, поэт и создавал свои стихотворения и поэмы, оставив в рукописях огромное литературное наследие, исчисляющее более 20 000 строк стихотворных текстов. Значительная часть поэтического наследия, сохранившаяся в рукописях Анусавичюса, и сейчас еще не опубликована. Ценность его для современного читателя невелика, так как эти рукописи заключают в себе неотделанные произведения, имеющие характер дневниковых записей, с очень обширными рассуждениями, воспоминаниями, описаниями отдельных событий и т. д. Эти произведения Анусавичюса затруднительны для восприятия и по языку, так как поэт писал, будучи оторванным от родины, на одном из далеких от литовского литературного языка наречий.

Завершенные стихотворения и поэмы Анусавичюса имеют не только познавательную, но и эстетическую ценность, проникнуты глубоким чувством любви к родине, воспевают самоотверженную борьбу повстанцев, призывают к новой борьбе за свободу. Так, в поэме «Весна 1863 года» он не просто описывает восстание и рассуждает о нем, а создает яркие образы его участников. В ней особенно выделяется образ молодой крестьянской девушки Котрины, которая, узнав о гибели на поле брани своего возлюбленного, сама, переодевшись мужчиной, вступает в отряд повстанцев, самоотверженно борется и, не отступая перед врагом, гибнет в борьбе.

Однако, изображая восстание 1863 года как широкое народное движение, Анусавичюс отразил лишь национальные задачи этой революции, почти не касаясь других социальных вопросов и прежде всего борьбы крестьянства за землю, против крепостничества и помещиков. В этом сказалась идейная ограниченность поэта, которая проявилась и в недооценке сил русской революционной демократии в общем освободительном движении, в борьбе против царизма.

В изгнании Анусавичюс написал немало произведений (поэмы «Пахарь», «Орешник» и другие), изображающих деревенскую жизнь.

Среди поэм Анусавичюса есть и такие, в которых он изображает борьбу за освобождение других народов, в частности черкесов («Старик Кям-бяла»), описывает природу Сибири и быт бурятов, в окружении которых ему приходилось жить в изгнании.

5

Хотя отмена крепостного права в 1861 году в известной мере способствовала преодолению культурной отсталости Литвы, однако в литературной жизни страны снова началась полоса запустения. После подавления восстания 1863 года царское правительство наложило запрет на литовскую национальную печать. Политика преследования и подавления свободной мысли, отсутствие прессы и т. д. не способствовали приходу в литературу молодых дарований. Вплоть до начала 80-х годов почти не было новых поэтов. Те же, которые писали раньше, к этому времени либо умерли, либо томились в изгнании, либо завершили свой творческий путь. За все эти годы, кроме писавшего в ссылке Анусавичюса, известны оставшиеся в рукописях лишь несколько поэтических произведений еще двух-трех таких же изгнанников (А. Ясявичюса, Ю. Довидайтиса), народных поэтов, произведения которых не получили широкой известности (У. Тамошюнайте) или таких, стихи которых не сохранились даже в рукописи (А. Лапинскас).

Влияние новых социальных условий развития Литвы пореформенного периода на ее культурную и литературную жизнь начало сказываться лишь в два последних десятилетия XIX века. То был период нового подъема национально-освободительного движения, а в 90-х годах — и революционного рабочего движения. К этому времени уже выросли значительные кадры литовской интеллигенции, тесно связанной с крестьянством, большей частью с зажиточными ее слоями, кулачеством. Молодая литовская буржуазия и буржуазная интеллигенция, конечно, были чужды революционным задачам национально-освободительного движения, они относились примиренчески к царизму и помещикам, тем не менее такие варварские действия царских властей, как запрет литовской печати, школ, стеснение культурной и общественной жизни вообще, а также экономическая зависимость от инородной буржуазии непосредственно затрагивали и ее интересы, вызывали недовольство и протест. Одним из проявлений этого протеста была организация литовской печати, в том числе и периодической (газет и журналов), за границей (в Восточной Пруссии, а также в США) и нелегальное ее распространение в Литве.

Для развития поэзии огромное значение имело издание первого литовского периодического журнала «Аушра» («Заря»), выходившего в 1883—1886 годах. Журнал был буржуазно-либеральным органом, однако в нем, как в единственном периодическом издании, принимали участие как некоторые реакционно-клерикальные деятели, так и радикально-демократические — начинающие поэты и публицисты. На страницах этого журнала выступило около двух десятков молодых поэтов, кроме того в нем были впервые опубликованы произведения поэтов начала и середины XIX века, в том числе Д. Пошки, В. Ажукальниса-Загурскиса, А. Баранаускаса и других.

Основная группа писателей, выступавших в «Аушре», принадлежала к школе так называемого национального романтизма. Характернейшей чертой литовского романтизма уже в творчестве А. Баранаускаса было прославление средневекового прошлого страны, в особенности периода Великого Княжества Литовского (XIII—XV века, при таких его князьях, как Кястутис, Гедиминас, Витаутас), и противопоставление этого прошлого современному положению Литвы. Эта апология, как и литовский романтизм вообще, имела двойственный характер. Поскольку она возбуждала интерес к истории Литвы, пропагандировала любовь к родному языку, народным обычаям и т. д., она играла некоторую прогрессивную роль. Вместе с тем изображение феодального прошлого при игнорировании классовых противоречий сеяло иллюзии о социальном единстве литовской нации, и в этом сказались антинародные, реакционные черты литовского романтизма, отразившего слабость, половинчатость и нерешительность молодой литовской буржуазии.

Обращаясь к истории Литвы, поэты романтического направления не чуждались и других тем: они воспевали красóты природы, в идиллических тонах изображали деревенскую жизнь, писали стихи о любви и т. д. Однако касаясь современности, они в большинстве случаев довольствовались крайне неопределенными жалобами и сетованиями на подавленность литовского народа и были далеки от активного протеста.

Среди писателей-романтиков, регулярно выступавших в «Аушре», не было крупных поэтических талантов. Лишь немногие из них (А. Виштялис, Ю. Миляускас, Т. Жичкус, М. Давайнис-Сильвестравичюс, Ю. Зауервейнас и другие) создали произведения, представляющие определенный историко-литературный и художественный интерес. Следует отметить, что вначале с романтическим направлением были связаны и В. Сакалаускас-Ванагелис, Л. Малинаускайте, Ю. Андзюлайтис-Калненас и другие, в дальнейшем занявшие особые позиции и проявившие себя как поэты демократического лагеря.

На поэтов, выступивших в начале 80-х годов, огромное влияние оказывала польская романтическая поэзия, в особенности А. Мицкевич и те польские поэты, которые в своем творчестве касались истории Литвы и литовского народа (Л. Кондратович, И. Крашевский, Ю. Словацкий, А. Аснык). Произведения этих поэтов переводились на литовский язык, ими вдохновлялись, им подражали. Особенно популярны были поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», «Гражина», баллада «Три Будриса» и другие.

Наряду с влиянием польской литературы в этот период на развитие литовской поэзии все большее и большее влияние начала оказывать русская литература. Появились первые переводы на литовский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Никитина, Кольцова, Некрасова; в особенности широко переводились басни Крылова. У русских поэтов учились преимущественно литовские поэты демократического лагеря. Влияние русской литературы способствовало укреплению в литовской поэзии реалистических начал.

Весьма заметное воздействие оказала русская поэзия и на развитие литовского стихосложения. Как уже отмечалось, на всем протяжении XIX века в литовской поэзии отчасти под влиянием польской стиховой системы доминировало силлабическое стихосложение, тогда как тоническое встречалось лишь в народных песнях. Наиболее свойственное литовскому, как и русскому, языку силлабо-тоническое стихосложение культивировали лишь немногие поэты в отдельных произведениях, и то преимущественно лишь такие его размеры, которые тесно соприкасались с силлабическим стихом, как например четырехстопный хорей. Понятно, что в литовском стихе почти совершенно не было мужских, а тем более дактилических рифм.

В последние два десятилетия XIX века силлабическое стихосложение было почти совершенно вытеснено из литовской поэзии силлабо-тоническим стихом, со всеми его основными размерами, которые в это время прочно и окончательно утвердились в ней.

Огромным достижением было образование в конце XIX века единого литовского литературного языка. Прежде писатели создавали свои произведения на каком-либо из диалектов. С появлением периодической печати, предназначавшейся для всех литовцев, такое положение не могло продолжаться. В основу литовского литературного языка было положено юго-западное наречие верхнелитовского диалекта, и отныне все писатели стали ориентироваться на него. Соответствующим образом исправлялся язык художественных произведений в редакциях журналов и газет. Была начата решительная борьба за очистку литовского языка от многочисленных чужеродных элементов, засорявших его, в том числе и против таких слов и син-

таксических оборотов, которые широко проникли и в разговорную речь и которые раньше не воспринимались как варваризмы. Эта борьба, конечно, не закончилась в XIX веке, она продолжалась и в XX веке. Поэтому язык литовских поэтов конца XIX века все же существенно отличается от норм современного литературного языка.

Во всех этих достижениях немалую роль сыграло творчество крупнейшего представителя романтического направления литовской поэзии конца XIX века поэта Майрониса. Его роль в литовской поэзии аналогична той, которую сыграл в русской поэзии Пушкин.

Майронис начал свой литературный путь также в начале 80-х годов, выступив в печати с произведением, опубликованным в «Аушре». Однако полного расцвета талант поэта достиг в 90-е годы, когда вышел сборник его стихотворений «Весенние голоса», поэма «Через страдание к славе» и другие произведения.

По масштабу своего дарования Майронис был одним из самых выдающихся поэтов Литвы, стихи которого до сих пор не утратили своей прелести и обаяния.

Сила поэзии Майрониса — в ее мощном лиризме, сочетающемся с пластической живописностью образов. Эти свойства дарования поэта с блеском развернулись в его стихотворениях, воспевавших красоту родной страны, раскрывавших мужество и одаренность литовского народа. О Литве, как о главной лирической теме своего творчества, Майронис писал уже в одном из первых своих стихотворений:

Навеки тебя полюбил твой поэт,
Певец твой, печалью томимый,
Что вынес мучения тягостных лет —
И всё для тебя, для любимой...

...И первая песня была рождена
Печальнее шума лесного.
Звездою светила певцу ты одна,
Будя вдохновенное слово.

(*«Навеки тебя полюбил твой поэт»*)

В творчестве Майрониса особенно широко представлена тема героического прошлого Литвы, ее былого величия и силы. Весьма примечательны, например, его стихотворения, посвященные длительной и упорной борьбе литовского народа с нашествием Тевтонского ордена. Характерно, что такие произведения, как песня «Могила богатырей», были популярны среди литовских воинов в Великую Отечественную войну.

В пейзажной лирике Майронис сделал огромный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. В его картинах природы нет и тени чистого описательства, бессодержательной игры красок, живописи ради живописи. Большинство пейзажных зарисовок Майрониса пронизано глубокими и сложными душевными переживаниями, составляющими их внутренний смысл. Таковы его стихотворения: «Земля уснула», «Весна», «При восходе солнца», «С горы Бируте». Последнее принадлежит к числу наиболее выдающихся в литовской поэзии:

Разливаясь широкой волной в час зари,
Грудь мою своим бурным приливом залей,
Голос гордой стихии своей подари,
Одари меня, Балтика, силой своей...

...Грустно мне и тебе, — отчего, не пойму,
Ты не знаешь забвения даже во сне.
Только б волны завыли грознее сквозь тьму,
Только б море придвинулось ближе ко мне.

Майронису не были чужды и сатирические мотивы. Так, в ряде своих стихотворений он саркастически изображает духовную немощь и деградацию буржуазной интеллигенции («Мои школьные однокашники», «Винтёры» и другие).

При всем том в творчестве Майрониса сказались и слабые стороны, свойственные всему романтическому направлению в литовской литературе. Майрониса глубоко волновала проблема национального самоопределения литовского народа. Однако романтико-идеалистическое мировоззрение помешало ему найти единственно верное решение этого вопроса. Касаясь темы национального освобождения, поэт совершенно игнорировал социальное положение литовского народа, как бы не замечая классовой борьбы, которая развивалась в его стране. Так, недовольство Майрониса вызывала не эксплуататорская сущность литовского дворянства, а то обстоятельство, что оно ополячилось, что оно чуждо литовским национальным обычаям и культуре. С другой стороны, он приветствовал тех его представителей, которые вставали на путь «исправления», единения с новой литовской буржуазией, претендовавшей на руководящую роль в национальном движении. Буржуазная ограниченность мировоззрения Майрониса особенно сильно сказалась в его поэмах. Отрицательное воздействие на творчество поэта оказала также религиозная идеология и связь с церковью, установившаяся после принятия им духовного сана.

6

Наряду с романтизмом, в литовской поэзии конца XIX века развивалось другое, во многом противоположное ему направление, отразившее не только национальные, но и социальные интересы литовских народных масс.

По своим художественным и стилистическим тенденциям это направление тяготело к реализму, к изображению конкретной действительности, к выявлению ее острых социальных противоречий и классового неравенства. Этому направлению была чужда идеализация средневекового прошлого, в котором поэты демократического лагеря видели прежде всего бесчеловечный гнет феодалов и бесправие крепостного крестьянства.

Среди поэтов, тяготевших к этому направлению и выступавших еще в «Аушре», следует упомянуть П. Арминаса и С. Дагилиса, проявивших себя главным образом в качестве переводчиков. В их переводах, наряду с поэмами и балладами польской романтической поэзии, значительное место занимают уже произведения реалистического характера как польских, так и преимущественно русских авторов, в особенности басен Крылова.

Еще в «Аушре» начал свое литературное творчество и поэт Ксаверас Сакалаускас-Ванагелис, выделявшийся среди других тогдашних молодых поэтов более совершенной отделкой стихов, их простотой и непосредственностью выражения. Некоторые его произведения, как например «Эхо призывов» или ставшее народной песней «Из далекой сторонушки», — также окрашены в романтические тона. Однако Сакалаускас-Ванагелис, в противовес другим представителям литовского романтизма, не противопоставлял историческое прошлое Литвы современности. Тема родины у него тесно смыкалась с образом простого народа, а любовь к отчизне у него сочеталась с любовью к родному трудовому народу.

В стихотворении «Две картины» Сакалаускас-Ванагелис сам осуждает идиллически-романтическое изображение действительности, противопоставляя ему суровую правду — картину социального угнетения и нужды трудящихся, противоречий между господами и бедняками. Правда, сам поэт в большинстве своих стихотворений еще не стал на путь непримиримого обличения эксплуататоров, отражения глубоких социальных конфликтов. Тем не менее его горячее сочувствие к деревенской жизни, к крестьянскому труду, равно как и его близкая народным песням любовная лирика, свидетельствует о демократических тенденциях его творчества. В стихотворении «Моя доля» поэт выражает горячее желание стать полезным народу.

Как хотел бы милым братьям ныне правду я сказать,
Просветить, открыть им очи, путь надежный указать.
Но — несчастье! Крепки цепи темноты, невзгод лихих.
Как ни тщусь сломать их звенья — не хватает сил моих.

Будучи по профессии народным учителем, Сакалаускас-Ванагелис одним из первых в литовской поэзии стал писать стихи для детей, и многие из них, наряду с баснями, вошли в репертуар детского чтения.

Путь от романтических иллюзий, навеянных обращением к литовскому средневековью («К Неману», «Воспоминания о прошлом» и другие), к отражению острых социальных противоречий современности («Дворянин и мужик») проделала поэтесса Людмила Малинаускайте, хотя эти демократические и реалистические черты ее творчества не получили полного развития, так как она вскоре совершенно перестала писать.

То же самое следует сказать о Юозасе Андзюлайтисе-Калненасе. Первые его стихи, появившиеся в «Аушре» («Среди своих», «Смерть Кястутиса»), также еще имели романтическую окраску. Однако в дальнейшем он резко порвал с романтической идеологией «Аушры», стремясь, как редактор двух ее последних номеров, повернуть журнал на демократический и реалистический путь. Андзюлайтис-Калненас в своей публицистической деятельности проявил себя как острый обличитель царизма и эксплуататоров, клерикализма и реакционного национализма. В ряде статей он провозглашал идеи классовой борьбы пролетариата, революции и социализма. Передовые идеи своего времени Андзюлайтис-Калненас своеобразно отразил и в своем творчестве, основную часть которого занимают вольные переводы. Любимым поэтом Андзюлайтиса-Калненаса был Т. Г. Шевченко, стихи которого он переводил. Известны также его вольные переводы стихотворений И. С. Никитина, шотландского лирика Р. Бернса. В вольных переводах из Шевченко Андзюлайтис-Калненас приближал образы украинского поэта к литовской действительности, заменяя собственные украинские имена и понятия литовскими (Днепр — Неманом, казака — парнем, тополь — черемухой и т. д.). Так он поступал и в других переводах, иногда значительно удаляясь от оригинала, используя лишь некоторые его образы и мотивы. При таком методе работы вольные переводы Андзюлайтиса-Калненаса воспринимались его современниками как самостоятельные, оригинальные произведения. Большинство литовских поэтов того периода, занимавшихся переводами, не ставило перед собой цели передать все детали и все краски произведения, написанного на другом языке. Они стремились

заимствованными образами и сюжетами выражать свои собственные идеи, создавая по существу, на основе переводов, новые произведения. Поэтому очень часто литовские переводчики, в том числе и Андзюлайтис-Калненас, не указывали автора, произведение которого послужило основой для переработки. Написав около трех десятков таких стихотворений на темы народной жизни и близких народным песням, Андзюлайтис-Калненас в начале 90-х годов также отошел от литературной деятельности.

7

Кроме поэтов, пришедших к реализму от первоначальных романтических увлечений в «Аушре», в последнее десятилетие XIX века в литовскую литературу приходят поэты, выступившие с демократических и реалистических позиций. Они особенно остро обличали социальные противоречия, смело критиковали пороки современного общественного устройства, были полны ненависти к эксплуататорам.

Среди них прежде всего следует назвать Винцаса Кудирку — замечательного прозаика и публициста, оставившего также, хотя и небольшое по объему, но весьма ценное поэтическое наследие, внесшего значительный вклад в развитие реалистического направления. Кудирка еще был тесно связан с буржуазно-либеральной идеологией, был редактором журнала этого направления «Варпас». Однако лучшие его стихотворения не несут на себе печати буржуазной ограниченности. Таково, например, стихотворение «Не тот велик», остро обличающее деспотизм и угнетателей народа:

Велик не тиран, перед кем миллионы
Склоняются, помня про цепи и кнут,
Кого прославляют они умиленно,
А в сердце своем озлобленно клянут.

В представлении Кудирки положительный герой — это народный трибун:

Лишь тот называться великим достоин,
Кто жизни для ближних вовек не жалел
И, стоя за правду как доблестный воин,
Являет величье поступков и дел.

Кудирка остро высмеивал и бичевал литовскую буржуазную интеллигенцию («Просветителям Литвы», «Воробьи и чучело»), которая продавала интересы народа ради карьеры, сытой жизни и личного благополучия. В стихотворении «Жалоба пахаря» он ярко по-

казал бедственное положение и эксплуатацию крестьянских масс. И в своей интимной лирике («Валерии») поэт на первое место выдвигал служение общественному благу, воспевал женщину как подругу в борьбе за лучшее будущее.

Подлинно революционных методов борьбы широких масс трудящихся Кудирка не выдвигал. Все же разоблачительная сила таких его стихотворений, как «Не тот велик», «Labora!», басня «Сапожник и подмастерье», была столь велика, что они оказывали революционизирующее воздействие и в дальнейшем не раз перепечатывались в сборниках революционных стихов и песен.

Кудирка прочно утвердил в литовской поэзии жанр гражданской лирики. В развитие литовской поэзии и ее стихосложения большой вклад Кудирка внес и своими многочисленными и мастерскими переводами польских, русских, немецких и других поэтов. Немалой его заслугой было опубликование работы, предназначенной для начинающих поэтов: «Правила писания стихов». Это была краткая теория стихосложения, с примерами, взятыми из литовской поэзии.

Подлинным выразителем дум и чаяний широких демократических масс литовского народа и прежде всего крестьянства в литовской поэзии конца XIX века стал Пранас Вайчайтис.

Основным мотивом творчества Вайчайтиса также является глубокая любовь к родине. В противовес поэтам романтического направления родина для Вайчайтиса — это прежде всего трудящийся люд, крестьянство. В одном из лучших своих стихотворений «Есть страна» поэт, тоскуя на чужбине по родине, именно к простому народу обращает свои чувства и мысли:

Там бедняки, на склоне дня
Устало возвращаясь с поля,
Везде и всюду, как родня,
Поют, поют о лучшей доле...

...И думы льются как река,
Влекут меня к отчизне властно.
Где этих мыслей берега? —
Они в Литве моей прекрасной...

Вайчайтис создал целый ряд стихотворений, в которых полным голосом заговорил о невзгодах, выпавших в те годы на долю трудящихся, крестьянских масс; тем самым он сделал огромный шаг вперед по сравнению с поэтами-романтиками, изображавшими народные страдания крайне отвлеченно. Вайчайтис смело бичевал царское правительство как виновника народных бедствий, он рисовал образы

преследуемых, ссылаемых в Сибирь распространителей литовской печати, изображал простого труженика — крестьянского парня, умирающего на поле империалистической войны, которая ведется в интересах богачей («Жалоба умирающего солдата»), с ненавистью высказывался о дворянах-помещиках и т. д. В творчестве Вайчайтиса впервые в литовской поэзии появляются остро-сатирические стихи, направленные против духовенства, бичующие его алчность и враждебность народу. Подобно Кудирке, Вайчайтис клеймил буржуазно-карьеристскую интеллигенцию, оторвавшуюся от народа.

Поэзия Вайчайтиса весьма разнообразна и в жанровом отношении. Наряду с гражданской лирикой, насыщенной острыми социальными мотивами, он писал и задушевные любовно-лирические стихи, элегии, сонеты, юмористические стихотворения и песни, сатиры, эпиграммы, стихотворные сказки, исторические стихотворения и т. д. Наряду с Майронисом, Вайчайтис больше всего способствовал развитию жанрового разнообразия в литовской поэзии, обогащению поэтического языка.

Вайчайтис также был одним из лучших переводчиков конца XIX века. Он перевел «Скупого рыцаря» и «Русалку» Пушкина, ряд стихотворений польских демократических поэтов. На все творчество Вайчайтиса большое влияние оказала проникнутая революционным духом поэзия Некрасова.

Вайчайтис писал уже в самые последние годы XIX века, когда на историческую арену выступил пролетариат, развертывалось революционное рабочее движение. Однако поэт стоял в стороне от этого движения, ни идейно, ни организационно не был с ним связан. Отсутствие этих связей ограничило его творческие возможности. Смело критикуя и осуждая многие стороны тогдашней действительности, бичуя угнетателей и эксплуататоров народа, Вайчайтис по существу не смог выдвинуть сколько-нибудь ясных положительных идеалов, ради которых стоило бы призвать народ к борьбе. Незнание путей, ведущих к социальному освобождению, усиливало в творчестве поэта элегические мотивы. Однако Вайчайтису были чужды примирительные умонастроения. Характерно в этом отношении его стихотворение «Мне всё равно», где он, в противовес безысходным сетованиям поэта Венажиндиса, призывает к активной деятельности на благо отечества:

Лишь дайте честную работу:
Готов любую тяжесть снесть,
Трудиться до седьмого пота,
Чтоб пользу родине принесть.

Видным представителем литовской революционной поэзии был Йонас Мачис-Кекштас. Начав свою литературную деятельность еще в «Аушре», он уже тогда выступал как подлинно демократический поэт, чуждый романтической идеализации прошлого, энергично выдвигавший тему социального неравенства и борьбы. С наибольшей остротой он разрабатывал эту тему в произведениях последнего периода творчества, уже на пороге XX века, когда, эмигрировав в США, Мачис-Кекштас непосредственно включился в рабочее движение. В его стихах того времени находим не только острую критику тогдашней действительности, но и тему революционной борьбы рабочего класса. Так, в его «Песне людей труда» изображается угнетенное положение не трудящихся вообще, а в первую очередь — пролетариата, как основного класса капиталистического общества, созидателя жизненных благ. В стихотворении рабочий класс призывается на борьбу уже не только за национальное равноправие, но и за социальное освобождение от капиталистического рабства, то есть за осуществление социалистических идеалов, хотя и выраженных еще в весьма отвлеченной форме:

О солнце, дай нам свет сюда,
Пролей свое сиянье!
Прочь нищета и темнота,
Слепое прозябанье!

Объединил нас враг —
Кромешный, черный мрак!
Сквозь жертвы и борьбу
Проложим мы тропу
К лучам свободы, к миру!

При всем том творчество Мачиса-Кекштаса знаменовало зарождение новых революционных традиций, оплодотворивших литовскую поэзию в начале XX века.

В литовской литературе конца XIX века Мачис-Кекштас не был единственным поэтом, в творчестве которого зазвучали мотивы революционной борьбы, классовой борьбы пролетариата. Однако другие поэты, которым свойственны эти мотивы, не обладали ярким дарованием. Среди них можно назвать К. Букавецкаса, в стихах которого, наряду с острым изображением угнетенного положения рабочего класса и призывов его к борьбе, проскальзывают еще идеи христианского социализма, С. Матулайтиса, С. Гомолицкиса, С. Петрулиса (переводчика польской революционной песни «Красное

знамя») и других. Появление этого нового революционного течения в литовской поэзии конца XIX века, хотя еще и весьма слабого, все же отразило выступление на историческую арену революционной борьбы рабочего класса Литвы, проникновение идей социализма в сознание трудящихся масс литовского народа.

* * *

Таковы те основные этапы, которые прошла литовская поэзия в течение векового своего развития, и те основные ее представители, которые и в труднейших условиях существования литовской литературы сумели проявить себя как незаурядные поэтические индивидуальности и создать значительные художественные ценности.

Литовская поэзия XIX века развивалась самобытно и своеобразно. И именно эта самобытность, на наш взгляд, и может сегодня представлять интерес для любителя поэзии. Национальным своеобразием как идейного содержания, так и художественной формы проникнуто творчество литовских поэтов XIX века. Их творчество раскрывает перед читателем жизнь, борьбу, быт, идейные устремления, душевные чувства и эстетические вкусы одаренного и свободолюбивого литовского народа.

Б. Пранскус-Жалионис

СТИХОТВОРЕНИЯ

АНТАНАС КЛЕМЕНТАС

А. Клементас происходил из мелкопоместных дворян. Предполагают, что родился он в 1756 году в Жемайтии. Детские годы поэт провел в Белоруссии. Двадцати двух лет Клементас возвращается на родину и поселяется в Расейняй, где в течение ряда лет исполняет обязанности судебного писаря и занимается адвокатурой. В 1792 году Клементас переселяется в Тельшяй. Здесь с небольшими перерывами он снова работает в суде сначала писарем, а позже — до самой смерти в 1823 году — судьей.

Клементас, насколько известно, был человеком веселого и общительного нрава, интересовался литературой и довольно хорошо был знаком с произведениями крупнейших польских писателей XVIII и начала XIX веков. Очевидно, Клементас начал писать свои стихи, не придавая им большого значения и предназначая их для узкого круга своих друзей и знакомых. Сначала он писал только по-польски, но позже — вероятно, под влиянием восстания 1794 года — начал писать и по-литовски. Возможно, что сам поэт принял какое-то участие в нем. Известно его стихотворение «Слушай, детка моя...», написанное около 1794 года, в котором он призывает народ к борьбе за свободу.

Клементас нигде не печатался, но писал до конца своей жизни: сохранилось около тысячи страниц его рукописей.

ДОБРОЕ УТРО

Ясный денек, до чего ты хорош!
Целому миру ты радость несешь.
Слышу, едва заря заалела, —
Люди кругом берутся за дело.

Каждый, в ком чувство живое горит,
Царство небесное благодарит:
Быть бы такой погоде почаще,
Жили б сытнее, ели бы слаще!

После, едва лишь в поле ступил,
Пахари, слышу, кричат что есть сил:
«Каждый пусть нынче господа славит, —
Себя урожай ждать не заставит!»

Только забрел я в соседний лесок,
Сладкий послышался мне голосок, —
Славили птицы промысел божий
За то, что выдался день погожий.

Ласково солнце глядит с высоты,
Не шелохнутся на ветках листы,
Плещется рыбка в пруду озорная,
Этот погожий день прославляя.

Утром цветы напоила роса,
Стала пышнее земная краса,
«Доброе утро», — скажу, улыбаясь,
Роза ответит мне, просыпаясь.

ЖЕМАЙТСКАЯ ПЕСЕНКА

Эй, Ка́йрис, дай на цигарку,
А не дашь, так будет жарко!

Мы Кайриене попросили
С водкой нам подать бутыли.

И пускай их дочь Оните
Скажет: «Гости, закусите!»

Вы же, дети, в самом деле,
Песню, что ли, бы запели.

Гости, водку наливайте,
Рюмки разом подымайте!

Выпьешь чарку за соседа,
Веселей пойдет беседа.

Музыканты нам сгодились, —
Ионас с Оной в пляс пустились.

Эй, Кайрис, спляши-ка тоже!
Ведь плясал, как был моложе.

С Барбе встал Пятрукас в пару,
Ну, поддай, Антанас, жару!

Тут мы тоже не отстанем,
Как сычи сидеть не станем.

Незаметно день промчится.
Будем петь и веселиться.

Вот мы нынче загуляем
И конца уже не знаем.

ПОТОК ИЛИ РЕЧКА

Быстрая реченька, поток хрустальный,
Слышу в окошко голос твой дальний,
То будишь меня ты утренней ранью,
То сон навевает твое журчанье.

Никак на тебя мне не надивиться,
Плывет по тебе, я вижу, щепица,
Рыбка, блеснув на поверхности, снова
Уходит, дна достигая речного.

Здесь носится птичья свободная стая:
Та вьется, подруженьку догоняя,
Эта глотает песчинки, а эта
Для милой своей поет до рассвета.

Если бы солнце реку иссушало,
Ягод душистых совсем бы не стало,
Птицы бы гнезда здесь вить перестали,
Летом цветы бы здесь не расцветали.

Эти цветы защитил бы я силой,
Не для себя, для Уршики бы милой.
Нарву цветов, и с ее позволенья
Цветы положу я к ней на колени.

ЛЕСОК

Славно в лесу, уже на опушке
Целыми днями тень и прохлада,
Даром, что ль, пастухи и пастушки
Гонят сюда усталое стадо?

Сядут под липой Пятрас и Она,
Спорят, покамест тянется выпас,
Стасюс поет для Розы влюбленно,
Для Катре на флейте свистит Пилипас.

Козы, овцы, коровы, телята
Щиплют и топчут сочные травы,
Бык заревет, заблеют ягнята, —
Славное это времечко, право.

Можно послушать всякую птицу, —
Там соловья слыхать спозаранку,
Дятла, дрозда, овсянку, синицу,
Сойку, кукушку, грача, коноплянку.

Птиц-то немало здесь наберется!
Лес полон песен, льющихся звонко.
Раем не зря у нас он зовется,
С пашни не зря бежит сюда Йонке.

СОЛОВЕЙ

За рощей пташка вечерком
Щебечет нежным голоском,
Там, где лужок порос
Купами алых роз.

Я тороплюсь на этот зов,
Я пробираюсь меж стволов,
Слушал бы без конца
Этого я певца.

Но боязливо соловей,
Не кончив песенки своей,
Скроется над рекой,
Словно шутник какой.

И шелестит уже листва,
Где песня слышалась сперва...
Тут-то я как возьму
Да и скажу ему:

«Меня к себе ты заманил,
Совсем я выбился из сил,
Я за тобой бежал
Так, что едва дышал.

А ты тем временем исчез,
Ты улетел со страху в лес,
И принялся опять
Громко оттуда звать.

Коли меня хоть в чем-нибудь
Ты ухитрился обмануть,
Взяться пора пришла
Мне за свои дела.

Теперь из алых роз в цвету
Венок чудесный я сплету,
Этот венок я сам
Милой моей отдам!»

СЕНЦО ОНИ́ТЕ

Солнышко только еще вставало,
Маменька дочке своей сказала:
«Оните, сено сгребать придется!
Того и гляди дождь соберется».

Речи такие мне надоели.
Сено мне, что ль, сгребать в самом деле?
Всё же пошла я, хоть не хотела,
И по дороге песню запела.

Думала я, берясь за работу:
Что-то мне дома жить не в охоту,
С милым бы жить под единым кровом, —
Было бы с кем перекинуться словом.

Дело в руках у меня закипело,
Две копны уложить я успела,
Села у края луга большого
И затянула песенку снова.

ЭПИГРАММЫ

О ЗЛОДЕЕ

К смерти однажды приговорили злодея.
Другой его утешал: «Умри, не робея,
С ангелами зато пообедать случится...»
Тот в ответ: «Поешь за меня, я рад попоститься!»

НА СУДЕЙ

Толку от судей добиться не сможешь,
Если в ладони им всем не положишь.

НА ЖЕМАЙТСКОГО ДВОРЯНИНА

Слышит дитя, как громко часы зазвенели,
Думает: «Барин, видать, богат в самом деле!»
Но ест он похлебку пустую, без молока, —
Дитя поймет: «Без хлеба роскошь невелика!»

О ЛЕКАРЕ

Вот у нас, стало быть, лекарь в округе каќов:
Кого он лечит — мрет, кого не лечит — здоров.

О НАСТОЯТЕЛЕ-КСЁНДЗЕ

Ксёндз-настоятель живет и в неге и в холе,
Но протекает зато крыша в нашем костеле.

НА ОРГАНИСТА

Явился один органист к нам в костел,
Орет он и воет, словно дикий козел;
Хоть ксёндз ему платит немало денег,
Мы все здесь толкуем, что он бездельник.

НОСЯЩЕМУ БОЛЬШУЮ САБЛЮ

Скажи-ка, ты саблю зачем повязал?
Не знаешь сам, что в ничтожество впал?
Отошло время рубиться дворянам,
Осталось им разве что драться пьяным.

НА СУДЕЙ

Плохо в суде... Худо, значит, хлопочешь,
Подмазать забыл, а поехать хочешь.

ЖЕНЩИНАМ, КОТОРЫЕ МАЖУТ СЕБЕ ЛИЦО

Марцике, говорят, красотой выдается,
Но не меньше красоты на столе остается.

УПОДОБЛЕНИЕ ЛЫСОГО

Словно дом без крыши, древо без листвы,
Огород без ограды, холм без травы,
Зимушка без снега, без зверей лесок —
Голова, коль выпал последний волосок.

КТО ПЬЕТ ПО ВЕЧЕРАМ

К ночи фляжка мила, утром судьба иная.
Вечерняя выпивка милей, чем дневная.

НА ТОГО, КОМУ ПЬЯНОМУ РАЗРУБИЛИ ГОЛОВУ

Йонасу саблей голову разрубили,
Лекарь глядит — не мозги ль повредили?
Йонас вопит: «Не терзай меня втуне,
Мозгов там не было и накануне».

О ДОЖДЕ И ВЁДРЕ

Вслед за дождем
Нужду мы ждем,
Вёдро стоит —
Голод сулит.

ДИОНИЗАС ПОШКА

Д. Пошка — выдающийся литовский писатель начала XIX века. С ним, как с представителем литовской литературы, поддерживали связь крупные русские и польские ученые и писатели.

Пошка происходил из старинного дворянского рода. Родился он, как предполагают, в 1757 году в небольшом имении Малдунай или Барджай (нынешний Скаудвильский район). С 1820 года он сам управлял этим имением, где в 1830 году и скончался.

Несколько лет Пошка учился в кражяйской гимназии. Однако он покинул ее, очевидно, при переходе в старшие классы. Позднее Пошка, вероятнее всего, учился у какого-нибудь адвоката в Расейняй. С 1790 года он становится судебным деятелем, в 1818 году занимает значительное по тем временам место судебного писаря, а затем и судьи. После двадцати двух лет такой работы Пошка удаляется в свое имение и всецело отдается культурной и литературной деятельности, углубляется в историю своего народа, пишет грамматику литовского языка и составляет словарь, фразеология которого представляет значительную ценность.

К поэзии Пошка обратился позднее. Его стихотворения долго не появлялись в печати, очевидно ввиду своего обличительного характера. Лишь в 1823 году совершенно случайно оказалась напечатанной «Песнь мужичка», которая вскоре стала народной песней. Основная же часть поэтического наследия Д. Пошки была обнародована посмертно.

КСЕНДЗУ КСАВЕРИЮ БОГУШАСУ, ЛИТОВЦУ, И ЙОХИМУ ЛЕЛЕВЕЛЮ, МАЗУРУ, ПИСЬМО ЖЕМАЙТИСА В ГОД 1810-Й

Не лестью замарать перо свое желаю, —
Признательность моих собратьев посылаю.
Д. П<ошка>

В наш невеселый век отрадных дней немного, —
Мне тем дороже день, в который, славя бога,
Нежданно слышу я о том иль этом муже,
Отчизну любящем и мудреце к тому же.

Я нынче радостен, — судьбе не шлю укора, —
Я радости такой дождусь едва ли скоро:
Мне книги мой сосед прислал, да и какие! —
Желаньям издавна особо дорогие!

Я, пахарь, по когтям тотчас же льва узнаю,
Луг — по траве густой, поля — по урожаю, —
Вникайте в мудрость книг, где слиты воедино
Усилья доброго мазура и литвина!

Вникайте, земляки, навек запоминая
Их имена, что знать должна страна родная, —
То имена людей, в науке просвещенных,
В искусство книжное сызмальства посвященных.

Послушайте, что нам гласят их книг страницы,
Где нашей нации истоки и границы;
Им, как литовец, люб жемайтис нелукавый, —
Послушайте, что вам твердит богиня славы:

«Литовцев поучать не уставайте, дети,
Их, словно в улье пчел, сочтите всех на свете.
Не переделена Прибалтика поныне,
И кровь жемайтиса струится и в литвине.

Моими были там питомцами когда-то
Литовец, эст, герул — три дружелюбных брата.
Троих я нянчила в единой колыбели,
Моей заботою они росли-взрослели.

Детей поболее вначале я имела,
И всех оплакала. Остался род Ягелло, —
И тот отобрала всевышнего немилость,
Я умолчу о том, что после приключилось...

. . . .

Скажите, почему, забыв язык родимый,
Стремлением к чужим потомки одержимы?
Ведь ввек не брезгали их пращуры литовским, —
Ступать им стыдно, что ль, по колеям отцовским?

Кяству́тис, Альгирдас речам иноязычным
Могли внимать, но им литовский был привычным
Миндаугас, Ви́таутас, Ягелло — не всегда ли
Отеческой страны язык предпочитали?

Смиряйте всякого, кто, здравый смысл утратив,
С высокомерием глядит на кровных братьев;
Ополоумевшим назвать не постесняйтесь
Того, чьей колкостью преследуем жемайтис.

Единство и любовь блюдите меж собою
В лишеньях, в тяготах, ниспосланных судьбою, —
Превыше всяких бед, прочней любой защиты
Те, кто, осилив страх, родством и дружбой слиты!

Храните эту речь, коль мыслите еще вы
Мне быть детьми! А вам, учителя, готовы
Венки лавровые за голос правды страстной, —
Явились в божий мир вы оба не напрасно!»

МОЙ САДИК

(В 1811 году)

Своим бы Мелибей назвал мой сад; однако
Не тот он, что в стихах Карпинского иль Флакка.
В нем разного добра насажено по грядам,
И всё ж его зовут мои соседи — садом.
А тех, кто не видал в глаза его ни разу,
О нем прошу судить по моему рассказу.

Он и в длину и вширь, скажу я не скрывая,
Шагов по десяти от края и до края.
Перед избой — цветы и всяческая травка:
Шиповник, ноготки, ромашка, горечавка,
Полынь и чернобыл, подсолнухи и чина,
Гвоздика, мальвы, мак и — в уголке у тына —
Привои многие, где яблоки и груши,
Кусты смородины — чем далее, тем глуше,
Дубы с березами, осины, клены, ивы,
Ольха, рябина, вяз, черемухи разливы.

Когда б растенья счесть, их будет не десяток, —
Побольше было бы — в землице недостаток.
Ведь за избой — гора, потом — извив потока,
За ним же — снова холм, встающий невысоко.
Хотел расширить сад — раздумал поневоле:
Пришлось бы для того свое урезать поле.
Пускай останется и невелик, и тесен:
В нем всё же весело от соловьиных песен.
На троне травяном, цветами окруженный,
Сижу, куря чубук, иль в книжку погруженный,
А то в полдневный час ложусь в тени прохладной,
И с книгой в головах впадаю в сон отрадный.
Заглянет друг-сосед. С ним не спеша беседы
Ведем про тяготы, про нужды и про беды,
Ну и, как водится, тем временем ретиво
Опустошаем ковш холодненького пива.
Следя, как день-деньской хлопочут домочадцы,
Сижу я в садике — нельзя мне отлучаться, —
Не прочь и побродить, один иль с добрым другом,
Да стал калекою, томлюсь ножным недугом.
Но времени я всё ж напрасно не теряю.
Коль делать нечего, тащусь к дубку, что с краю
Стоит в моем саду. Я утверждаю смело,
Что нет подобного и в Жемайтии целой.
А прежде-то ведь был, — погиб он в полном цвете.
В Меджиока́льнисе,[1] красивейшем на свете,
Поэт Сарбевиус писал на дубе строки.
Какой-то человек, безмозглый и жестокий,
Его спилил-срубил. И ныне в память дуба
Я имена друзей старательно, хоть грубо
Ножом черчу, склонясь и на коленях стоя.
Вот сердца моего признание простое:
Святы знаки вырезные,
Имена друзей родные.
Ты вензель «Л» и «В»[2] найдешь среди их круга —

[1] Читай географию земли жемайтской: найдешь там правильное указание, что около села Кражяй была красивая гора, называвшаяся Меджиокальнис, обросшая дубами. 30 лет тому назад я сам, когда ходил в школу к иезуитам, еще видел на дубе письмена, но, будучи малолетним, не мог понять, что там было написано. Позднее нарочно искал я тот дуб, но он был уже срублен.

[2] Леонардас Вольмерис.

То буквы имени любимейшего друга.
Напротив, в уголке, где тень темней и строже,
Есть липа старая, исчерченная тоже.
То — скорби памятник, то — символ дружбы вечной,
И на кору гляжу я с болью бесконечной:
Там перечень друзей, которых больше нету,
И — надпись краткая, — прочувствуй надпись эту:
«Дружбу помянуть с отрадой
И на кладбище нам надо».
Растет подальше клен, почти он вполобхвата.
Его своей рукой я посадил когда-то.
В тот год привел в свой дом я женку молодую,
Теперь она в летах, но рядом с ней иду я,
Ровесник этот клен совместной жизни нашей.
Мы оба старимся, а что ни год — он краше.
Но в мае он не тот, что в октябре туманном,
А мы живем в любви, в согласьи постоянном.
Домашних имена, их обручений даты
На нем я начертал. Узнаешь без труда ты
День свадьбы девушки иль парня-домочадца, —
За метрикой в Варняй излишне отправляться.
Три года с той поры ужасной пробежало,
Как я дрожал с избой своею обветшалой.
В молитве находя единую опору,
И надписью такой отметил я ту пору:
«В тыща восемьсот седьмом
В Пруссии гремевший гром
Слышен был в дому моем».

Дубок другой глядит из сада на дорогу.
Не знаю, что на нем я выведу, ей-богу.
Услышу новости — весной на память люду
Их врежу я в кору, коль жить на свете буду.

1811

ПОСЛАНИЕ ДИОНИЗАСА ПОШКИ ТАДЕУШУ ЧАЦКИСУ

В углу своей избы, и старый, и недужный,
Прослышал я о том, что славит голос дружный
Тебя за доброту, которой нет в помине

У нас в Литве — с времен давнишних и поныне.
За чтеньем книг твоих я не однажды взоры
Ввысь поднимал, вздохнув: «Нашелся муж, который
Участлив к беднякам, ко всем осиротелым,
И слово у него неразделимо с делом.
Нашелся человек, который, оказалось,
Всё нищим отдает, себе оставя малость,
И ревностно к тому ж — какой пример похвальный! —
Их обучает он и грамоте начальной.
Ну что же, неспроста советник он почтенный,
Рачитель школ, и весь обвешан, как военный,
Крестами польскими, — сказал себе тогда я.
Ведь, сердце с разумом глубоким сочетая,
Он может и другим подать совет, и вместе
Познанья умножать к своей великой чести.
Когда б царям дал бог такой душевной шири,
Исчезли б нищие, невежд не стало б в мире.
Я за твою любовь к униженному брату
Дань сердца принести хотел тебе в отплату
И написать решил. Но проходили сроки, —
Всё думалось: тебя не отпугнут ли строки
Жемайтской грамоты; и долго оттого я
В себе глушил к перу влечение живое.
Но нынешней весной о подати подворной
Мне власть напомнила. Собрался я проворно,
И вот — в Расейняй мчусь; везет меня кобыла,
Конягу продал я — нуждишка подступила:
В две сотни злотых долг висел на мне, и, к слову,
Дрожал я за свою последнюю корову.
Лишь всё я заплатил, — хоть мало уцелело
Деньжонок в кошельке, — иду к старшому смело:
Ведь недоимки нет, не давит мысль об иге.
Заводит речь старшой о Ширвидаса книге.
Я отвечаю: «Есть в моем дому такая».
Оторопев, гляжу в его глаза, гадая:
На что ему она? Что станет делать с нею?
«Литовский знаешь?» — «Нет, литовским не владею!»
— «Так почему нужда в той книге появилась?»
Тогда он говорит, что дескать, Ваша милость,
Различных языков постигшая немало,
В основы нашего проникнуть пожелала;

Что также очень Вас — передает он дале —
Окаменелости заинтересовали
Жемайтские; и вот, по случаю такому,
Я Вам решил писать, безмерно дорогому.
В Папиль я ездил сам: спускался в дол покатый
И камешков таких привез набор богатый,
Но видом их мужи ученые пленились,
И лучшие прибрать к рукам не поленились.
Осталось у меня не больше доли сотой,
Но вышлю всё, как есть, с великою охотой.
А если свой запас умножить захотите,
Тогда епископу жемайтскому пишите.
В Папи́ле у него есть в изобильи разных
Окаменелостей таких червеобразных
Иль схожих с квакшами; прикажет он — и слуги
Их гору наберут. Но мне в ножном недуге
Простительна и лень. И верст туда ведь со ста,
И дотащиться мне, по старости, не просто.
А что до «Словаря», то с надписью сердечной
Я б Вашей милости послал его, конечно,
Да не могу никак — не в скупости причина:
Мне на короткий срок, как сыну дворянина,
Его епископ дал. К тому же книги эти —
Диковина: таких не видно на примете.
Читать их некому — и сгнили по запечьям.
Ведь брезгают у нас родительским наречьем,
Болтают на чужом, одеты по-иному.
А кое-кто, кичась презрением к родному,
С издевкой говорит про наш язык литовский.
Лишь ты, лишь ты один взаправду по-отцовски
Хранишь наречия погибшего истоки.
Мне жалко, что пролег меж нами путь далекий,
Что, немощный старик, сижу я без движенья.
Всё ж высказать хочу любовь и уваженье
(Поверь, в моих словах — ни сладкой лжи, ни лести).
Я — далеко, но всё ж с тобою — сердцем — вместе.
Я неустанно чтить тебя вовеки буду,
И, как Богушас, ты прославлен будешь всюду.

<1813>

ЖЕМАЙТСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ МУЖИК

Высшими так я тебя божествами,
что ведают правду,
Верой (если для смертных где-
нибудь что в ней осталось
Неколебимым еще) — заклинаю!
Над бедствием сжалься
Столь великим, над жизнью,
терпящей недолжное, сжалься! [1]

Вергилий. «Энеида».

Мужик униженный, из году в год задаром
Обильный урожай несущий праздным барам!
О, если мук твоих стихом не уврачую,
То хоть узнает мир про боль мою большую.
Мужик, ты королям — надежная защита,
Их благоденствие твоим горбом добыто, —
Щедрот несметных клеть, опора всех стремлений,
Извечный муравей, не ведающий лени.
Кормилец добрый наш, в заботах одинокий,
Богатств родной страны хранитель зоркоокий,
Пример учтивости отменной... (Эти речи
Относятся к тебе, несчастный человече!)

Мужик, воистину ты благодетель края!
Чего ж тебя, как грязь, обходят, презирая?
Под птичий переклик, весною, спозаранку,
Полоску старую иль новую делянку
Сохой ты бороздишь с мечтой об урожае
Единственной; когда ж, волами управляя,
Рука замлеет вдруг, запросится к покою,
Не мешкая за бич берешься ты другою.
Мутится в голове от голода и жажды,
Но надо пропахать да прорыхлить хоть дважды
Землицу грубую. Вот лето подоспело.
Дымится, словно печь, распаренное тело,
Когда на поймищах ты в полдень косишь травы,
Иль свой холодный борщ хлебаешь без заправы, —
Кто сердца не лишен, понурится печально
Пред каждой бороздой твоей многострадальной!

---

[1] Перевод эпиграфа с латинского — В. Я. Брюсова. — *(Ред.)*

Вот осень близится. Спешить на жатву надо.
Идешь. С тобой рядком жена твоя и чада.
В хибарке ни души единой не осталось.
Вы дружно трудитесь, не глядя на усталость.
Еще рассвету лень подняться над землею,
А, глядь, уже в трудах ты со своей семьею,
И твой мелькает серп за часом час, доколе
Заря не догорит, не ляжет сумрак в поле.
Работать ты готов хоть до седьмого пота,
Пустое — боль в груди и костная ломота.
Хлопочешь день-деньской, упрямый и радивый,
Пока до колоса хлеба не сняты с нивы,
Не связаны снопы, не убрана солома,
Не стали в ряд скирды по кругу окоема.
Когда ж пройдет страда, в дни осени печальной,
Ты с песнею венок проносишь «пожинальный»,

Помещик говорит: «Конец! Восславим бога!»
Крестьянин говорит: «Еще работы много!»
Она — потяжелей, об этом знает всякий,
Кто очищал хлева, загоны и клоаки,
Кто вилами навоз наваливал в повозки,
Чтоб отвезти потом на тощие полоски.
Ну, а двоить пары, где зелень проступила, —
Какие тут нужны терпение и сила!
Кто в этом искушен, не скажет, как иные,
Что, дескать, легкий труд — растить плоды земные.
Ненастье проводив, ты зимних дней суровых
Дождался наконец, а с ними — тягот новых.
Лишь крикнут петухи, свой цеп хватай поспешно
И на хозяйский ток беги во тьме кромешной,
А то на мельнице, где стужа ледяная,
Всю ночь молитвы пой, дремоту отгоняя.
А утром, хоть ни зги не видно средь метели
И хоть совсем одра сугробы одолели,
На барский двор вози коряги, пни, колоды,
Иль в оттепель, когда льет дождь, играют воды,
Плетись, коль велено, с поклажею любою
В Варшаву, в Каунас, и в Ригу, и в Лепою.

Мужик, твоих трудов вот перечень посильный!
«Нет, это часть того, что поднял я, двужильный!

Ее ты снял, как жир с похлебки разогретой.
А кто ж расчистил луг, возделал поле это,
Болота осушил, убрав кустарник нищий?
Кто камни расколол железом на огнище?
Кто ломом раздробил подводные пороги,
Губившие суда? Кто выровнял дороги,
Усыпал их песком и галькою хрустящей
И рвы прорыл с боков? Кто по соседству с чащей
Сады понасажал, ласкающие взоры?
Кто с долами сравнял холмы и косогоры?
Кто выстроил дома, их разукрасив щедро,
Воздвиг собор святой; проник в земные недра,
Чтоб золото извлечь на счастье толстосумам?
Мужик, простой мужик, слывущий тугодумом!»

— «Ты правильно сказал, и с прямотой суровой!
Но о житье твоем хочу я слышать слово!»
— «Ючусь в избе курной; шероховат, неровен
В ней пол; взамен окна — расщелина меж бревен.
В избе моей темно — откуда свету взяться?
От едкой копоти глаза мои слезятся.
Мякинный хлеб, горох с капустой неизменной
Жую что в праздник я, что в день обыкновенный.
Моя постель — скамья, прикрытая дерюгой,
Хожу в худых лаптях и подпоясан туго
Обрывком бечевы; резвится рой блошиный
Под вытертой моей и продранной овчиной.
Мое имущество с рожденья до могилы —
Зубатка-борона, соха, серпы да вилы».
— «О брат мой, мужиком зовущийся! Ужели,
Земляк мой, ты живешь других крестьян тяжеле?
Печаль твоя душой моею овладела —
Иль больше до тебя уж господам нет дела?»
— «О благодетель мой! Печальник сердобольный!
Никто не видит мук, что я сношу, бездольный!
Царя небесного мы богом называем,
Земного же — царем; на них мы уповаем,
Но бог-то — высоко, а царь, увы, далёко, —
Где им увидеть нас, страдающих жестоко?
Ведь не доходят ввек до них ни крики боли,
Ни слезная мольба томящихся в неволе.
Печется господин лишь о своем прибытке,

Он сердцем холоден к моей вседневной пытке.
Лишь для работы нас растит он, как скотину.
Всё круче барщина гнетет мужичью спину,
Не счесть повинностей, придуманных панами:
Руби для них дрова, ходи за их конями,
Таскай водицу, взяв на плечи коромысло, —
Замешкался — беда над головой повисла.
Поставь гусей, грибы да ягоды лесные;
Изделья кустарей, льняные, шерстяные,
Без промедления тащи им, да побольше, —
Бог весть, как господа их называют в Польше.
Ну, а земля моя — полоски половина:
Здесь — почва топкая, а там — песок да глина.
Сказать по совести, таков надел землицы,
Что под хвостом у пса он мог бы уместиться.
В дубраве я сидел однажды, отдыхая,
И вижу мед в дупле — шел к барину тогда я, —
И стыдно стало мне прийти без приношенья,
Два сота я отнес ему из уваженья.
На управителя пожалился, мол, больно
Работою морит, колотит зря... «Довольно,
Молчи, холоп, — взревел мой господин, лютея, —
Не то на воротах повешу, как злодея!» —
Я кинулся к дверям... Тут с бранью неподобной
Вцепился в волосы мне управитель злобный.
За жалобу свою дождался я гостинца,
И плешиной свечусь не хуже бернардинца.
Схвативши за ухо, когда волос не стало,
Меня мучитель наш лупил по чем попало.
Плетусь домой чуть жив... В затылке — зуд
жестокий,
На шее — волдыри, на лбу — кровоподтеки,
А мне еврей-шинкарь: «Слыхал я, что в придачу
Отведаешь плетей!» Ему я — в ноги, плачу,
Я пособить прошу и отвести мученья.
Головкой сахару он мне купил прощенье.
Так спас меня ловкач с душою благородной,
Но взял из клети всё, что было взять угодно.
Российскому письму обучен ты сызмальства,
Сумеешь ублажить прошением начальство.
Шли Александру весть иль, хочешь, Константину,
Сенату опиши мужицкую судьбину.

Ведь молим долгих лет отцам простого люда,
Так дай же им узнать, что нам живется худо!»
— «Мужик, мужик, не суй свой палец меж дверями,
Задаром свеч не жги в чужеобрядном храме!
Я не лягавый пес, чтоб лезть в нору лисицы,
Не аист, чтоб на змей нездешних напуститься.
На чьей катящейся телеге восседаю,
Тому и песнею покорно угождаю,
Под дудочку того и казачка пляшу я.
Короче говоря, по-русски не пишу я,
А если бы умел, то не писал бы тоже:
Я — дворянин, и мне хулить господ негоже.
Да, наконец, писать подобное — излишне.
Пусть, горемычные, поможет вам всевышний».

1817 (?)

ПЕСНЬ МУЖИЧКА

Кудахтаньем зарю встречают куры дружно,
А мне за труд пора, в дугу мне гнуться нужно.
Дубинкою грозя, кричит приказчик дико:
«Что мешкаешь, холоп? Кобылу запряги-ка!»

В поту лица пашу землицу спозаранья,
Но хлещет плеть меня в награду за старанья.
Пути не различить, как поле покидаю,
При первых петухах в короткий сон впадаю.

Недели круглые кладу на бар труды я,
А всё ж — свой луг скосил и выжал яровые.
Заботы о семье спать не дают ни мигу,
Под осень на барже я уплываю в Ригу.

Свезли зерно купцы — к ним благосклонно небо, —
Я ж — ради господа — прошу кусочек хлеба.
Хоть захворал, простыв, но будь покорен игу:
Коль повелят, опять плыви с дровами в Ригу.

Война ударила. И барин именитый
Сказал мне: «Раб, ступай! Отчизна ждет защиты!»

В палатах плохо ли сидеть, читая книгу?
Связав, меня тотчас препроводили в Ригу.

Глотаю горечь слез я с хлебом заедино.
День и́зо дня трудясь, живу я, как скотина.
Купаться в золоте панам судьба судила,
Меня же, голяка, возьмет не в срок могила.

Нет равных меж людьми: то истина святая!
Чтут гордых бар, ничем сермяжника считая.
Что ж делать нам, пока пребудет смерть отрадой?
Надежды не терять, глушить сивуху надо.

Всесильный наш господь! Отец земного люда!
Неужто мне вовек всё будет житься худо?
Счастливцам — что ни день светлей, — так неужели
Мне будет одному на свете всё тяжеле?

<1823>

ЕГО МИЛОСТИ ВСЕМОГУЩЕМУ МИКОЛАСУ ЗАЛЕССКОМУ, НАМЕСТНИКУ ШВЕНТИШСКОМУ

Поэты, пойте в лад, коль муза повелела,
Величие царей, приличное их сану,
Витиеватые слагайте гимны смело, —
Искусству вашему завидовать не стану.

Пегаса оседлав, как водится веками,
Взбирайтесь на Парнас по крутизне гранитной,
Венчайте головы лавровыми венками,
Кастальские струи глотайте ненасытно.

Нам не дружить вовек: ведь я простой оратай,
В творениях своих вы много полновесней, —
Но, хворый, сидючи в избушке кривоватой,
Прославлю Миколса Меркуриевой песней.

«В диковину теперь у нас мужи такие:
Глубоки и чисты твоей души движенья.
Не зря ты был любим повсюду в Жемайти́и
И царственных особ снискал расположенье.

Доброжелательный, не знающий гордыни,
Не раз ты земляков упас от беззаконий,
И радости полны жемайтисы, что ныне
Меж ними запросто живешь ты в Велюоне.

Как в гавани пловец, который бед немало
Перетерпел в морских неведомых просторах,
Иль как солдат, когда война отбушевала,
Поведать можешь всем ты с ясностью во взорах:

«Теперь воистину я счастлив: ни тревоги,
Ни бремени забот неисчислимых нету.
Хвала всевышнему! На жизненной дороге
Я сердцем следовал всегда его завету.

Теперь на мир гляжу спокойней что ни день я,
С охотой города́ шумливые покинув.
Мне радость высшая дана судьбой: почтенье
И неизменная любовь простолюдинов.

У Немана-реки живя на крутояре,
Во всеуслышанье теперь сказать могу я,
Что лучшей доли нет, что даже государи
Едва ль счастливее, в своих дворцах векуя.

Оберегает их наемная охрана,
Но к ней доверия у венценосцев мало,
Меня же, как дитя, хранит правитель рьяно,
Чтоб нить блаженств моих ничто не прерывало.

В саду на мураве, исполнен летней лени,
Беседую с родней иль с гостем из округи,
Могу и задремать, склонившись на колени
Своей пленительной и ласковой супруги.

Свежо ее лицо и зрелых роз румяней.
Она жемайтских бар дивит красой своею,
Несет правитель сам ей восхищенья дани, —
Кумиров древности равнять не смеют с нею.

Взаимно я любим, и крепче год от года,
Небесной радостью упоены мы оба,

И с завистью заря взирает с небосвода
На светлый наш союз, что нерушим до гроба.

Одно меня гнетет: никак я не открою,
Где братья — живы ли, даст бог ли новых
встреч нам?
Бывало, вшестером мы сходимся порою,
И сколько радости в моем дому приречном!

Не сам, не сам сложил я эти строки, право:
Их нашептал в тиши мне на ухо Меркурий,
Когда в своем саду под липою кудрявой
Сидел я, задремав и голову понуря».

Так пой у Немана, твори на той вершине,
Где Гедиминаса могила вековая, —
И так же искренен я буду впредь, как ныне,
Всегда твоим слугой покорным пребывая.

ЭПИГРАММЫ

* * *

Ужель утратили мы образ человечий
И ввек не будем знать отечественной речи?

* * *

Заклепки в голове у человека нету,
Кто слепо верует в пустячную примету.

* * *

Я барину твердил, что бедствиям нет края,
Но этот ветрогон с душою негодяя
Лишь ковырял в зубах, ни слова не роняя.

* * *

Надменным господам заботы непривычны,
В сивухе топит их крестьянин горемычный.

* * *

К убогому бедняк идет в нужде и в горе,
Ведь для него у бар — ворота на запоре.

* * *

Порой правдивей нет пословицы, гласящей,
Что может красть богач и лгать старик ледащий.

* * *

Люби язык отцов, он — всех основ основа,
Великий стыд не знать наречия родного!

* * *

Коль режут курицу, ты жмуришься, мертвея,
А мужичков день в день сечешь рукой своею.

* * *

Наши панны —
Обезьяны,
В подражанье толк находят.
Словно лоси
В чащах, в осень, —
Рогачи, мужья их, бродят.

* * *

Средь бар — дворянчик схож с бруском остроконечным
Меж наковальнею и молотом кузнечным.

* * *

За место лучшее грызутся люди яро,
Доволен я своей мужицкою хибарой.

* * *

Уж лучше смыслящий не далее орала
Простой мужик, чем плут, убогих обирала.

* * *

Богатый юноша, не знающий опеки,
Далек от доброты, похвальной в человеке.

* * *

Чужой язык ломать, не смысля в нем ни слова, —
Что дерево валить без топора стального.

* * *

Я иезуитов знал, и мне забыть легко ли,
Как мудрость в детвору вбивали розгой в школе.

* * *

Писать на языке чужом,
Чей дух тебе неведом сроду, —
Что жердь колоть тупым ножом,
Ведром дырявым черпать воду.

* * *

Красавец от любви горит как в огневице, —
Увы, он нищ, и с ним — не по пути девице.

* * *

Глух к мужикам господь, — всегда их доля та же:
Нет в купле — выгоды и барыша — в продаже.

* * *

К возлюбленному вдруг девица охладела:
Пуст кошелек его, и только в этом дело.

* * *

Якшаться с мужиком, будь он по горло в дегте,
Милей, чем с барином, его забравшим в когти.

* * *

Невразумительный закон — что паутина,
Которой заткана трущобная трясина.
Спасенья не найти запутавшимся пчелам,
А трутень вырвется с жужжанием веселым!

* * *

Людей различных много во вселенной,
Но в редкость между ними совершенный.

* * *

Кто рвется к полновластью — тот
Безбожно правду продает.

СИЛЬВЕСТРАС ВАЛЮНАС

О жизни С. Валюнаса известно мало. Это был первый литовский поэт из крестьян. Родился он недалеко от Расейняй приблизительно в 1789 году. Окончив расейняйскую школу монахов-пиаров,[1] он поступил в вильнюсскую высшую духовную семинарию. По выходе из нее Валюнас, однако, не стал ксёндзом и вернулся на родину.

Благодаря веселому характеру и красноречию поэт стал желанным гостем и среди помещиков, детям которых он часто давал уроки. Но вскоре Валюнас разочаровался в обществе помещиков, которые, несмотря на талант и образованность поэта, относились к нему свысока. Окончательно же отношения Валюнаса с этим кругом испортили его сатирические произведения, особенно поэма «Общество Палемона», в которой он язвительно осмеял тельшяйское и плунгеское духовенство и палестрантов[2] (ими были исключительно сыновья дворян), разоблачая их аморальность — карьеризм, беспринципность, пьянство. Порвав связи с этой средой, Валюнас всецело отдается науке и творчеству, но живет очень бедно. Скончался он в 1831 году.

Валюнас писал по-литовски и по-польски. Кроме упомянутой сатирической поэмы, он написал еще одну крупную поэму — «Собескиаду» и много стихотворений. Но так как своих произведений Валюнас нигде не печатал, то они не сохранились. До нас дошли только: «Песня Бируте», послание «Пишущему литовский словарь», перевод на польский язык первой части поэмы «Общество Палемона» и цикл из трех стихотворений «Размышления», написанный на польском языке.

Валюнас прославился благодаря своей замечательной «Песне Бируте», которая необычайно популярна в народе.

---

[1] *Пиары* — члены католического ордена пиаров, ведавшего начальными и средними школами.

[2] *Палестранты* — ученики судебных учреждений в Литве в начале XIX в.

ПЕСНЯ БИРУТЕ

У моря, в Паланге, омытой ветрами,
В Паланге, что вырвана с бою врагами,
Гора есть Бируте; повсюду по склонам
Она сосняком поросла зеленым.

В краю этом древнем, отчем наследьи,
Пруссы и курши нам были соседи.
Прекраснее розы, нежнее руты
Жила там когда-то княгиня Бируте.

Была та княгиня не царского рода,
Вышла она из простого народа,
Она жемчугá надевать не желала,
Когда по берегу моря гуляла.

В холщовой рубахе она ходила,
Она полосатую юбку носила,
На шею нить янтаря надевала,
В желтые косы руту вплетала.

Однажды братья ее на рассвете
Отправились в море закинуть сети,
Сестра несла им обед и в ту пору
Встретила князя, спешившего в гору.

Тот князь был Кястутис — добрый властитель,
Жемайтов и всей Литвы повелитель.
Тогда с тевтонами шел он сразиться,
Что вновь угрожали нашей границе.

Как солнце кольчуга его блестела,
Он взял с собой меч, и лук взял и стрелы.
Он был на коне, попоной покрытом.
Конь его серый бил землю копытом.

Князь, увидав, как Бируте красива,
Молвил, сдержать не пытаясь порыва:
«Не знаю — девушка ты иль богиня,
Но будь моею женою отныне!

Я издавна правлю всею округой,
Ты станешь княгиней, моей супругой.
На месте, где встретились мы с тобою,
Тебе я высокий замок построю.

Я дать повелю в честь этой минуты
Горе́, где сошлись мы, имя Бируте.
Ты — нежность моя, и любовь, и сила,
Ты сердце мое навек полонила».

Слыша такое, Бируте младая,
От страха дрожа, со стыда сгорая,
Вздохнула и долу глаза опустила,
И голову тихо пред князем склонила.

«Князь, не могу я в том не сознаться,
Клялась Перкунасу чистой остаться,
Но быть по-твоему, — я готова,
Пускай твое исполнится слово!»

И — слово сдержал, и на этом же месте
Построил Кястутис замок невесте,
Потом на юной Бируте женился,
И Ви́таутас вскоре на свет явился.

1824 (?)

ПИШУЩЕМУ ЛИТОВСКИЙ СЛОВАРЬ

Друг мой сердечный!
Я тебе пишу, страны благодетелю,
За родной язык и нравы радетелю,
Ибо ты не себе лишь ищешь прибыли,
Но спасти язык наш хочешь от гибели.
Только что́ хорошего нынче деется, —
Кто у нас еще услыхать надеется,
Как Рингаудас и Ви́таутас говорили,
Когда на тевтона в походы ходили?
Нас не так судьба говорить заставила,
И соседство с Пруссией след оставило.

При Ягелле, при Миндаугасе, бывало,
Тьма червей немецких народ наш терзала;
И поныне нет нам от них спасения, —
Нашу речь заполнили их речения.
Близ границы прусской тебе бы едва ли
По-литовски хоть что-нибудь бы назвали.
Мешок — *жакс*, водку — *шнапс* звать люди
начали,
Погреб в *келер*, сильный в *штарк* переиначили,
Отца — *подер*, а веревку — *штрик* здесь кличут.
Весь язык наш скоро они обезличат!

Но ты, языком жемайтов владеющий,
Отменно на нем говорить умеющий,
Кому не один уже раз приходилось
Открывать, где слово какое родилось, —
Словарь взялся составлять, так заранее
На добрый путь ты направь свои знания!
Не считай, что язык в чистоте хранился
Лишь там, где ты сам на свет появился,
И, коли Видукле область срединная,
То и речь в ней должна уцелеть старинная.
Могли бы мы оба с тобой куда больше
Обнаружить там слов, пришедших из Польши.
Не поймет твою речь тельшяйский пьяница,
Его речь в Видукле темной останется.
Слов заемных у нас в языке немало,
Обеднел бы он, коль их бы не стало.

Каким был язык наш, когда зарождался,
Когда жемайтисам Рим подчинялся?
Много пришло к нам слов из латыни,
От поляков и немцев идут поныне.
Различить слова пришлые и исконные,
Распознать, где бытуют, что значат оные, —
Вот составителю словаря работа,
Коль ему отличиться пришла охота.
Пусть каждое слово в словарь включается,
Какое в краю жемайтов встречается,
Пускай место себе в языке находит
И отныне по всей земле нашей ходит.
Коль слово иное ввергнет в сомнение,
Поможет жемайтам твое сочинение.

Тому, кто иначе за дело возьмется,
Самому читать свою книгу придется.
Не только Видукле ее дожидается,
Тельшяй, Шяуляй на тебя полагаются,
Латыш, и прусс, и житель чужого края,
Хоть далека от него земля родная,
И там Ягеллы язык сохраняется,
Хоть засоряется да искажается.
Потому в словаре отметить и надо,
Которое слово жемайту отрада
И отличить его от инородного,
Дабы с Ширвидасом не вышло сходного.
Да пребудет же здесь и простое слово
И древнего нашего языка основа!
Так ты долю выберешь благодатную,
Воздастся за работу неоплатную!
Неоплатную? — Быть не может такого!
Коль отступник обойдется с тобой сурово,
В сердце своем ты обретешь утешение
И у того, чье светло разумение...
В годы бедствий наших мы, впрочем, видали,
Как родители от своих детей страдали.
Пусть хулят безумцы дело любимое,
Пусть порочат гнездо свое родимое,
Не захотим же мы внимать пустослову,
Но хранить будем верность родному слову.

1826

АНТАНАС СТРАЗДАС

А. Страздас — самый популярный литовский народный поэт начала XIX века. Он родился в крестьянской семье в 1763 году. Его родители отбывали тогда крепостную повинность вблизи Кряуос (ныне Рокишкский район). Заметив живость и смышленость Антанаса, помещики взяли его к себе в услужение. В имении будущий поэт научился читать и писать. Затем — неясно как — он попал в илукштскую иезуитскую школу (в Латвии) и, наконец, около 1785—1786 годов — в варняйскую духовную семинарию в Жемайтии, окончив которую стал ксёндзом и свободным человеком.

В качестве ксёндза Страздас пять лет жил в Варняй. В 1790 году, как полагают, из-за преследований местного духовенства, Страздас переселился из Жемайтского епископства в Вильнюсское. Однако и здесь он не нашел покоя. Открыто проявляемое Страздасом доброжелательное отношение к крепостным и бескорыстное соблюдение им своих обязанностей вызывали гонения со стороны как духовной, так и светской власти, — его постоянно переводили с одного места на другое.

В 1814 году, несмотря на тяжелые условия жизни, Страздас издал в Вильнюсе небольшой сборник своих стихотворений «Песни светские и духовные», а в 1824—1828 годах он хлопотал об издании нового сборника стихов, однако комитет цензуры не только запретил печатать сборник, но даже не вернул поэту его рукописи.

Неукротимая вражда к привилегированным сословиям в конце концов так усложнила положение поэта, что исполнение обязанностей ксёндза стало для него невозможным. Отстранившись от них, он в 1821 году приобрел в местечке Камаяй избушку, переселился туда и все свободное от труда время занимался поэзией. Здесь поэт и окончил свои дни в большой нищете. Умер он в 1833 году.

КУКУШЕЧКА

Что, кукушечка, кукуешь
Ты на дереве высоком,
Не о бедах ли толкуешь,
Глядя вдаль печальным оком?

Без тебя тучнеют нивы,
Вдосталь ты всего имеешь.
Ты должна бы быть счастливой, —
Отчего ж печаль лелеешь?

Ведь не сеешь и не жнешь ты,
И не трудишься до пота,
Стол и дом всегда найдешь ты, —
Не нужна тебе работа.

На тебе всегда красиво
И цветисто оперенье,
Это платье, всем на диво,
Ты надела от рожденья...

Отвечает птица тихо,
Птицу слышит вся поляна:
«Я не знаю горя-лиха,
Ибо знать не знаю пана.

И живется мне раздольно.
Над красой зеленой всею
Я летаю здесь привольно
И сыта, хотя не сею.

А людская злость не дремлет...
На людей лишь погляжу я, —
Вмиг печаль меня объемлет,
И о грустном запою я.

Люди! Нет любви меж вами!
Нет согласья никакого,
Вы бранитесь дни за днями,
Доброго не слышно слова.

Только этаким манером
Жить на свете не годится.
Хорошо, коль стать примером
Вам смогли бы в жизни птицы!»

<1814>

ЗАЯЦ

Брюхо тощее набив ячменем, ячменем,
Заяц на меже сидит ясным днем, ясным днем.
А стрелкам-то и не снится,
Что спокойно он таится
Средь хлебов, средь хлебов.

Лишь приметили стрелки русака, русака,
Уши поднял он, готов дать стречка, дать стречка.
«Не к добру! Гляди, ребята,
Что колосьев перемято
Здесь и там, здесь и там».

Долго охали стрелки: «Вот злодей! Вот злодей!»
И решили понагнать тьму людей, тьму людей:
Долгоухого накроем,
Обдерем да пир устроим —
Будет так! Будет так!

Ну-ка спустим поскорей гончаков, гончаков,
Чтоб нечистого изгнать из хлебов, из хлебов!
«Пиль!» — кричат, вперед бросаясь.
Чешет в страхе спину заяц,
Ах, беда, ах, беда!

В рог задули, целый мир напугав, напугав,
И забава началась из забав, из забав:
Замахал рукою всякий,
В голос залились собаки —
А ру-ру! А ру-ру!

Из ружейных дул огонь, — здесь и там, здесь и там,
Несусветный крик пошел по лесам, по лесам.
Как горланить стали пуще,
Дал стречка косой — и в пуще
Вмиг пропал, вмиг пропал.

<1814>

ОСЕНЬ

Дни осенние настали,
Едет, едет Йонялис.
Гей, гей Йонялис,
Гей, гей Йонялис.
Он придет с утра за мною —
Тот, кому мила давно я.
Гей, мила давно я.
Гей, мила давно я.
Через горы, через долы
Конь его примчит веселый.

Сбруя — серебро литое,
А седло-то золотое.

В шапке, мехом опушенной,
С острой саблей золоченой

Въедет он в копытном громе,
Спросит: «Есть ли люди в доме?»

Скажет: «Милая Оняле,
Видеть мать-отца нельзя ли?

Я — за милостью единой,
И немедля двор покину,

Лишь коню задам я сена
За избою белостенной.

У тебя не клад богатый —
Садик с клевером и мятой.

Вмиг решу — к чему утайка? —
Будешь славная хозяйка!

Если б милость оказали
Бог да мать с отцом Оняле,

Взял бы я тебя с собою
И назвал своей женою».

<1814>

СЛУЧАЙ С ОДНОЙ ДЕВИЦЕЙ

На́ реку пошла девица зачерпнуть водицы
И, на льду упав, бедняжка, бок ушибла тяжко.
Ой, беда, что делать? Кто же мне поможет, боже!

Поскользнулась, бок ушибла, вывихнула ногу,
Началась с тех пор морока, вечная тревога.
Ой, беда, что делать? Кто же мне поможет, боже!

Горе-горькое на долю выпало девице,
Никогда ей в хороводах больше не кружиться.

Ей по гроб одна забава: на лугах, у речек
День-деньской пасти скотину — свинок да овечек.

А помрет — могильщик ломом ткнет ее, воззрится
И воскликнет: погребаем ста годов девицу.

<1814>

ДРОЗД

«Гей ты дроздушка, ты дрозд,
Где сидел, задравши хвост?
На орешине сидел, дружочек?

За кустом ли ты следил,
Чтоб орешки он плодил,
Ягоды ли ты в горах растил?»

— «Не ходил я за кустом,
Чтоб орешек зрел на нем,
Ягод не растил в горах тайком.

Но, куда ни попадаю,
Славлю господа всегда я,
Кто в листву деревья нарядил.

Славлю, песнею звеню,
От людей печаль гоню,
Сердце веселю и утешаю.

Я ношусь над чащами,
Песнями звенящими
Вековую глушь их оглашаю.

Зиму грозную браня,
Всё смелей день ото дня
Пору вешнюю предвозвещаю».

Вот и солнышко теплей,
И лужайки веселей,
И березка распускаться стала.

На реке водоворот
Льды несет, «виват!» ревет,
Сок струей стекает по березе.

Поднялись цветок и злак,
Птицами кишит ивняк, —
Гнезда вьют, орут на все лады.

Ветер сладостью налит,
Дождик легонький летит,
Землю всю веселье обуяло.

Пахари, мои дружки,
Что же стадо на лужки,
В свежий лес пастух не выгоняет?

Вот овечек пастушок
Гонит, дуя в свой рожок:
«Прочь, буренки, вас куда несет?»

«Дроздушка, в лесной тени
Песней дивною звени,
Неустанно слух мой услаждая!»

— «Никому и никогда
Я не делаю вреда.
Я в леса не угоняю скот.

Я с сука на сук скачу,
И трещу, и стрекочу,
Теша мир среди его невзгод.

Солнышко, разлив тепло,
Грязный снег с полей свело,
И пригорки зеленью оделись.

Воды солнце отворило,
Ожил мир с весною милой,
Сплошь покрылись розами луга.

Взвился я над полем смело,
Пахарь, времечко приспело, —
Приготовь-ка сошку-одноножку!

Эй, запрячь волов спеши
И пригорки запаши,
Ну, шагайте, бурые бычки.

А вспахавши, поживей
Рожь, горох, пшеницу сей,
Да про лен не забывай.

А когда пшеницу-рожь
На гумно свое свезешь,
То-то будут радость и веселье!

Созовешь гостей тогда ты,
Угостишь их торовато,
Будешь бога славить, веселясь».

<1814>

ПЕСНЯ ПАСТУХОВ

День веселый в солнце тонет,
Пастухи отары гонят.
    Го-ца-ца, го-ля-ля,
    Пастухи отары гонят!

И коров гоните в поле —
Погуляют пусть на воле,
    Го-ца-ца, го-ля-ля,
    Погуляют пусть на воле!

Всюду слышен птичий гомон,
Пастухам любым знаком он.

Вот поет под синим кровом
Дрозд на зависть глупым совам:

«Эй, что делаешь, Петрюк, ты?
Надорвался, видно, друг, ты!

Пусть коровки попасутся,
Сладкой травкой запасутся.

Коль не дашь травы им, друже, —
Нам с тобой же будет хуже.

Пастушки да и подпаски!
Веселитесь без опаски,

Дуйте в ивовые дудки,
Рассыпайте прибаутки

И танцуйте, как ягнята!
А наступит час заката —

Соберем свои стада мы,
И домой пойдем тогда мы».

<1814>

ПОХОРОНЫ ПАЛЬШИСА

Па́льшис в могилу убрался,
Век по церквам он шатался.
Пошли же, о боже,
Ты вечное ложе
Ворюге!

Окна и двери притвора
Помнят святейшего вора.
Подсвечник украл ты,
Святых обдирал ты,
О Пальшис!

Вспомни о нем, о мирянин!
Всё же подлец бездыханен.
Смежи́л свои веки,
Как все человеки,
Навеки.

Уж пред судом он наверно,
Дело его там прескверно:
Настолько он грешен,
Что, верно, повешен
За подлость.

Люди! Бегите ко гробу
Злую оплакать утробу!
Рыдайте от горя,
Слез целое море
Пролейте!

<1814>

ВОРОН

Крылья складывает ворон
И садится на забор он.
Ворон всех людей смущает...
Слушайте, что он вещает:

«Лишь возникло всё земное,
Люди равенство святое
Почитали меж собою.

Но его забыли вскоре,
И везде, себе на горе,
Пана, словно истукана,
Чтить душою стали рьяно,
Сделались рабами пана.

Вы, трудящиеся в поле,
Тяжек жребий ваш в неволе!
Весь свой век живя в заботе,
Пашете ли вы иль жнете,
На господ вы спину гнете!

Черный хлеб жевать дано вам
И дружить с трудом суровым,
Чтоб кругом паны жирели,
До отвала пили-ели,
В мягкой нежились постели.

У панов — пиры на славу,
Лишь забавы им по нраву,
Ждут паны труда чужого,
Кровь из брата, из меньшого,
Выпить всю они готовы!

Кто за нищих встанет смело?
И ксёндзам до них нет дела!
С той же плотью создал бог их, —
Что же гнут они убогих
Посреди их тягот многих?

Но — ударит час возмездья,
Я принес о нем известье:
Стали вдосталь накопили
На погибель панской силе —
Скоро гнить панам в могиле!»

ПЕСНЯ О СИРОТАХ

Без богатства жить не сладко,
Плохо, коли нет достатка.
Куда ни пойду я,
Лишь горе найду я,
Лишь горе!

К беднякам судьба сурова,
Нет им пищи, нет им крова,
Всяк плачет да стонет,
И бедность их гонит
По свету.

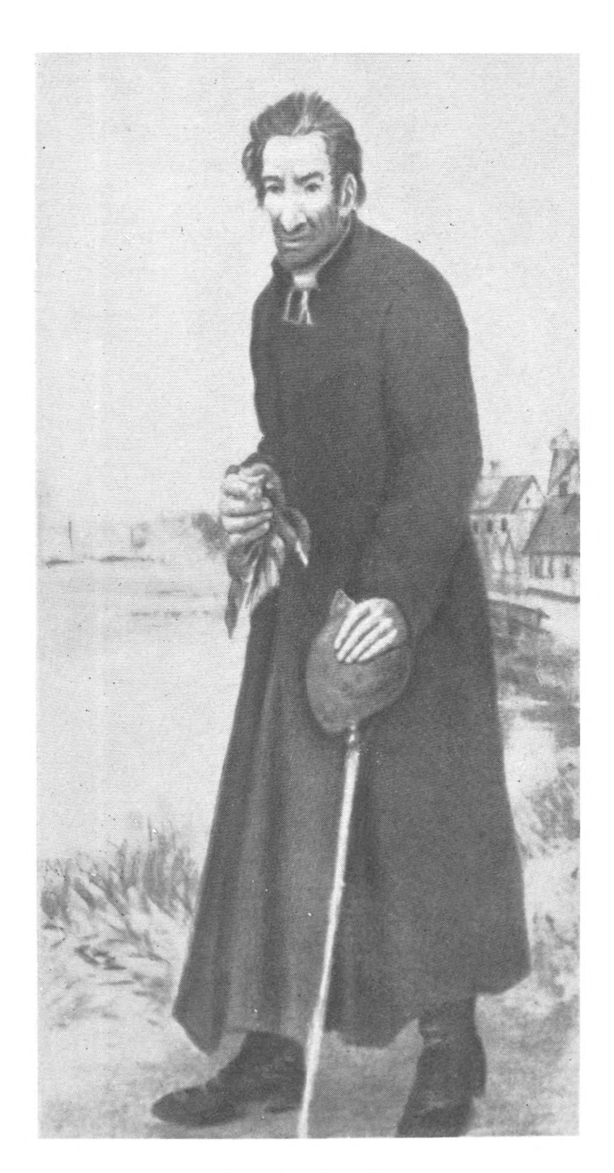
Получает часто нищий
Лишь побои вместо пищи,
И в зной и в морозы —
Одни только слезы,
Эх, горе!

Заболеть бедняк не может,
Закряхтеть — помилуй, боже!
Он знает: с рассветом
Зимою и летом —
Работай!

Млеют кости, ноют плечи,
А у пана те же речи:
«С бездельем не знайся,
Подлец, убирайся
С лежанки!

Или ты ослеп, дубина?
Сын приехал. С брички сыну
Сойти помоги ты,
Коня распряги ты,
Да живо!

Что ты, мать, без дела стала,
Не ступню ли потеряла?
Ты взбила бы сыну
Помягче перину —
Пусть дремлет».

Антанас Страздас

Только я, бедняк, в неволе,
Нету мне счастливой доли!
Так силушки слабы —
Хоть смерть убрала бы
Уж, что ли...

На отцовскую могилу
Я сходил бы, — не под силу:
Покрылась высокой
Прибрежной осокой
Тропинка.

Я-то к матушке слетал бы,
Я уж матушку позвал бы...
Родную могилу
Ольхой завалило,
Эх, горе!

Боже наш, к тебе взываю,
На тебя лишь уповаю!
О, будь мне оплотом,
Невзгодам, заботам
Дай сгинуть!

ЗАРЯ

Засветилась, засветилась, —
Глянь, звезда-зарянка засветилась, —
Вот петушье пенье раскатилось!

Жаворонок резвый,
Жаворонок славный, легкокрылый
В поднебесье рвется с песней милой.

Без оглядки
Мчится он, рассвета вестник сладкий,
Квохчут под окном хохлатки.

Вол, на пашню
Идучи походкой важной,
Землю взрыл, мычит протяжно!

На лужочке
В лад с козлятами ягнятки
Понеслись в лихой присядке.

Что же там,
Что за лесом отдаленным
Брызжет-бьет огнем червонным?

Это — солнце.
Солнце всходит, воспаряет,
Золотом оно пылает.

Росы
Пали на холмы и долы.
Стал жемчужным лес веселый.

Звучно
В нем кукушечка кукует,
Горлинки, слетясь, воркуют.

Зайчик
Мчится ровными лужками,
Ловкими стрижет ушами.

Лихолетье
Отступило, миновало,
Всё уж по-иному стало.

КАУЛА́КИС И ЗЕМЛЕМЕР

Стар и мал, давайте вместе
Тешить слух красивой песней,
Гей красивой песней!

Горюна словцом горячим
Воспоем-ка да оплачем,
Ей, ей, ей, оплачем!

Что стряслось, скажи на милость,
Что за чудо приключилось?

Ах, с межевщиком Каулакис,
Не поладя, сшибся в драке.

Спор меж ними шел великий,
Не смолкали брань да крики.

Межевщик-то цепку тянет,
А Каулакис: «Врешь!» — горланит.

Заступ хвать и — лезет в драку!
Межевщик — на забияку!

Вырвал из плетня жердину,
По боку огрел детину.

Бьет, гвоздит, колотит яро,
Так и сыплются удары.

Взвыл бедняга — очи нá лоб,
Аж охрип от криков-жалоб.

Не получишь снисхожденья
(Человек-то — в исступленьи!).

Наконец от пущих бедствий
Ищет он спасенья в бегстве.

Мчится, пятками сверкая, —
Диво ли, что прыть такая?

Он в избу влетел, как ветер,
Из избы он — в дверцы клети

И, не мешкая ни мигу,
Прямиком из клети — в ригу;

В ельник он, вопя от боли,
А из ельника — да в поле.

Уж не вздумаешь прельститься
Королевскою землицей!

Всё тебе припомнил Жарцкус,
И за всё он всыпал жарко!

Еле дышишь ты, запарясь, —
Вот те Юркштас, вот те Паурис!

«Паурис — брат твой неимущий», —
Заповедал всемогущий!

Ай, Каулакис, был ты в силе
До поры, как спесь не сбили.

Ай, Каулакис, горемыка,
Стал ты малым из велика!

Межевщик тебя недаром
Отодрал с великим жаром!

Чти же заповеди свято,
Ближнего люби, как брата,

Помни, славь господне имя
И молчи перед старши́ми!

Им досадного не делай,
Вот и шкура будет целой!

Денежки твои взбесились,
Поистерлись, загрязнились!

Не была б мошна тугою, —
Жил бы ты себе в покое!

Пауриса не притеснял бы,
Столько лиха не узнал бы!

Плачь! За выгоду, за прибыль
Сам пошел ты на погибель!

ХОЗЯЙСКАЯ ПЕСНЯ

Кроют землю росы
Горькие господни,
Встаньте, дети, — день-то
Будничный сегодня.
Встаньте дружно, — дел без счету,
Из жилья — на двор да за работу.

Пятрас — сеять жито,
За соху — Марите,
Юргис — стожить сено,
Целый день, бессменно!
Габрюшис — пасти овечек —
Обо всем пекись, хозяин, вечно.

Она у опушек
Пусть пасет индюшек,
Барбе-балаболку
Выгнать на прополку!
Да чтоб ревностно и дружно
Все трудились, делая что нужно.

Э-э, хозяйка,
Шевелись проворней!
Да гляди позорче,
Хлопоча в поварне, —
Чтобы люди были сыты,
Щей побольше с салом навари ты!

Я же, сев на сивку,
Обскачу ретиво
Над соседней речкой
Вызревшие нивы
И тропою благодатной
С ячменем в мешках вернусь обратно.

И за труд, за летний,
Тяжкие напасти,
Горький пот и пору
Долгого ненастья
Кружки, полные до края,
Выпьем, имя божье прославляя.

ИЗ ТАКОГО МНОЖЕСТВА...

Вот из сотни — примечай-ка! —
В некий день взяла хозяйка
Курочку в наседки.

Всё сбылось, о чем мечтала:
Звать цыплят хохлатка стала —
Поклюем, мол, крупку.

Цып, цып, цып — теперь до лета,
Знай корми ораву эту.
Зернышки бросай им!

Будь к еде в них меньше пыла —
И хозяйка б их любила
И не клял хозяин...

Шлет обжорам град проклятий
И кормилице их кстати
Он в пылу свирепом.

А хозяйка — вновь к цыплятам,
Сыплет зерна распроклятым, —
Нате, подавитесь!

Ну, а те не подавились,
Набежали, поживились, —
Все склевали зерна.

Что ни день, растут цыплята,
Позагажена вся хата,
Под скамьями — кучки...

Но не зря в дому наседка:
Кур ксёндзу́ дают нередко
Жареных, вареных;

Может стать добрей и лучше
И приказчик, коль получит
Петушка в подарок.

Куриц клял хозяин в злобе,
Но они ему в хворобе
Очень пригодились!

Только дай, господь, здоровья,
Тыщу кур держать готов я:
Мне и в хвори и с похмелья
Ишь как пригодились!

Да и деток шумной куче,
Право, нет забавы лучше,
Чем яйцо хохлатки.

ИЗ ТОЛПЫ ХОЗЯЕВ...

Из толпы хозяев здешних
Снарядим в денечек вешний
Пахаря в дорогу,
Пахаря в дорогу.

Провожая спозаранья,
Мне хозяин мой заране
Пожелал удачи.

С пестрым и соловым вместе
В поле вышел я под песни
Жаворонков милых.

Только солнце запылало,
Горьких рос кругом не стало, —
Крикнула кукушка.

Вслед за пестрым и соловым
Шел назад я, добрым словом
Небо поминая.

Пропахал версту-другую,
Из села пришли, гляжу я,
Потчуют блинами.

А хозяйка мне припасы
Сует в сумку — сыр да мясо, —
Вот так день веселый!

Не пропал мой труд упорный:
Рожь поспела — даже зерна
Сыплет тяжкий колос!

Если б труд ценить умели,
Батраков таких имели,
Мир царил бы всюду!

ВОТ УЖ СНЕГ...

Вот уж снег последний тает,
Зелень землю одевает.
Ярче солнце заблистало,
Вешняя пора настала.

Мчится речка перед нами,
Громыхает голышами,
И ласкает слух повсюду
Шум реки простому люду.

Вихорь кружится в лесочке,
Бьются листья о листочки.
Затрещав, валится тяжко
Наземь дерево-бедняжка.

На горе и у пригорка,
За стадами глядя зорко,
Дуют в дудочки подпаски,
Затевают песни-пляски.

Волк на стадо нападает —
Псы тревогу поднимают:
«Э, э, эй! Дружней, живее
На бродягу, на злодея!»

И подпаски, скрипки бросив,
Гонят волка средь колосьев.
«Сгинь! — покрикивают звонко. —
Насмерть испугал зайчонка!»

Лишь Балтрукаса макушку
Заприметила кукушка,
Песенку она прервала,
В чаще сумрачной пропала.

Соловей над лугом гладким
Кличет Еву свистом сладким:
«Эй, пускать овечье стадо
На красивый луг не надо!»

В пойме травка молодая
Гонит стебли, вырастая.
В небе, ясном и высоком,
Смотрит ястреб жадным оком.

. . . .

Ах, хозяйка зазевалась,
И — споткнулась, заметалась...
«Пособите, люди, — просит, —
Ястреб курочку уносит!»

А воробышек привычно
Вьет гнездо в трубе кирпичной.
Отовсюду крошки, зерна
Тащит в гнездышко проворно.

Любит труд такая птичка!
Эта птичка-невеличка
Ищет корма непрестанно,
Кров себе готовит рьяно.

Гей, быки! Зимы не стало!
Плуг тащить пора настала!
Не жалейте сил в работе,
Свечереет — отдохнете!

ХОЗЯИН РУБИЛ ХВОРОСТ...

Порубил хозяин хворост...
Позабытый у забора,
На дворе топор остался.
Там он нищему попался.

«Ну, теперь добро такое
Где я спрячу, где укрою? —
Говорит в раздумье нищий, —
Выдерну-ка топорище,

Втисну лезвие в котомку...
Буду петь я громко, громко,
Буду, горла не жалея,
Петь об этом топоре я:

„Гей, хозяин глуповатый,
Не увидишь топора ты,
Твой топор — в котомке рваной,
Топорище — средь бурьяна.

Твой топор — злодей изрядный.
Искрошил он беспощадно
Лезвием ожесточенным
Хлеб мой с салом запеченным.

Хлеба дай — иль искрошу я,
Дай борща — иль кровь пущу я,
Дай крупы — иль издроблю я,
Дай муки — иль измелю я,

Дай поесть — иль душу выну,
Шерсти дай — иль в ад низрину, —
Сала дай кусок мне лишний, —
Наградит тебя всевышний!“»

То услышав, изумленный,
Свыше меры обозленный,
Вмиг хозяин стал ругаться,
Клича слуг и домочадцев.

«С вором — разговор короткий!
Гей, набить ему колодки!

Пусть расправу за нахальство
Учинит над ним начальство!»

— «Сечь! — вскричал начальник лютый,
С рук его срывая путы, —
Прихватить побольше розог
С ив, с крыжовника, с березок!

Гнать мерзавца за ворота,
Чтоб навек прошла охота
Топоры хватать чужие,
Замышлять дела лихие!»

Стоя у ворот высоких,
Нищий клял себя жестоко:
«Дернул черт во двор забраться,
Ведь могу без ног остаться!

Лучше б я топор не трогал,
Шел бы я своей дорогой,
Пусть он там лежал бы лучше
Да заржавел в сорной куче!»

СЪЕВ ЯГНЕНКА У ДОРОГИ...

Съев ягненка у дороги,
Волк в раздумье и тревоге
Темя скреб себе, бедняжка,
И вздыхал при этом тяжко.

«Ах, со всех сторон несчастья,
Отовсюду жди напасти,
Шишек меньше держит елка,
Чем врагов в лесу у волка!

Пастухи по лесу рыщут,
Волчий след собаки ищут,
Лай их слышен без умолку —
Подавай им волчью холку!»

И надумал волк такое:
«Пользы мало от разбоя.

До овец нельзя быть жадным,
Стать мне надо травоядным.

От разбоя отучась, я
Буду жить с людьми в согласьи,
До ягнят я стал не лаком —
Дайте ж отпуск всем собакам!

Овцы пусть будут спокойны, —
Прекратились волчьи войны. . .»

* * *

Доминик, не чуешь
Ты беды нимало.
Ах, тебе дремать у печки
Вовсе не пристало!

Топчут луг коровы;
Сыч, вещун суровый,
Стонет: «Горе Доминику!» —
Сев на сук сосновый.

Справа — дом господский,
Слева — шляхта, власти.
Но не знаешь ты, откуда
Валятся несчастья.

Управитель входит,
Вслед приказчик злобный.
В дрожь бросает Доминика
Каждый гость подобный.

Сгрыз козел капусту,
Режет волк скотину.
Доминик, ты рвешь, бедняга,
Волосы в кручине.

Конь во ржи пасется,
А волы — в пшенице.
Страшно молвить, право слово,
Что в полях творится.

Доминик, у печки сидя,
Ты беды дождешься.
Будет бить тебя помещик —
Слез не оберешься.

ЗАПЕВАЮ НЕ ДЛЯ СЛАВЫ...

Запеваю не для славы,
Крепко слушайте меня вы,
Ибо правду золотую
О замужестве скажу я.

Дочь родится — мать горюет:
«Как приданое скоплю я?»
Дочь, подросши, скажет прямо:
«Тот сундук — не мне ли, мама?»

Мать ответить не успела,
А уж дочь — скорей за дело:
Класть в сундук, лишась покоя,
Всё, что только под рукою.

Клала девушка — да с толком:
Лишь одним прельщалась шелком;
Клала девушка охотно
Лишь тончайшие полотна.

Мать качает головою:
«Дочка, дочка, что с тобою?
Не пришла еще пора нам
Торопиться так с приданым.

Ты о суженых не думай,
Не грусти, не будь угрюмой,
Лучше часто и помногу
Посылай молитвы богу.

Честь девичью соблюдая,
Расцветай, как роза в мае.

А когда сентябрь настанет,
Паренек в избу заглянет.

Потолкуем с ним как надо
И тебя помолвим, чадо!»
Парню руку отдавая,
Тотчас девушка, пылая,

Говорит ему открыто:
«Поскорей к ксёндзу́ скачи ты,
После — к барину в усадьбу,
Чтоб узнал про нашу свадьбу».

О помолвке ксёндз с амвона
Возвещает умиленно.
Меж людьми ведутся толки:
Мол, не будет ли размолвки?

Вот уж пиво льют в стаканы,
Музыканты пилят рьяно,
Как приказано им сватом
В одеянии богатом.

Вскорости пред аналоем
Молодым стоять обоим.
Сваты, где вы? С долгожданным,
Мать, поторопись с приданым!

К алтарю идет священник,
Вслед — с тарелкою для денег —
Служка и, походкой ровной,
С котелочком — страж церковный.

«Дух святой» звучит в молчаньи.
Начинается венчанье.
У обоих — сердца стуку
Не уняться. Вот уж руку

Подает жених невесте, —
Ксёндз пред ним склоненных крестит
И, по книге расспросив их,
Им желает дней счастливых.

На хозяйство брат повел их —
Сколько им забот веселых!
Флейты, трубы разгуделись,
Сваты второпях оделись.

В пляс идут, по моде старой,
Молодые — первой парой.
Следом — гости, круг смыкая,
И в хвосте — карга хромая.

Наша сватья пир готовит,
Тех — скликает, этих — ловит,
А подружки, право слово,
Лопнуть с зависти готовы.

Воротились на рассвете,
По баранке дали детям,
Сами ж снова загуляли,
Петь, кружиться в пляске стали.

Собираться к мужу время,
Распростись с родными всеми!
Плачет мать, отец горюет,
Дочка руки им целует.

«Пожалейте, — молвит, — дочку!
Не одну, быть может, ночку
У окна без дремы-сна я
Скоротаю, поджидая

Муженька, что ранней ранью
Из шинка вернется с бранью.
Коль дерзну не отпереть я,
Рассерчав, отхлещет плетью.

Братья милые, простите,
Как господен куст, цветите.
Вам, сестренки, пожелаю
Расцвести, как рута в мае.

Скоро дом родной покину
И поеду на чужбину.

А привыкну ль к неродному,
Коль найду всё по-иному?»

Поцелуи, плач, объятья,
Каравай выносит сватья,
Люд галдит, поет, стреляет,
Кур-цыплят сваты хватают.

К свекру весь народ приехал
И кричит с веселым смехом:
«Прибыли жених с невестой,
Им готовь почет и место!»

Свекор вышел им навстречу,
А сваты́ — к свекрови с речью:
«С хлебом-солью поспешай-ка,
Добрая пришла хозяйка!»

МОЙ СОСЕД ЗАСЕЯЛ ПОЛЕ...

Мой сосед засеял поле,
У него — землицы вволю;
Ну, а мне-то негде сеять,
Нечего растить-лелеять.

У соседа рожь чудесна:
Колос буйный, полновесный.
Как полоску ни пашу я,
Что ни сею, — всё впустую!

У соседа — дом на диво,
Всё в нем прочно и красиво.
А моя хатенка — сгнила,
Хоть подперта, накренилась.

У соседа — дочки тоже
Взяли всем: добры, пригожи,
И скромны-то, и опрятны,
И в речах своих приятны.

Грешных мыслей не питают,
И не то, что не гуляют,
А не сделают движенья
Без отцова дозволенья.

А с моими что творится!
Осыпается пшеница,
Но уже с утра из хаты
Прочь уносятся куда-то.

У соседа — примечай-ка —
И хозяйка — так хозяйка;
У соседа помнит женка
Всё — до малого курчонка.

Обо всем она радеет,
С каждым обойтись умеет;
Гость такую уважает,
Похвалы ей расточает.

У меня же — по-другому:
Привязалось горе к дому;
Знать никто меня не хочет,
Встретится со мной — отскочит.

Мол, привык с душой беспечной
В кабачок таскаться вечно.
Да, того несчастна доля,
Кто у шинкаря в неволе.

НАСТАЛ МЕСЯЦ МАРТ...

Март пришел, являя
Вешних дней начало.
Всякий рад, что снега —
Словно не бывало.
    Выпустим овец пушистых,
    Лишь пробьется травка
    На лужайках чистых.

К месяцу второму
Солнышко — сильнее,
Солнышко — сильнее,
Поймы — зеленее.
Пролетают птичьи стаи,
Песни распевают,
Слух нам услаждая.

В третий и четвертый —
Ходят люди в поле,
Ходят за сохою,
Сеют яровое.
Песнь кукушкина повсюду
Дни весны веселой
Предвещает люду.

Соловьи запели
В том леске о лете.
Жаворонка песня
Над пригорком этим.
Дружно девушки холстины
Ткут и на лугу их
Стелют в полдень длинный.

Месяц пятый — смотришь —
В девичьем садочке,
В девичьем садочке
Расцвели цветочки.
Зацветают ароматно
Лилии, — любому
Поглядеть приятно.

А с шестым — всё больше
Убывает лето,
Прежнего веселья
В парнях сельских нету!
Отлучили их от милых,
Лбы забрили, бедным,
В Каунас шлют, унылых.

Заскучали сестры
По своим братишкам.

«Девушки, о нас вы
Не горюйте слишком.
Мы пришлем подарки скоро, —
Кольца золотые,
Светлые уборы...»

«Толковать об этом,
Паренек, не стоит —
Как господь назначит,
Как господь устроит...
Всей родне с любовью
Передай спасибо,
Доброе здоровье».

НА ГОРЕ СТОИТ КАЛИНА...

На горе стоит калина,
Ключ с горы бежит в долину.
Она там гуляла,
Друга зазывала:

«Йонас, Йонас, милый, где ты?
Поскорей приди ко мне ты,
Покачал бы кстати
Колыбель дитяти.

На покос мои подруги
Собрались со всей округи,
Только я, бедняжка,
Здесь страдаю тяжко.

Сено девушки сгребают,
Взгляды юношей встречают,
Нет мне от малютки
Отдыха минутки.

Все подруги рвут цветочки
И плетут из них веночки,
Только я, бедняжка,
Здесь страдаю тяжко.

Все подруги в лентах ярких,
Все в цветных платках-подарках,
Только я, бедняжка,
Здесь страдаю тяжко.

Лучше было б не влюбляться,
С Йонасом не миловаться,
Дней девических не тратя,
Не баюкала б дитятю!..»

БОГ ВСЕМОГУЩИЙ

Повсеместно, постоянно
Славят бога неустанно.
Даже тот, кто злому духу
Душу продал за сивуху.

Кто, скажи, родил на свет их,
Тех пьянчуг, людей отпетых?
Напиваются, буянят,
Горемычных жен тиранят.

Жены выгнаны из дому,
С плачем по полю пустому
Мечутся, кнутом избиты,
В тщетных поисках защиты.

Пропадает муж в харчевне
И гроши спускает все в ней;
Возвратясь, тузит хозяйку:
«Жрать немедля подавай-ка!»

Пьют девицы; водку вдовы
Целый день хлестать готовы.
Пьют мужчины из кувшина —
Каждый сообразно чина.

Во хмелю и старец жалкий,
Не ступающий без палки,

Время вспомнив молодое,
В пляс идет, тряся брадою.

Подаянье побирухи
Отдают за жбан сивухи,
И не чуют средь дурмана,
Кто обчистил их карманы.

Шляхтич, коль имел бы злато,
Нахлестался б уж тогда-то!
Он при сабле молодецкой, —
Только пуст карман шляхетский!

ТЯЖКИЙ ЖРЕБИЙ

Много, много мест, где правит
Зло на нашем свете;
Те — и сыты и счастливы,
Терпят голод — эти.

Наживается всё больше
С каждым днем богатый, —
Нам же выпал тяжкий жребий —
Мы идем в солдаты!

Богачи гуляют, пляшут,
В ус себе не дуют,
Нас же, бедных сиротинок,
Унтера муштруют.

Мне сто палок закатили —
Не постиг муштровки!
Позабыл, как называют
Ружьеца-винтовки.

Горе, горе! Выпал жребий
Нам служить в солдатах!
Никуда не схорониться
От панов проклятых!

Днем хватают, ночью вяжут
Толстою веревкой
И потом отвозят в Вильнюс
И морят муштровкой.

Ах, несчастна мать, которой
Я рожден в печали,
Нежные несчастны руки,
Что меня качали.

И отец и мать несчастны,
Что меня крестили, —
Лучше, лучше бы в речушке
Меня утопили.

СТАРИК ПАС ОВЕЧЕК...

Пас овечек старичина,
Прянул волк из лога.
Средь овец — тревога,
Смятенье.

Старичина псов скликает,
«Улю-лю», — горланит;
Серому — угла нет
Укрыться.

Кликнул старый уйму люда,
Мчится уйма люда
Поглядеть на чудо —
На волка.

Вот ведут злодея с честью
В панское поместье,
Пана средь поместья
Встречают.

Пан — с допросом; волку — страшно:
Ведь сказать ни слова,
Внятного, людского,
Не может.

«Управителя живее! —
Пан кричит, лютея. —
Выпороть злодея —
Покрепче!»

Волокли его, пороли,
И по барской воле
За ограду в поле
Швырнули.

Голову сломя бежал он,
Мчался темной чащей,
Встретил зайца в чаще
Шумящей.

Тот с вопросом: что, мол, делать?
«Нужно род овечий
Беспощадно резать —
Калечить!»

ДВОРЯНЧИК

Прискакал дворянчик ловкий
В гости к девушке-литовке:
«Будь моей женой, красотка,
У меня — поместье».

— «Зря спешил, дворянчик, в гости,
Зря свои тревожил кости, —
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Шапку носишь — хоть куда,
Но мала ведь, — вот беда!
Никогда женой не стану
Голяка такого!

И рубашка, право слово,
На тебе с плеча чужого.
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Пояс вышитый да тонкий
Выпросил ты у девчонки, —
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Сюртучок из плиса
Под столом пылился, —
Никогда женой не стану
Голяка такого!

С брюками — нескладица, —
Всё спадают с задницы.
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Хоть и с блеском сапоги,
Да уж валятся с ноги.
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Ведь сапожки — ай-ай-ай —
Без подметок — примечай!
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Хоть белы перчатки,
Да на них заплатки.
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Кляча — чуть плетется,
Сядешь — расползется.
Никогда женой не стану
Голяка такого!

И седло — рванина —
Стоит дворянина.
Никогда женой не стану
Голяка такого!

Так ступай назад — в поместье —
Ешь да пей себе честь честью,
Хоть поместьем ты владеешь,
За тебя не выйду!»

СЛУШАЙТЕ, ДЕТИ!

Гей, послушайте, дети, на совесть
О диковинной новости повесть!
Я услышал ту новость под вечер,
Как вблизи Вифлеема овечек
Пас недавно!

Как услышал веселые крики,
Не постиг, что за праздник великий
В этом городе правят сегодня, —
Небывалая благость господня
Снизошла, объявилась!

Был я в будке, на месте высоком,
Скрипки-дудки лежали под боком,
Кувырком полетел я из будки,
Искорежил я скрипки и дудки
И сломал себе ногу.

Рад бежать, да ведь больно, как двинусь:
«Пособите-ка, Йонас, Альбинас!
Где ты, Миколас, брат невеселый?»
— «Ты держись, — отзываются в голос, —
В бег — не медля!»

Тут и дева пречистая с жаром
В пляс пустилась с Иосифом старым, —
Слушай, ангелов стая,
Что кричат пастухи в благочестье:
«Будем жить ли, помрем ли — так вместе,
Дева-мать пресвятая!»

НАРЕКАНИЯ ДРАЗДАУСКАСА НА ЛИТОВЦЕВ

Боже, боже наш всезрящий,
Я — жемайтис настоящий!

Без утайки, начистую
Поведу я речь простую.

Обо всем, что вынес, буду
Говорить честному люду.
Все дороженьки открою,
Где бродил сам-друг с бедою.

Вы, глаза мои живые,
Руки-ноги трудовые,
Край напомните унылый,
Где дышать и жить нет силы.

Не в годах ли девяностых
От родных, что на погостах,
В край литовский за таланом
Я ушел с большим приданым?

С острой сметкою простецкой,
С буйной силой молодецкой,
Зоркоокий, быстроногий, —
Ну, и что ж, скажи, в итоге?

Знал я голод, муки жажды,
Дрог от стужи не однажды,
Бранью злобной, оголтелой
Осыпали то и дело!

И с молитвой покаянной,
Словно пчелка, непрестанно
Я носился год за годом
По костелам и приходам.

Я, как подлинный апостол,
Славил гордо, звонко, просто
Мир земной и мир небесный.
Но моя иссякла песня.

От людей в Литве не жди ты
Снисхожденья иль защиты:
Ведь, как будто по обету,
В них мягкосердечья нету.

В край литовский за таланом
Шел я с дорогим приданым.

Вышли силы молодые, —
Ворочусь я в Жемайтию.

Воззову я, как жемайтис:
«О родитель наш, Гедрайтис!
Я зверей и лес бросаю,
Обращусь к родному краю».

СИМОНАС СТАНЯВИЧЮС

С. Станявичюс родился в 1799 году в Канапенай (ныне Расейняйский район). Родители его были дворяне, но, очевидно, небогатые, так как Станявичюсу рано пришлось думать о заработке. Учился он в известной в то время гимназии в Кражяй, где не только было хорошо поставлено обучение, но и господствовали передовые демократические идеи.

В 1821 году Станявичюс окончил гимназию и через год поступил в Вильнюсский университет, который тогда был в зените своего расцвета. Здесь он, наряду с классической филологией, изучал историю Литвы, русский, немецкий, польский и французский языки.

Окончив университет, получив степень кандидата наук, Станявичюс издал сборники литовских народных песен и мелодий (1829, 1833). Тогда же вместе с баснями К. Донелайтиса в одной книге были напечатаны и его шесть басен.

В 1831 году Станявичюс переселился из Вильнюса в Жемайтию. Некоторое время он в качестве библиотекаря жил у графа Ю. Плиотера. После его смерти он основался в Расейняй, где, как полагают, служил в каком-то учреждении. Позже переехал в Стемпляй, неподалеку от Швекшны, к брату Ю. Плиотера и там умер от чахотки в 1848 году.

После смерти поэта осталось много рукописей, которые во время восстания 1863 года были сожжены. До нас дошли только шесть басен и одна ода Станявичюса.

СЛАВА ЖЕМАЙТИСОВ

Ода

О, я видел Вильнюс славный,
Знаний древнюю обитель.
Край жемайтисов здесь давний —
Был тут мирным каждый житель.

Слава предков вечно с нами,
Каждый рад служить отчизне...
Сокрушенное веками
Возвратить должны мы к жизни!

Мир давно уж был уверен:
Наша сломлена держава,
И родной язык потерян,
И мертва былая слава...

Но жемайты оживают:
Честь отцов, их речь и взгляды
Нашу дружбу утверждают, —
И литовцы тоже рады...

Ри́нгаудас, ты с нами вместе,
Ми́ндаугас отважный — тоже,
О бессмертной вашей чести
Возвещает голос божий!

Славься, старый Гедими́нас,
Альгирдас — ты победитель!
Ты, Кястутис, вдохнови нас —
Самый доблестный воитель!

Вы в забвеньи долго были,
Враг страну терзал кровавый, —
Но жемайты возродили
Вашу попранную славу.

И Литва горда недаром
Сыновьями удалыми:
Рухнул гнет под их ударом,
Спасено отчизны имя!

Над литовскими лесами
Солнце яркое сияет,
И, прикрыв глаза руками,
Злобный недруг убегает.

И молва летит, стогласна,
Машет крыльями большими;

Прославляя край прекрасный,
Мчась над землями чужими:

«Мир! Ты видишь, изумленный,
Что на Севере свершилось?
У Литвы многоплеменной
Снова сила появилась!»

ЛОШАДЬ И МЕДВЕДЬ

Где мчится Невежис, где, Раудóндварис минуя,
К далекому Неману гонит волну ледяную,

Там в летнюю пору смеялись в сияньи восхода
Холмы, и обрывы, и позолоченные воды,

Стояла, стреножена, лошадь в зеленом раздоле,
Вздыхая о бедах своих и тяжелой неволе —

О том, как навоз всё возила вчера, да как мало
Травы пожевала, а сна — почитай что не знала:

«Вот солнце восходит, блестя лучезарной красою,
Луга освеженные засеребрились росою,

И мне за работу пора приниматься и снова
Телегу тащить до глубокого часа ночного».

Так, летней зарей, сокрушаясь жестокой судьбою,
Внезапно увидела диво она пред собою.

По склону зеленому, с цепью тяжелой на шее,
Медведь проходил. От невольного страха шалея,

Метнулась лошадка гнедая, умчаться готова.
«Не бойся, — промолвил медведь ей сердечное слово, —

Отцы наши в мире извечно свой путь совершали,
Взрастали и старились вместе от горя-печали, —

Так счастье одно к нам пришло, — ведь обоим нам круто:
Мне — цепи на шее, тебе же назначены путы».

1824

АЙТВАРАСЫ

Жемайтская сказка

Там, где дубняк стоит, склоненный к быстрым водам,
В своей усадьбе жил жемайтис год за годом.
Поместья не было прекрасного такого
Во всей окрестности ни у кого другого.
В хлевах — полно скота, зерном набиты клети, —
Удачников таких не видано на свете.
Любой в округе знал, что айтварас ревниво
Хранит хозяйский дом, построенный на диво.
Всяк примечал не раз, как этот страж с налета
В трубу вытряхивал прихваченное что-то.
Ведь были сбиты с крыш коньки, и у соседей
Исчезли сено, хлеб и много всяких снедей.
И к мужику пришел суровый управитель:
«Ах, говорит, губитель!
Дружить ты с айтварасами изволишь!
Соседей ни за что бездолишь!»
Ему в ответ мужик, смеясь лукаво:
«Ни одного соседа, право,
Здесь айтварасы все мои честные
Не провели; напротив, не впервые
Они добро приносят многим».
— «Так покажи мне их», — воскликнул с видом
строгим
Ретивый управитель. И хозяин
Взял за руку его, повел его в сарай он,
Где покрывали пол дощатый
Серпы, да сохи, да лопаты.
«Вот айтварасы, щедрою рукою
Дарующие всё благое!»

ЧЕЛОВЕК И ЛЕВ

Жемайтская сказка

Шел лесом человек — зеленым и дремучим,
И в том лесу со львом он встретился могучим.
Один из них — лесов суровый господин,
Другой — полей и сел давнишний властелин.

Что сильные сии не так уж часто дружат —
Тому и наши дни порой примером служат...

Едва заметив льва среди лесной чащобы,
«Черт!» — крикнул человек и задрожал от злобы.
Тут бранные на льва посыпались слова,
И острым топором рассек он лапу льва.

Вот год прошел, другой. За днями дни промчались,
Вновь человек и лев однажды повстречались.
И человеку лев сказал тогда сурово:
«Был злобен твой удар, но злей удара — слово!
Боль раны я забыл, хоть долго жил скорбя, —
Но слово горькое, что слышал от тебя,
Покуда жив я буду,
Не позабуду!»

КОРОЛЬ ОРЕЛ И ХИТРЫЙ КОРОЛЕК

Жемайтская сказка

На сейм весенним днем слетелись как-то птицы,
Кто станет королем — хотели сговориться;
И порешили так: владыкой будет тот,
Кто сможет выше всех подняться в небосвод.
Взлетели. Выше всех орел подняться смог, —
Но маленький и хитрый королек
Сел на спину к орлу и тихо там скрывался.
Орел уже вступить в права свои собрался,
Смотря на прочих птиц с огромной вышины...
Тут хитрый королек взлетел с его спины
И громко закричал:
«Я — выше, чем орел,
И только я могу
На птичий сесть престол!»
Но хитрость королька была раскрыта вскоре;
И гневный приговор был слышен в птичьем хоре:
«Казнить его, — сказали дружно птицы, —
А до суда держать его в темнице!»

Темницу (так пернатые решили)
Сова с летучей мышью сторожили.
Вот ночь пришла, и задремала стража, —
А утром обнаружилась пропажа:
Хоть широко сова глаза раскрыла,

Но королька нигде не видно было;
Летучая прислушивалась мышь —
Недвижная вокруг стояла тишь...
Доныне птичий род на бедных стражей злится,
И днем они в лесу боятся появиться.

КИПРИОНАС НЕЗАБИТАУСКИС

Имя К. Незабитаускиса (Забитиса) как поэта стало широко известно лишь через девяносто лет после его смерти — в 1930 году, когда было впервые опубликовано его «Стихотворение», сохранившееся в рукописи.

Забитис, позже назвавший себя Незабитаускисом, родился в 1779 году в семье свободных крестьян. Среднее образование он получил в кражяйской гимназии. В Вильнюсском университете Незабитаускис изучал естественные науки, но, окончив его, поступил в духовную семинарию и стал ксёндзом, так как университетское образование не дало ему возможности материально обеспечить себя. Со временем его назначили настоятелем в Велюона.

В восстании 1830—1831 годов Незабитаускис непосредственно не участвовал, но сочувствовал ему, произносил агитационные проповеди, читал воззвания. После подавления восстания, пытаясь избежать наказания, он бежал в Восточную Пруссию. Царское правительство заочно приговорило его к смертной казни.

Жизнь Незабитаускиса в эмиграции была очень тяжелой. Сначала он отправился в Аргентину, но в 1835 году вернулся в Европу и поселился в Париже. Здесь проживало в то время немало эмигрировавших из Литвы и Польши повстанцев.

Под влиянием группы эмигрантов-демократов Незабитаускис увлекся идеями утопического социализма. Тоскуя по родной стране и мечтая об ее освобождении, он берется за перо и пишет философско-политические стихотворения.

Незабитаускис обратился к А. Мицкевичу и в Общество польской литературы в Париже, прося помочь ему издать стихи. Однако ответа не последовало. Нищета довела Незабитаускиса до отчаяния, и в 1837 году он покончил жизнь самоубийством.

О ПОЛОЖЕНИИ В КНЯЖЕСТВЕ ПОЛЬСКОМ ПОД ВЛАСТЬЮ РУССКОГО ЦАРЯ

...Вот что стало нынче на Литве несчастной, —
Злобен император, деспот самовластный!
Бедный люд крестьянский стонет под тираном,

Всем грозят оковы и подчас — дворянам...
А теперь попрал он жалких прав остатки,
Правящим дал волю — ввел, злодей, порядки! —
Жаловаться даже запретил холопам,[1]
Хоть на них все власти навалились скопом.
Получили волю судьи-кровопийцы,
Получили право воры и убийцы.
Если донесется весть в родные дали,
Что за вашу волю труженики[2] встали,
Что за справедливость бой жестокий начат,
Помните, крестьяне! — эти вести значат:
Ширится движенье, что всесветным станет,
Что настанет время — вся земля восстанет,
Вас на бой за счастье мы зовем упорно,
В недрах прорастают будущего зерна...

1835

ЕГО МИЛОСТИ АДАМУ МИЦКЕВИЧУ, ДРУГУ НАШЕМУ ЛИТОВЦУ, СЛАВНОМУ И УЧЕНОМУ СТИХОТВОРЦУ НА ЯЗЫКЕ ПОЛЬСКОМ

Сегодня многие в стихах вам подражают
И мнят, что первенство ученостью стяжают...
Глупцы! Божественным не обладают даром,
Не трогает сердец их жалкий стих недаром.
А мудрость ваших слов мила нам и полезна,
Вы сладкозвучный стих нам дарите любезно.
Не уподоблюсь я всем этим грамотеям,
Для пахарей Литвы мы пишем как умеем,
Пускай язык наш груб для знати именитой.
Так будьте же моей надеждой и защитой,
Ведь мне не избежать укоров и нападок!
Нас множество таких, чей слог не больно гладок,
Таких, чей долг прямой — открыть глаза народу,
Готовых лечь костьми за братство и свободу...

---

[1] В нынешнем 1835 г. царь издал указ, согласно которому ни один житель, называемый мужиком, не может жаловаться, подавать прошение или жалобу.

[2] Те, кто трудится во имя свободы, которых много как на родине, так и в чужих землях.

Всё это я пишу, хоть ведаю заране —
Мне голову сорвут литовские дворяне,
Ведь им не по нутру тяжелая работа,
Ведь страшно им пролить хотя бы каплю пота,
Потеет пусть мужик! Мы знатны, мы богаты!
Как заклюют меня крепостники, магнаты!
Иуды из иуд — им чуждо всё святое.
Я имя изменил, дабы не знали, кто я!..
Мне б напечататься — да средств моих не хватит,
И вот надеюсь я, что кто-нибудь заплатит,
Даст денег за меня издателю в Тильзите...
Я шлю вам рукопись, уж вы меня простите!
Прошу вас мне помочь, дать ход моей работе,
Коль вы сии стихи достойными сочтете...
Я вашей доброты вовеки не забуду
И вас благословлять до самой смерти буду...

Между 1834 и 1837

О ПОЛЯКАХ, БЕДСТВУЮЩИХ В ЧУЖИХ СТРАНАХ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1830–1831 ГОДОВ

...К предателям, к царю мы не пойдем с поклоном...
Мы помним, кто наш враг, с кровавых дней восстанья.
Не думайте, что мы погибли все в скитаньи!
Дрожите, злобные! К родным вернемся весям,
Смешаем с прахом вас, на фонарях повесим!..
И все тогда поймут, что бьемся за свободу
Для всех сынов земли, а не себе в угоду,
Что не честолюбив наш дух и бескорыстен.
Все равны на земле — вот истина из истин.
А вы крестьянина, как зверя, затравили, —
Вот как вы своего кормильца возлюбили!

Между 1834 и 1837

СКОРБНАЯ ПЕСНЯ ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ НА РОДИНЕ, ОБРАЩЕННАЯ К СОБРАТЬЯМ В СКИТАНИЯХ

О братья, блуждаете вы на чужбине,
На родине кости белеют поныне,
В сраженьи легли ее славные дети, —
Так вот какова справедливость на свете!

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь наш хранит вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Вы стали бездомными, нищими стали,
Детей побросали в нужде и в печали,
Их Матерь, [1] лишившись державы и воли,
От горя зачахла, не вынесла боли.

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь наш хранит вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Власть вновь у царя. К чьей прибегнуть защите?!
Доколе ж так будет, — вы нам напишите!
Доколе бойцы за народную волю
Должны, как бродяги, скитаться, доколе?!

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь наш хранит вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Хранит ли господь вас, вернет ли отчизне?
Увидим ли вас хоть когда-нибудь в жизни?
А как там живется вам — сносно иль худо? —
Нам весточку, братья, пришлите оттуда.

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь бережет вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Но вы не ошиблись, а мы прогадали, —
Ушли вы бороться в далекие дали,
А нас всё сильней подавляют тираны,
Не вырваться нам из-под строгой охраны.

---

[1] Родина поляков.

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь бережет вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Вы нам говорите: «Друзья, не сдавайтесь,
Коль дома позор — уходите, скитайтесь,
Готовьтесь! Ведь грянет сражение скоро,
Должны мы отчизну спасти от позора...»

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь бережет вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Как трудно нам выстоять! Дни наши тяжки.
Изводит нас враг, не дает нам поблажки!
Мы терпим пока, мы ярмо наше тянем,
Начните — и мы вместе с вами восстанем.

Народ побежден тиранией кровавой —
И нет ни пощады, ни правды, ни права!
Так пусть же господь бережет вас в скитаньи,
Поможет пройти через все испытанья...

Мы будем сражаться за общее дело.
Достаньте оружье — и встанем мы смело.
Господь вас храни для сверженья тирана,
Мы ждем избавления поздно иль рано...

Между 1834 и 1837

ОТВЕТНАЯ ПЕСНЯ БРАТЬЕВ, ЖИВУЩИХ В ИЗГНАНИИ

Вам брат, горемычный ваш брат отвечает:
Меня на чужбине радушно встречают,
Здесь люди сочувствуют всем нашим бедам,
Но я одинок, вам удел мой неведом,
Неведомо мне, как живете вы дома,
Как будто мы с вами совсем незнакомы...
О, муки скитальчества! — как их избуду?
Без отчей земли одинок ты повсюду...

В окошках чужих мне огонь замигает —
Я мыслю: здесь вечер семья коротает,
Их душ ни печаль, ни утрата не гложет.
Мир дому сему, чей хозяин, быть может,
К семье возвращается в добром здоровье,
Согретый сердечной сыновней любовью.
А я... О, доколе я странствовать буду?
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Гляжу на летящие по ветру тучи:
Мы так же гонимы стихией могучей!
Я мыслю: куда они мчатся в лазури?
Кто знает, куда увлекают их бури?
Куда эти бури нас гонят по свету?
До нас горемычных и дела им нету!..
Доколе, доколе я странствовать буду?
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Цветение яблонь увижу сегодня —
И мыслю: в цветении сила господня,
Плоды человечеству дарит создатель,
Но из дому выгнал меня угнетатель!
Сады не мои. Не забуду я в жизни,
Как пахнут цветы в разоренной отчизне!
Нет счастья мне, долго я странствовать буду!
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Вот люди — сыны сей страны незнакомой,
Они все — родные, все вместе, все дома,
Друг друга они привечают как братья,
Их руки сливаются в рукопожатья.
Кто знает меня? Кто здесь другом мне станет?
Здесь даже руки мне никто не протянет...
Как тяжко мне! Долго ли странствовать буду?
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Ручей преградил мне дорогу теченьем,
Меня веселит своим радостным пеньем,
Как будто со мною ведет он беседу,
Стремясь меж камней по знакомому следу.
Я вспомнил: над точно таким же потоком
Мы с братьями бегали в детстве далеком...

Другой был ручей... Долго странствовать буду.
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Здесь деды внучатам резвящимся рады, —
Большие кусты средь растущей рассады.
Стою я печальный, с надеждою глядя:
Вдруг кто-то из мальчиков скажет мне: «Дядя!»,
Вдруг старец мне скажет: «Сынок!..» Но, как видно,
Никто не окликнет меня. Мне обидно:
Никто не окликнет. Печалиться буду.
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Здесь девушки дарят возлюбленным радость,
В их смехе пленительном — нежность и сладость,
Для сердца, которое стонет, страдая,
Их ласки целебны, как радости мая.
Хотя бы одна на меня поглядела!
До горестей наших какое им дело!..
Все дни на чужбине в печали пребуду.
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Я слышу: запели прекрасные девы,
Я плачу — мне тягостны эти запевы,
Сестер своих милых я вспомнил в печали:
На пастбищах вешних сестрицы певали,
Так матушка наша любила их пенье.
Звучат голоса — да не те, без сомненья.
Я плачу. Доколе скитаться я буду?
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Какие-то люди идут мне навстречу:
«О чем ты рыдаешь?» А что им отвечу?
«Всевышний, спаси вас! Я плачу, страдая
Без милых друзей, без родимого края».
Ответ мой, видать, не по нраву прохожим:
«О чем ты толкуешь, понять мы не можем...»
Пока я скитаюсь, печалиться буду.
Без отчей земли одинок ты повсюду...

Так слезы я лью, безутешно горюя,
И в мыслях себе самому говорю я:

По белому свету бродил я немало,
Отчизны второй никогда не бывало!
Так бог, знать, судил: нет домой мне возврата,
Нигде не найти мне ни друга, ни брата!
Где сестры мои? Их вовек не забуду!
Куда б ни попал, я тоскую повсюду!

Повсюду меня окружают невзгоды,
Ну что ж, буду странствовать долгие годы,
Покуда глаза не откроем мы людям,
Покуда свободу для всех не добудем!
Я верю: он близится, день долгожданный,
Помогут нам люди — а наши тираны,
Мучители наши в могилы полягут!
Весь мир будь свидетелем всех наших тягот!..
Я буду писать вам о наших скитаньях,
Вернусь — обо всех расскажу испытаньях.

Между 1834 и 1837

ПЛАЧ ПОЛЯКА, ЛИШИВШЕГОСЯ РОДИНЫ

Вихрь унес остатки туч,
А в темнеющем просторе
Золотил закатный луч
Ширь сверкающую моря.
А на выступе скалы
Старца высилась фигура,
На кипящие валы
Молча он глядел понуро...

Он шептал: «Безмолвье всюду залегло,
Только мне заботы не дают покоя,
В этот ясный вечер сердцу тяжело,
В сердце яд печали, — что ж это такое?

На краю могилы я уже стою,
Прожитые годы без следа промчались,
Этот мир покину — колыбель свою,
И уйду, усну навеки, не печалясь...

Как всё безысходно! Кто поможет мне?
Что мне эти склоны в лозах винограда?!
Нет мне утешенья здесь — в чужой стране,
Горестное сердце ничему не радо...

Здесь повсюду вижу чудеса земли,
Здесь прекрасны замки, города прекрасны,
Но ищу глазами в море корабли, —
Не плывут ли к Польше? Все мечты напрасны!

Вижу я дубраву около реки,
Сушатся на солнце сети рыболова;
Вижу кровли хижин, ввысь плывут дымки,
Розы за оградой расцветают снова.

Пчелка над поляной пролетит жужжа,
Дети пробежали — слышу всплески смеха,
Зашумели крылья синего стрижа,
Песню молодежи подхватило эхо.

Здесь я, сколько влезет, пить и есть могу,
Под надежной кровлей у меня есть ложе,
Здесь, как дома, косы стонут на лугу,
На погоду нашу здешняя похожа.

Кажется порою: дома я живу.
Мыслю: стал ты старым — радуйся покою!
Но встает былое словно наяву,
И струятся слезы горькие рекою...»

Между 1834 и 1837

БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ!

Срок придет — настанут перемены в мире:
Те, кто предавал нас, кончат век в Сибири,
Царские холопы присмиреют в страхе,
И полягут вскоре палачи на плахе..
Мы клялись пред миром дать свободу Польше,
Возвратить ей силу. Гнет немыслим больше!

И от сердца к сердцу клич передается:
Срок сраженья близок. Ты готов бороться?
В наши дни обманом не удержишь власти,
Войско — не опора гибнущих династий,
И уже сегодня поняли мильоны,
Что готовы рухнуть вековые троны.
Сбросим в грязь короны, будет труд в почете,
Пахарь вольным станет, принцев не найдете!
Бывшие магнаты поспешат укрыться
Под крылом тирана в северной столице.
Новое восстанье власть несет народу,
Больше не доверим шляхтичам свободу!

Весь народ восстанет, чтоб владеть богатством,
Чтобы братство стало настоящим братством!
Сколько бы дворяне впредь ни бунтовали,
Этот бунт к свободе приведет едва ли...
Равенства дворяне не даруют людям,
О себе их думы: скоро власть добудем,
И места повыше как-нибудь захватим,
А потом наденем снова цепь собратьям...
День придет: крестьянин завладеет полем,
Труженика грабить больше не позволим,
Барщина, поборы людям не приснятся,
Тяжело придется только тунеядцам.
Племена сольются и сотрут границы,
Все трудиться станем и трудом кормиться,
Ремеслом мы будем и землей богаты,
И в чести не будут праздные магнаты.
Поровну поделим пастбища и пашни,
Армии распустим, войны — день вчерашний.

Раз господ не будет, ни к чему и войны,
Нет, не литься крови — люди жить достойны,
За других мы гибнуть не желаем в схватке!
Заведем мы вскоре новые порядки...

Ни к чему нам слезы, глаз нам нужен зоркий,
Надо помнить мудрость нашей поговорки,
Что сухим не выйдешь из болотной жижи, —
Нас манила Сена — вот мы и в Париже!

Край наш не погибнет, край наш не увянет,
Станет он прекрасней, величавей станет!
Враг жестокий мыслит: изгнана крамола,
Ниц все пали в страхе у его престола.
Это заблужденье. Мы уже не дети,
Все мы понимаем: правда есть на свете,
По-другому будут управляться страны,
Не способны править странами тираны...
Можете сегодня вы себе представить,
Что не царь кровавый — сами будем править?
Будущее наше только в нашей воле,
Посему — готовьтесь в тайниках подполья,
Пожелаем в битве мы себе удачи.
Будет по-другому! Будет всё иначе!..

Между 1834 и 1837

СРАВНЕНИЕ РАЗБОЯ ЦАРЕЙ С РАЗБОЕМ ГОСПОД

Стал хвастаться коршун: «Я волею бога
Добрее разбойника-волка намного.
Доверь мне отару — останется целой,
А волк истребляет овец то и дело,
Животных, таких же, как сам, убивает,
Клыками бедняг на куски разрывает.
Бежит от людей он — страшится он кары,
Пусть гибнет злодей — уцелеют отары!..»
А волк, услыхав, обозлился на это,
Не вынес разбойник такого навета:
«Я тоже ведь бедных голубок жалею.
Ты съел бы овцу, да не справишься с нею!
Тебе не под силу такая добыча,
Рвать птиц безоружных завел ты обычай.
Что спорить! Завидев летящую стаю,
Хватаешь ты птиц, как овец я хватаю...
Взять воронов, — славят они меня хором;
Всегда потрохи оставляю обжорам.
А ты оставляешь лишь перышки птичьи.
Мы оба стремимся к посильной добыче!
Какой же слуга ты господен?!.
Негоден ты, вовсе негоден!»

Тут волк, чтоб совсем доконать лицемера,
Промолвить такое решил для примера:
«Так шляхта кричит: О тиран самовластный!
Зачем разоряешь народ свой несчастный?
О, ваше величество, разве вам мало
Того, что отчизна вконец обнищала?!»
Царь вправе ответить: «Уж вы бы молчали!
Давно ли близки вам народа печали?
Все кровь мы сосем, и никто с нас не спросит...»
Вор вора поносит...

Между 1834 и 1837

ПРАНАС САВИЦКАС

О П. Савицкасе известно только то, что около тридцати лет он прожил в Александравеле, где был настоятелем, и умер 86 лет от роду — в 1864 году.

До нас дошли только два его стихотворения: «Метель» и «Рассказ». Когда они были написаны, установить трудно, так как автографы не сохранились, а копии, сделанные поэтом В. Ажукальнисом-Загурскисом, датированы 1847 годом.

Однако, судя по этим двум стихотворениям, писал их не начинающий, а уже зрелый, хорошо знающий жизнь крестьян поэт. Видно также, что он был враждебно настроен против помещиков, безжалостно угнетавших крестьян, и осуждал крепостничество.

МЕТЕЛЬ

Ветер западный студеный снег волнами гонит,
Вихрем мчится по деревне — крыша стоном стонет,
Заметает чисто поле, по дворам кружится,
Вдоль по улице сугробы громоздит, ярится...
Поглядел мужик в окошко и сказал, вздыхая:
«Нос не высунешь на волю — ишь, метель какая!
Замела она избенки — ни тропы, ни лазу...
Где отыщет щелку — всюду проберется сразу.
Как-то там скотинка наша — знает бог единый.
Сбегал бы, проведал, Йонас, что там со скотиной.
Вдруг ягнята замерзают, не приведи боже.
С полуночи непогода — всё одно и то же.
А ты, Пятрас, одевайся, на голову — шапку,
Ступай — хворосту для печи наруби охапку.
Ребятишки — в рев: озябли, сбились в угол хаты.
Разве в том, что нынче холод, все мы виноваты?
Вот уж ничего не скажешь, послал бог денечек!
За всю зиму не случалось — отыграться хочет.

Эх, стара у нас избенка... И в чем только сила?
Окна в землю погрузились, дверь перекосило,
Прохудилась крыша, в стенах — пакля не годится,
От подтаявшего снега внутрь вода сочится.
Дети с голоду чуть живы, раздобыть им где бы
Молока хотя бы каплю, хоть бы крошку хлеба.
Вот уже сама неделю не встает с постели,
Да еще грудного кормит по восьмой неделе...
Третий день я голодаю, исхудал я, грешный,
Весь осунулся... А барин — барин бессердечный
В карты режется, пьет вина, ром — пиши пропало...
Перемри мы с голодухи — ему горя мало.
Боже правый, боже правый, ты за что караешь?
Почему в таком несчастье меня покидаешь?
Всё, что осенью собрали на своем наделе,
Всё до зернышка в именье отвезти успели.
Всё отдай чужому дяде, что ни уродится!
Пропадает вся охота на земле трудиться».

<1847>

РАССКАЗ

В одном селе на улице длинной два дома рядом стояли.
В одном дому богатели люди, в другом дому —
голодали.
Изба хорошая да пристройки, — хозяин орудовал бойко.
А рядом с ним — не сегодня-завтра обрушиться может
избенка.
У богача — здоровые детки, свежие, чистые, в теле.
У бедняка два мальчика, дочка — все колтуном болели.
Один со всеми живет в согласьи, да барин его
привечает,
А на другого сердится барин, никто по нем
не скучает.
У одного волов три упряжки и добрых лошадок пара,
Коровок дюжина, да овечек немаленькая отара.
Новая бричка колеров ясных и три телеги не плоше —
Колеса, кованные железом, и упряжь новая тоже.
А у соседа всего добра-то — вол с кобыленкой
ледащей,

Одна единственная коровенка... Двух коз на веревке
тащит.
Богатый дом в согласьи и мире живет и горя не знает.
Выйдут ли в поле — трудятся споро, один одному
помогает...
Пригожие девки заводят песню ладную голосисто,
А парни подтягивают басами — выходит звонко да
чисто.
Весело песня в полях раздается, до самого леса
мчится,
Но с песней по-прежнему жнет проворно колосья под
корень жница.
Отрадно глазу, когда стеною колышащейся, покатой
Рожь и пшеница перед тобою — твой урожай богатый.
Сноп за снопом стоят, как солдаты, колос тугой
на диво —
Будет рублей и белого хлеба тому, кто пахал радиво.
Вон, любо-дорого, яровые — ячмень не меньше гороха,
И лен хорош, и всё остальное в поле взошло неплохо.
Канавами осушены болотца и все сырые низинки,
Луга — что стол: ивняка не видно, не сыщешь ни
хворостинки.
Хозяин сам привез пообедать. «Бог помочь вам», —
говорит он.
Работники хором ему «спасибо» все отвечают открыто.
«Кончай работу, ребятки, хватит, — хозяин сказал
нестрого. —
Чем бог послал закусите — можно теперь отдохнуть
немного.
Спасибо вам, молодцы, ребятки, спасибо, на самом
деле —
За краткий срок, хоть вас тут и мало, а сколько
сделать успели.
Ступай, Эльжбета, возьми-ка в бричке что там хозяйка
послала,
Возьми скатерку — найди местечко, где б ты ее
постлала.
Есть там тарелки, ложки, блюда, есть бочоночек
пива,
Масла найдешь, каравай и сыру — всё разложи
красиво.
Не повредит пропустить по чарке водки после работы.

Но тот, кто пьет, да не знает меры, — махни рукой
на того ты.
Недалеко ходить за примером: сосед мой как запил,
и вскоре —
Добро всё по ветру, разорился, и поле — не поле,
а горе.
Пашня сплошь поросла сорняками, не пашня — горькие
слезы:
Кой-как распахана, не боронили, нигде ни следа
навозу...
А яровые-то, яровые... Глаза б мои не глядели.
Зелеными поймами луговыми сплошь ивняки завладели.
Отец же — царство ему небесное — соседу оставил
наследство:
С сотню голов набиралось в стаде и в закроме
было тесно.
Ржица была: ветерок повеет — волнами так и ходит;
Лен зеленеет, цветет как рута, и яровое всходит.
Но в первый же год, как отец скончался и сын
вступил во владенье,
Как начал пить — запустил хозяйство, на ветер
пустил именье.

<1847>

КАЕТОНАС АЛЕКНАВИЧЮС

К. Алекнавичюс родился в 1803 году в крестьянской семье неподалеку от Палевене (Купишкисский район). В 1820—1828 годах он учился в трошкунской средней школе, а позже — в вильнюсской высшей духовной семинарии, которую успешно окончил, получив степень кандидата теологических наук.

После окончания семинарии Алекнавичюс долгие годы был викарием в разных приходах, причем большое внимание уделял заботе о просвещении народа. В 1846 году издал букварь, отличающийся от других ему подобных новыми методами обучения и оригинальными текстами в форме диалогов, в которых немало беллетристических элементов. С 1848 года Алекнавичюс был назначен настоятелем в Меркине. Здесь он подготовил сборник своих стихотворений, который в 1861 году издал под названием «Сказки, приключения, свадьбы и хоровые песни».

Обвиненный в сочувствии к повстанцам 1863 года, Алекнавичюс был понижен в сане и переведен в Асавас, где в 1874 году и скончался.

МУЖИК И КУЧЕР ЭКОНОМА

Долго жил в усадьбе пана,
Дослужился до кафтана —
Кто? Да кучер эконома!
В поле вышел он из дома,
С пахарем уселся рядом,
Пышным чванится нарядом.
Разодет как напоказ он,
Волос густо салом смазан,
Рот надменно кривит парень:
«Мол, в кафтане я — что барин!»
А мужик в ответ сурово:
«Хоть в шелку, да гол дворовый!

Мы ж добром владеем малым,
Да на шляхту глаз не пялим!
Подчас эконому
Советы даем мы!»
Тут и кучерову деду
Случай был вступить в беседу:
«Вишь, какой ты, внучек, знатный!
Близ господ потерся? Ладно!
На руке сверкает перстень...
Ну, а честен ли ты сердцем?
Дал тебе хозяин платье,
Думаешь, что стал ты знатью?
Мало, что кафтан напялен,
Мало, что пробор насален, —
Честь дается по заслугам!
Пахарь, что идет за плугом,
Уважения достоин,
Хоть в сермяжине простой он!
Ни атлас, ни блеск жемчужин
В поле пахарю не нужен».

<1861>

ТРОИЦА И ВАРЕНИКИ

«Праздник Троицы встречай-ка,
Дай вареников, хозяйка!»
Миску полную приносит,
Батрака отведать просит:
«С творогом, горячих, плотных!»
Взял вареники работник,
Поглядел — творог-то жесткий,
Тесто твердое, как доски,
Знать, ничем творог не смазан!
Он швырнул начинку наземь,
Тесто он ломал руками,
Псу под стол бросал кусками.
«У такой, — кричал, — стряпухи
Быстро сдохнешь с голодухи!»
Так хозяйку он позорил,
Так с хозяйкою он спорил,

С бабой красною, хмельною,
Что была ему женою.
А она: «Да ты б стыдился!
Как ты, Йонас, распустился!
Ишь, об стол рукой колотишь,
Нос от творога воротишь.
Как умела я варила,
Чем тебе не угодила?
У тебя хватает духу
Поносить меня, как шлюху?
Постыдись! Забыл ты разве,
Что в деревне нынче праздник?
От соседей нет отбою:
Дай им это, дай другое.
Молока им налила я,
Да яйцо взаймы дала я.
Жиром смазанную скалку
Да веревку дать не жалко.
Попусту бранишь меня ты, —
Я ни в чем не виновата!»

<1861>

МУЖИК И ЦЫГАНЕ

Сапоги — не лапти — носят,
А по избам ходят, просят.
Кто? Цыгане-попрошайки!
Вот в соседский дом к хозяйке
Шасть цыганка в пестрой юбке.
Муж, постукивая трубкой,
Слушает, на ус мотает,
Что цыганка нагадает?
От цыганского, мол, слова
Молока дадут коровы
Вдвое больше, и земля-то
Урожай, мол, даст богатый...
А хозяйку — не соврать бы —
Будут звать всегда на свадьбы.
Быть по чести, по закону
Матерью ей посаженой.

«Не зевай и ты, хозяин,
Будешь всеми уважаем.
Руку дай — судьбу открою:
Станешь сельским старшиною!
Год пройдет — дождешься часа!
Дай за то цыганам мяса,
Молока налей нам тоже,
Да еще прибавь одежи!»
Тут мужик развесил уши —
Дал кусок бараньей туши,
Дал муки, крупы и сала.
А хозяйка натаскала
Разной ветоши нерваной
Да кафтанчик домотканый,
 Да миску похлебки —
 Плутовке неробкой.
Старшиной себя считая,
Наш мужик попал в лентяи —
Пашет меньше, сеет позже...
Вот проходит год — и что же?
Ждал, что старостой назначат, —
Дождался, что сам батрачит...
Посаженую-то мать бы
На какой найти нам свадьбе?
Там ее искать не надо —
Знай, пасет чужое стадо...
Слишком много пожелаешь, —
Что имеешь — потеряешь!

<1861>

ПЕСНЯ

Хорошо жнецам трудиться,
Если в поле рожь родится.
Уродилась рожь на славу,
Потрудились мы на славу,
Дай бог новых урожаев!
Песней просим мы хозяев:
 Дайте пива нам хмельного,
 Дайте сыра молодого,

Чтобы вас мы прославляли,
Чтобы пели: «Дали, дали!»
Сердце больно бы сжималось,
Если б ржица осыпалась.
Осыпаться ей не дали, —
Быстро рожь серпами жали,
Лбы мокры у нас от пота,
Хороша была работа!
Дайте пива нам хмельного,
Дайте сыра молодого,
Чтобы вас мы прославляли,
Чтобы пели: «Дали, дали!»
Не осыпаться колосьям —
Будет прибыльная осень,
С полными зерна мешками
Да с тугими кошельками.
Коль хозяева богаты,
То должны быть тороваты —
Дайте пива нам хмельного,
Дайте сыра молодого,
Чтобы вас мы прославляли,
Чтобы пели: «Дали, дали!»
Только солнышко засветит,
Жаворонок нас приметит. . .
Сноп один стоит несжатый, —
Отдыхать садись, ребята,
Пусть хозяева и сами
Отдыхают вместе с нами.
Дайте пива нам хмельного,
Дайте сыра молодого,
Чтобы вас мы прославляли,
Чтобы пели: «Дали, дали!»
В поле всюду мы поспеем:
Рожь дожали — озимь сеем.
Не конец еще работе —
Яровые жать пойдете.
Отдых дай рукам рабочим, —
Скоро снова серп наточим!
Дайте пива нам хмельного,
Дайте сыра молодого,
Чтобы вас мы прославляли,
Чтобы пели: «Дали, дали!»

Яровую сжали рожь им, —
Мы снопы свезем и сложим,
Как хозяевам угодно,
И тогда вздохнем свободно.
Словно сад украсим райский
Дом батрацкий, дом хозяйский!
   Дайте пива нам хмельного,
   Дайте сыра молодого,
   Чтобы вас мы прославляли,
   Чтобы пели: «Дали, дали!»
Холодом зима повеет,
Поле снегом забелеет,
Ночь длинна, а день недолог —
Вот пора пиров веселых!
Все за стол хозяйский живо,
Будем пить и мед и пиво!
   Дайте пива нам хмельного,
   Дайте сыра молодого,
   Чтобы вас мы прославляли,
   Чтобы пели: «Дали, дали!»

<1861>

МЫ ПОБЫВАЛИ В ЛЕСУ

Йонас

Просим слова, просим слова!
Рассказать мы вам готовы
Или в песне похвалиться,
Как пришлось повеселиться.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Были как-то мы у речки,
От лесочка недалечко,

Под сосною и под елью —
Всюду там кипит веселье.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

В чащах леса непролазных
Много тварей самых разных,
И у всех там свой обычай —
То ль звериный, то ли птичий.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Тетерев шумит, бормочет,
Дятел ключ свой крепкий точит.
Место есть для всякой птицы, —
Пусть в лесу у нас гнездится!

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Счет годам ведет кукушка,
Вьется овод над опушкой,
И журавль нескладный, длинный
Слышит посвист соловьиный.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Ионас

Муравьи — народ рабочий —
Трудятся с утра до ночи,
С песней звонкой и веселой
Над цветами вьются пчелы.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Ионас

Хорошо лесное царство, —
Нет в нем строгого начальства.
Как во времена былые,
Вольны жители лесные.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Ионас

Лес с зарею оживает,
С темнотою засыпает.
Мы властей в лесу не знаем —
Каждый сам себе хозяин.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Ионас

Хоть в лесу не жнут, не сеют —
Вдоволь пищи все имеют,

И водой речною каждый
Утолить сумеет жажду.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Только там, в лесном покое,
Ты почувствуешь душою —
Всё живое от рожденья
Под охраной провиденья.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Пастухи ушли в ночное,
И в лесу, за мглой речною
Славно в их руках запели
Дудочки, рожки, свирели.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

В лес идите спозаранку:
Лес — что скатерть самобранка, —
Запасайтесь! Хватит на год
Здесь грибов, орехов, ягод.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Труженик, батрак безродный,
Лишь в лесу вздохнет свободно,
Только здесь живут, как в сказке,
Без надзора, без опаски.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Не забыт поныне славный
Наш обычай стародавний:
Здесь в лесу, под шум беседы,
Пиво пили наши деды.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Пахарь, за сохой идущий,
Пощади лесные пущи!
На лугу, в лесу и в поле
Свято помни божью волю.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Нашим детям не пристало
Забывать обычай старый.

На лугу столы накройте,
Пиво пейте, песни пойте.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

Йонас

Так у свадебного ложа,
Юные сердца тревожа,
Для забавы, для веселья
Песню женщины пропели.

Сваты

Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!
Хороши лесные нравы,
Все в лесу живут на славу!

<1861>

* * *

То пчелы гудят над зеленой поляной,
То конница скачет... А где ж ты, желанный?
К отцу моему поезжай поскорее —
Невестой я названной стану твоею.
Кольцо привези мне, я жду в нетерпеньи, —
У батюшки вымоли благословенье.
Неделями ждать у окна надоело:
Болит голова, все глаза проглядела...
А матушка мне говорит то и дело:
«Что высмотреть, Маре, ты там захотела?»
Смущенно вздохнув, отхожу от окна я:
«Да так... голова разболелась, родная...»
Скажусь я больной — плакать матушка станет,
Что роза, мол, сохнет, что девка, мол, вянет...
А я, слава богу, лишь тем нездорова,

Что жду не дождусь я дружка дорогого.
Немало тут молодцев добрых гуляет,
Но девушка лишь одного ожидает.
Пусть многие смотрят в глаза мне с мольбою, —
Любимый мой, буду я только с тобою.
Пойми, ожиданье меня истомило,
Возьми мою руку, свою дай мне, милый!
Садись на коня, зря не трать ни словечка, —
Спеши обменять на колечко колечко.
А коль ты болтун да из рода худого, —
То прочь уезжай! Мне не надо такого!
Немало дорогою мо́лодцев едет,
Другого, глядишь, мое сердце приметит,
Пока не прошла обрученья минута,
Пока не завяла в косе моей рута!
И мне отвечает мой милый, пригожий:
«Любимая, вырос в семье я хорошей,
Настанет, настанет тот день долгожданный,
Когда на коне я приеду к желанной.
Мы к батюшке с матушкой явимся вместе,
Ты будешь моей нареченной невестой!
Хороших родителей честному сыну
Судьбой ты дана. Я тебя не покину!
Поверь нерушимому твердому слову
И сердцу открытому парня простого.
Ты только любовь нашу в тайне глубокой
Храни и молчи до заветного срока!»

<1861>

ВАЛЕРЬОНАС АЖУКАЛЬНИС-ЗАГУРСКИС

В. Ажукальнис, как полагают, происходил из дворянской семьи, проживавшей в северной части Литвы. В каком году он родился — точно не установлено. Известно, что два года будущий поэт учился дома. В молодости Ажукальнис служил писарем в Панделисе, затем в Вильнюсе в типографии и, наконец, у помещика Комара. Женившись, он впал в сильную нужду и некоторое время почти в нищете жил в Скапишкисе.

Оттуда Ажукальнис через некоторое время переехал в Каунас и здесь поступил на службу в дворянское представительство. Однако, ближе познакомившись с шляхтой и увидев, как дворяне обманывают и грабят народ, поэт оставляет службу и поселяется у помещиков Чаплицких.

Во время восстания 1863 года Ажукальнис был арестован. На него обрушились и другие несчастья — умер его старший и последний сын (двух других он схоронил раньше). Поэт погрузился в мрачный пессимизм и перестал писать.

Умер Ажукальнис в Каунасе в 1874 году, не успев издать сборник своих стихов «Письма литовские».

ЛЕТНЕЕ УТРО

Утро встало, звонко песня
Жаворонка льется,
Вдруг кукушка на опушке
Тихо отзовется.

Сходит с пашни снег вчерашний,
Тетерев токует,
Над озерной гладью ровной
Ветерок не дует.

Распахал хозяин поле,
Спешит — засевает,

Бороной потом пройдется —
Еле успевает.

Доминикас вновь при деле —
Косит луговину.
День погожий — сено сложим,
Отвезем к овину.

Все телочки по кусточкам —
Разбрелось всё стадо;
Знай на славу щиплют траву,
Пастухам нет сладу.

Нынче хмуры бродят куры,
Петухов боятся.
Две девчины без причины
В горнице бранятся.

Малы дети в целом свете
До проказ охочи.
Слопав кашу, скачут, пляшут,
Веселятся очень. . .

Утро встало — старый, малый
Молится, вздыхая:
«Боже белый, милость сделай,
Пошли урожая.

Урожаем избавляешь
От любой напасти!»
Утро встало, засияло —
Я запел от счастья.

ВМЕСТЕ С СОЛОВУШКОЙ

Тин-там, тин-там, соловейко;
Там-тин, там-тин твой орешник.
Там, где льется речка-змейка,
Спой одну из песен вешних.

Хорошо тебе здесь, — ветви
Слушателями пестрели:
Лучше всех на этом свете
Рассыпать умеешь трели.

Будь не видим никому ты.
Как разросся твой ольшаник!
Ты молчишь, ты ждешь минуты:
Скоро, скоро день настанет.

Скоро огненного круга
Мы увидим восхожденье.
Но не издавай ни звука, —
Молча встретим дня рожденье.

Солнце всходит; в чистом зное
Сохнут травы, блещет речка.
Кончив песню, ты другое
Поищи себе местечко.

Хоть послушать и охота
Соловьиные рулады —
В поле ждут волы, работа,
Пой один, идти мне надо. . .

Хорошо тебе на воле
Распевать и веселиться.
Мне ж до зорьки надо в поле
Пашенку пахать — трудиться.

Тин-там, тин-там, соловейко;
Там-тин, там-тин твой орешник.
Там, где льется речка-змейка,
Спой одну из песен вешних.

ОПИСАНИЕ НОЧИ, УТРА, ДНЯ И ВЕЧЕРА

Ночь тиха и прозрачна. Месяц, взошедши едва,
Серебром заливает землю. А в небесах синева.
Звезды горят, как свечи, и гаснут в синем просторе.

А месяц — словно король на высоком своем престоле.
Молчат на деревьях листья, лишь ручей течет не
смолкая.
Спит работа, и песня не слышится никакая.
Одно только легкое облако, словно ладья, величаво,
Явилось на синей тьме и словно боится сначала
Плыть неизвестно куда, без пути, без следа, одиноко...
На земле измученный люд давно уж уснул глубоко.
Работники улеглись и спят себе крепко, сладко.
Ночь для них пролетит как миг, неприметно кратко.
С краешка небосвод чуть посветлел на востоке.
Жаворонок над полем рассыпал голос высокий.
И тотчас же мужички вставать начинают поспешно.
Один запрягает волов, другой берет косу, конечно...
В поле звенит сто серпов и сто раздается песен.
Укрывается тихо за лес утомленный, поблекший месяц.
Вот он смотрит и видит солнце; глядит, усмехаясь
криво.
И стыдно, и страшно ему — то пунцов, то бледен
на диво.

Прощай, месяц! Другому престол освободи владыке.
Пришел он озолотить весь божий мир великий:
Вершины высоких гор, верхушки дальнего леса.
Погасли звезд огоньки, настал день жаркого лета.
Люди все в поле давно, и птицы щебечут снова.
Вон пашню пашет мужик, вон коней ведет из ночного,
А этот — треух набекрень, косу торчком ставит
И, схватив оселок, точит ее, правит.
Взмах — и тысяча цветов полегла под ноги.
Еще взмах, еще... А ну, прочь с дороги!
Благообразный старик идет, молитву читая.
Это своих батраков скликать явился хозяин.
Указывает урок. Сеял собственноручно.
Знает, где сено косить, где кустарник мешает — вон.
Знает, когда посеять, когда пропалывать лен,
Знает приметы к дождю и когда ждать вёдра нам надо.
Скотинка его хороша, самое лучшее стадо.
Сам он всё обойдет, присмотрит хозяйским глазом,
И на поле поспевает, и дома, и всюду — разом.
Зато и вдоволь всего. И хоть голова и сива,
А как первым пойдет косить размашисто да красиво —

Только держись, молодежь. И семьянин хороший,
По правде-чести живет, дай ему счастья, боже.

А солнышко уж на юг по небу поспешает.
Хозяин своих работников передохнуть приглашает.
Расходятся все по домам; работа брошена разная,
Грабли и косы лежат, пашня умолкла праздная.
Лошади да волы на паровом поле пасутся:
Передохнут часок и опять в работу впрягутся.
После обеда надо пошевеливаться поживее:
Колосья сжаты, лежат, словно их ветер развеял.
Вяжет народ снопы и ставит их ряд за рядом,
И вот на пашне они, словно войско перед парадом.
Солнце спешит за лес, своим путем уплывая.
А облачка в небесах, как перелетная стая
Уток, летят вразброс, за солнцем, широким кругом.
На поле, окончив труд, окликают люди друг друга,
Идут домой и поют:
«Весь наш труд среди равнин
Примешь ты, господь, один».

АНТАНАС БАРАНАУСКАС

Антанас Баранаускас — выдающийся поэт литовской литературы середины XIX века. Родился он в 1835 году в Аникшчяй, в крестьянской семье. В детстве он отличался живым характером и большими способностями — любил народные песни и сам их сочинял. Получив начальное образование, Баранаускас в 1851 году поступил в школу писарей. Окончив ее, он год прослужил в Каунасе, а затем в Жемайтии, где познакомился с Каролиной Праняускайте, дочерью помещика, тоже занимавшейся литературой. Молодые люди подружились, но родственники девушки, желая их разлучить, позаботились о том, чтобы Баранаускас с купленным удостоверением об окончании четырех классов гимназии поступил в варняйскую духовную семинарию.

Несмотря на неблагоприятную для творчества обстановку в семинарии, Баранаускас продолжал писать. Так, в Варняй он написал стихотворение «В память древней Литвы». Здесь же он задумал и самое главное свое произведение — «Аникшчяйский бор», которое писал во время летних каникул 1858 и 1859 годов.

Через два года Баранаускас поступил в Петербургскую духовную академию. Свой путь из Литвы в Петербург он описывал в четырнадцати стихотворениях, объединенных им в своеобразную поэму — «Путешествие в Петербург». В Петербурге же Баранаускас написал стихотворный диалог «Разговор певца с Литвой». Позже он всецело отдается занятиям в академии. В 1862 году, получив степень магистра теологических наук, он уехал за границу для подготовки к званию доктора. Восстание 1863 года застало Баранаускаса в Мюнхене. В ответ на это событие он написал стихотворение «Сердечные переживания», отражающее его сочувствие повстанческому движению.

За границей Баранаускас начинает с жаром изучать литовский язык. Возвратившись оттуда, он некоторое время занимал должность профессора Петербургской духовной академии, затем каунасской духовной семинарии. В эти годы он описывает диалекты литовского языка, завязывает отношения с видными филологами того времени, начинает интересоваться математикой, делает даже неко-

торые открытия в этой области. Однако профессор теологии, а позднее и епископ-викарий в Жемайтии, Баранаускас все больше склонялся на сторону реакции.

Под старость поэт написал около тридцати религиозных песен. В 1902 году он умер в Сейнай.

ВОСХОД СОЛНЦА

Яркое солнышко вот уже встало, играя.
Мирные пашни, что мгла обнимала ночная,
Так же блестят, как прозрачная синь небосвода...
Майское утро! Тиха и прохладна погода.
Быстрые реки текут по лугам без помехи,
Рожь зеленеет; в лесах раскрываются почки,
Склеены каплей росы серебристой листочки,
Ласточки и воробьи покидают застрехи.
Жаворонок поднялся высоко в поднебесье,
Солнца восход он, ликуя, приветствует песней,
В березняке — соловьиные звонкие трели,
За сердце сладко хватая, уже зазвенели.
Тихо плывет по Швентойи утиная стайка,
На поле бьются быки с угрожающим ревом,
Волк толстогубый сидит в перелеске сосновом,
И по кочкарнику бегает-прыгает зайка.
Горы отбросили длинную тень пред собою,
В блеске сияют вершины... А вот и Швентойи,
Гонят евреи плоты, рыба плещется громко,
Кости бедняк крепостной собирает в котомку.
Слух мой пленен. Красотой восхищен я такою!
Мир созерцаю широкий и радостно чтущий
Промысел божий, в величьи своем всемогущий.
Сердце полно у меня тишины и покоя.

Что за спокойствие душу мою осенило!
Сладость высокую нынче душа ощутила,
Выразить трудно — почти невозможно — словами,
Это величие — неописуемо нами.

Только вздохнул я — и дрогнуло сердце в волненьи,
Силу почувствовал я всемогущего бога,
Нам, недостойным, подавшего милости много, —
Слезы из глаз покатились моих в умиленьи.

1854 или 1855

В ПАМЯТЬ ДРЕВНЕЙ ЛИТВЫ

О злых невзгодах я запеваю
Страны литовской, родной земли.
Не так, как пишут, я песнь слагаю,
А так, как деды ее вели.

Гора на гору громадой встала,
И горы-горки стоят подряд;
Литва извечно здесь обитала,
Об этом деды нам говорят.

Здесь каждодневно Литва ловила
Медведей в пущах — с давнишних пор;
Где поселенье литовцев было,
Скрипел-качался сосновый бор.

А холм песчаный и укрепленный
Хранили сенью святой дубы,
Божкам литовец здесь клал поклоны,
Им слал жемайтис свои мольбы.

Наш край задвинский лежал просторно;
Земля Смоленска была смежна;
Балтийским морем и морем Черным
Была граница обведена.

И киевляне Литву знавали,
Татары, пруссы. Плыла молва. . .
И латыши ей венки сплетали.
Так всеми чтилась тогда Литва.

Владений было у ней немало,
А кто богатства ее сочтет?
В то время рабства она не знала,
И был счастливым ее народ.

Одни там жили как властелины,
Народ избрал их — князей, вождей;
Не прекословил им ни единый
Из маломощных простых людей.

Всё изменилось — толкуют деды,
Иной на смену явился век.
Князья плодились, а с ними беды,
Рабом свободный стал человек.

В слезах омытый, мир угнетенный,
Казалось, гибель уже встречал.
Но он крестился и, просвещенный,
Познал терпенье, любовь познал.

На месте капищ — пыль запустенья,
Дубов священных пришел черед;
Несли монахи свет просвещенья,
И охраняли они господ.

В реке Швентойи народ крестили,
А после — чистым с главы до пят —
Мужам — рубашки они дарили,
А женам — белый крещальный плат.

Жесток был барин, жестока участь
Мужчин и женщин — простых людей.
И только вера в свой жребий лучший
Вела их долгой дорогой дней.

Толкуют деды, что от раздоров
Литвы великой шатнулась власть.
Не стало ладу от княжьих споров,
В сраженьях многим досталось пасть.

Леса валились, деревья гнили,
На голых нивах был недород.

Лугов зеленых уж не косили.
Всё тяжелей был за годом год.

Всё чаще злые летели вести,
Что за ударом опять удар.
Но ждут от бога — конца поместьям,
Уничтоженья жестоких бар.

И ночь уходит, и зори снова,
И жизнь светлеет простых людей.
Но скажет правду какое слово,
Каких искать им себе вождей?

Что нам потребно — то в божьей длани,
Мы безнадежность отгоним прочь.
Когда же в тягость себе мы станем,
Господь нам будет готов помочь.

1857

АНИКШЧЯЙСКИЙ БОР

Вы, склоны голые холмов, покрытых пнями,
Красой блиставшие былыми временами,

Куда же унесло великолепье ваше,
Где ветра шум лесной, какого нету краше;

Когда вдруг листья все в том чернолесьи пели,
А сосны старые трещали и скрипели;

Где ваши птицы, пташки и пичужки,
Чей щебет слушали здесь на любой опушке;

Где ваши звери, где лесные их дороги,
Где все их логова, и норы, и берлоги?

Исчезло это всё — стоят в просторах голых
Лишь сосен несколько, кривых и невеселых.

И солнце зло печет, вокруг пустырь покатый,
Сухими ветками и шишками богатый.

С тревогой на пустырь глядишь, ища сравненья,
Он с пепелищем схож — ты скажешь, без сомненья.

Как будто бы пустырь возник на том же месте,
Где город некогда погиб от вражьей мести.

Бывало, в лес идешь — глаза прикрой, такая
Отрада в душу льет, до сердца проникая.

Невольно думаешь, тот аромат вдыхая:
«В лесу ли я стою иль в небе, в кущах рая?»

Куда ни кинешь взгляд — зеленая завеса,
Понюхай — сразу нос щекочет ласка леса.

Где ни прислушайся — веселый шум услышишь,
Ты чувствуешь покой — весельем леса дышишь.

Постели мягких мхов разостланы в покое,
Они влекут, ступи — трепещут под ногою.

Вокруг полно кустов, как рута изумрудных,
Там — алых ягод блеск, и черных ягод — чудных.

В усадебках своих грибы, как в царстве сонном,
На фоне розовом, белесом иль зеленом.

Лисичек леечки сквозь трещину желтеют,
Над мшистой простыней стыдливо щеки греют.

Грибов-подлипков здесь тарелки на опушке,
И кочками в траве, надувшись, спят свинушки.

Под елью — рыжики, семья в семью врастая,
Сморчков же — в сосняке из мерзлых комьев — стая.

А серых, голубых и сыроежек красных —
Как много здесь растет, веселых и прекрасных!

Маслёнок медный цвет в кустах у стежки светел,
Как кубки кверху дном, — Мицкевич их отметил.

Ольховики — в ольхах, опёнки — в пнях черненых;
Между сухих стволов, меж щепок — шампиньоны.

Вот мухомор рябой и слизкий груздь, средь многих
Поганок и грибов без имени, убогих.

Их люди не берут, и зверь их грызть не будет,
Их разве скот в лесу потопчет и забудет.

Размякнут и сгниют, и сок их растечется,
Тот плодородный сок в зеленый круг сольется.

Всех выше боровик — и песенки словами
Его мы назовем: «Полковник над грибами».

Спесивый, толстый, он встает широкогрудый,
Могучий, над собой с поливой поднял блюдо.

И быстро в рост идут породы те грибные,
Здесь красный, белый гриб, а там грибы иные.

Зеленый можжевел — кусты его как грядки,
И зайцы в нем лежат, гнездятся куропатки.

Кусты, как с бородой, с травой, на них висящей,
И светится насквозь от частых просек чаща.

Жилье себе ольха по краю выбирает,
Орешник, ветвь тряся, орехами играет.

Их солнце вырастит. А ветлы над долиной,
Над серебром ключей укрыты тенью длинной.

С крушины каплет кровь. Смородина вдоль Шлаве
Краснеет на кустах, в болот седой оправе.

Куда ни посмотри: лес белый встал горами.
Пашлавис окружен им, словно камышами.

Осины здесь дрожат Жальтичи вечным страхом,
Всю жизнь дрожат они, пока не станут прахом.

Берез, дубов стена вкруг елки так сурова,
Жальтене словно здесь скорбит о муже снова.

Где алая всплыла, взамен молочной, пена,
Жальтене, образ свой переменив мгновенно,

В отчаяньи сама тут обернулась елью,
Плащи густой листвы детей ее одели.

Вот ива, верба вот, и яблони, и груша,
Черемуха стоит, — шум их листвы послушай.

И шум деревьев тех ты выслушай в молчаньи:
В обиде на сестру то седулы стенанья.

Средь вязов, и крушин, и лип — несчетный с нами
Других деревьев стан — с другими именами.

Но знают их лишь те, что лесом верховодят,
Врачи и знахари, что в дебрях леса бродят

И листьями, корой болезни исцеляют,
Иль жестким корешком все чары изгоняют.

Смотреть людишкам, нам, приятно, я не скрою,
Как провиденье их зеленой кровлей кроет.

Когда сережки ив всё звонче, звонче млеют,
От творога цветов все яблони белеют.

И летних яблонь шелк зеленый, с краю бора,
Когда лес желт и ал — листвы осенней ворох.

И склон Марчуписа, как кровью, залит ими,
И ждут весны стволы, став темными, нагими.

А сосенки мои — те сосенки — несметны,
Стройны и высоки, их кроны яркоцветны.

И летом и зимой их зелены вершины,
Ствол задевает ствол, качаясь, как тростины.

На полверсты вперед не видно в чаще мглистой,
Ни бурелома нет, ни хвороста — всё чисто.

И ветви не сплелись, не закрывают дали,
А сосны ровные — как будто сучья сняли.

А запах! — то смолы повеет колыханьем,
То ветер нам пахнет неведомым дыханьем.

То клевер луговой ты чуешь красный, белый,
Ромашки, чебреца, несмятых трав несмелых.

Особо пахнут мох, листва и хвоя, шишки,
И муравейник шлет свой запах с черной вышки.

Всё разный аромат, и, чтоб сказать вернее,
Он каждый раз иной — то крепче, то нежнее.

То мох с брусникою приплыли, вот уж рядом,
То дерево цветет — в бору запахло садом.

То дышит бор, как зверь с дождем омытой шкурой,
Шлет запахи полям со щедростью нехмурой.

В ответ с полей, с лугов — в сосновых рощ полянах
Тот запах нив и трав ты чувствуешь, как пьяный.

И ароматы все перемешались в чудо.
Вдыхаешь сладость их, не зная, что откуда.

Поля, и лес, и луг здесь сговорились дружно,
Чтоб сделать эту смесь из лучших смол жемчужных.

Кадят тут небесам — весь лес звучит иначе,
Как будто скрипка здесь поет, смеется, плачет.

Все встали голоса в единый круг, вплотную,
Их врозь не отличишь, а сердце все волнуют.

Ах, чудно лес гудит, не только пахнет, звонок
Он в шумах, в шелестах, он весел, легок, тонок.

И полночь так тиха, что слышно, как трепещет,
Листок или цветок, что, вдруг раскрывшись, блещет.

И в шепоте ветвей — язык священный леса:
Вот падает роса, вот звезд дрожит завеса.

И в сердце тоже тишь, в покой оно уходит,
В прозрачной тишине душа под звезды всходит.

Когда ж сквозь тонкий мрак лучи зари проникнут,
И, полные росы, трав головы поникнут,

Бор пробуждается, сменяя тишь движеньем,
Священной речью дня, начавшей пробужденье.

Что это шелестит? Листка коснулся ветер,
Иль птица, что в гнезде, проснулась на рассвете.

Что хрустнуло? — То волк, охотясь и кочуя
Всю ночь, теперь бежит, зари погоню чуя,

А то лиса в нору с гусенком мертвым мчится,
А то барсук бежит к болотцу, чтоб укрыться.

То резвой серны бьют по сосняку копытца,
С сосны и на сосну махает белка птицей.

Да это — знать лесов: и соболь, и куница,
И всякие зверьки, каким в лесу кружиться.

Кто это там стучит? — То дятел с клювом тонким.
Что блеет там? — Бекас, что с голосом козленка.

Чей это злобный шип? — Гадюки шип зловещий,
Зеленою волной Швентойи в берег плещет.

Чей гогот у реки? — То гуси там гогочут,
То аист, знать, крича, в гнезде своем хлопочет.

Да это утки: при! при! при! пристали у трясины,
Да это сам удод кричит жене и сыну:

«Чего, чего, чего нести вам? Вздор несете!
Чего, чего, чего: мух, червяков вы ждете?»

А то кукушка, знать, продрав глаза, трясется,
Кукуя, плачет вдруг, кукуя, вдруг смеется.

И дразнит иволга тут Еву, как подругу:
«Ты, Ева, Ева, Ева, — не паси по лугу!»

А ри-у! ри-у! ри-у! — крик кулика сначала,
А вслед весь птичий хор, как будто их прорвало.

Тут снова голоса, — те были лишь предтечи,
Птиц многих голоса и разные их речи.

Тут сойки и чижи, сороки и синицы,
Тут пеночки, дрозды, — свой тон у каждой птицы.

И смех, и стон стоит, и просто чушь, не песня,
Но голос соловья всех выше, всех чудесней.

Он нежен и глубок, он тихий и звенящий,
Он по кустам звучит, и день звучит иначе.

Все эти голоса — Литвы родные дайны —
В единый хор слились, храня лесные тайны.

Как будто каждый лист защебетал, запел он,
Так сутартине хор лесной завел умело.

Тут звонких звонов звень лес в звон единый сложит,
Но всех певцов узнать тончайший слух не сможет.

Как будто бы цветы, что на лугу сплетались,
Всё так пестро кругом, всё так пестро — на зависть.

Ах, было, было то — из нашего, из бора
Такая благодать, такой покой простора.

И этот весь покой в литовских душах льется,
Как ветерок равнин по травам пышным вьется.

Литовец знал его, душой ему внимая,
И плачет он в лесу — себя не понимая,

А только чувствуя, что сердцу уж не больно,
Что хоть оно грустит, но всё ж грустит невольно.

Что всё полно росы туманной жемчугами,
И слезы, как роса, текут неслышно сами.

И долго он в груди дыханье бора слышит,
И каждый вздох его как будто бор колышет.

И в душу так покой проник, как леса милость,
Что даже и душа, как колос, наклонилась.

В волнении таком, во вздохе, в светлом плаче
Рождаются псалмы, всё чувствуешь иначе.

Теперь исчезло всё... И лишь на голом поле
Кривые сосенки остались поневоле.

На черной просеке и на холмах в тумане
Зеленые в душе встают воспоминанья.

И кажется, что пни воскресли, зеленеют,
Над кронами дерев сплетенных ветры веют.

И пустошь голая, спаленная пожаром,
Вновь зеленеет мхом и земляничным жаром.

А из колод гнилых такой я запах слышу,
Как будто лес воскрес и весь навстречу вышел.

И чаща вся хрустит, поет, защебетала,
Как будто вновь заря над чащей пролетала.

Как будто в пустоте безмерного пространства
Всех сердцу милых мест открылось мне убранство.

И всё, что получил от тех глубин зеленых,
Со мною снова всё — в покое возвращенном.

В покое том, когда, все черные, все злые,
Вот эти пустыри входили в дни лесные.

Когда сухих стволов сажени вековые,
По дедовским словам, торчали как живые.

И ты, судя по ним, в лесной могучей дрёме
Вершины видел их, как свод в зеленом доме.

Медведей толпы шли и кабаны сипели,
И зубры меж болот мохнатые темнели.

Где ж бора красота, священная, резная,
Кто вырубил леса? — Никто уже не знает.

Ягелло, может быть, их вырубил при жизни,
Чтоб отучить Литву служить богам в отчизне.

Потом на прахе их, над старым сухостоем,
Осины лишь в веках дрожащим встали строем.

Потом опять, густы, желтея словно свечи,
Вновь поднялись стволы, шумя зеленой речью.

Ведь помнят старики на тех местах песчаных
Дубовых рощ красу — послед лесов венчанных.

Стройнее тростников, зеленые как рута,
Их ветви и стволы вздымались к небу круто.

Дубы святые те — нет ветви обнаженной.
Осенний красный лист жил до листвы зеленой.

Прекрасно пламя то, как младость золотое,
Потом лишь просека торчала с сухостоем.

От Пунтукаса шло дубов до Шлаве много,
Святыми люди их считали, чтили строго.

В единстве жили все, богов лишь опасались,
И памятных замет в лесах следы остались:

Величиной с избу нес камень черт однажды,
Костёл в Аникшчяй он разбить тем камнем жаждал

Иль реку запрудить, — но только с лету глянул
На те дубы — петух свою вдруг песню грянул.

Черт камень из когтей тут выпустил со страху,
В песок его вогнал и сосны снес с размаху.

От многих жертв богам стал этот камень бурым, —
Литовцев пусть хранят, дают им кров и шкуры.

Хотя от разных бед вокруг всё пострадало,
На Пунтукасе пней гниет еще немало.

Еще есть дуба два, в кресте дорог, — заглохли,
Вершины зелены, хоть ветви уж посохли.

Еще их люди чтут, телегой не ударят,
Больные счастья ждут — кору дубов тех варят.

По тем долинам шла и липовая роща,
Где чистая совсем, где скрыта гаем тощим.

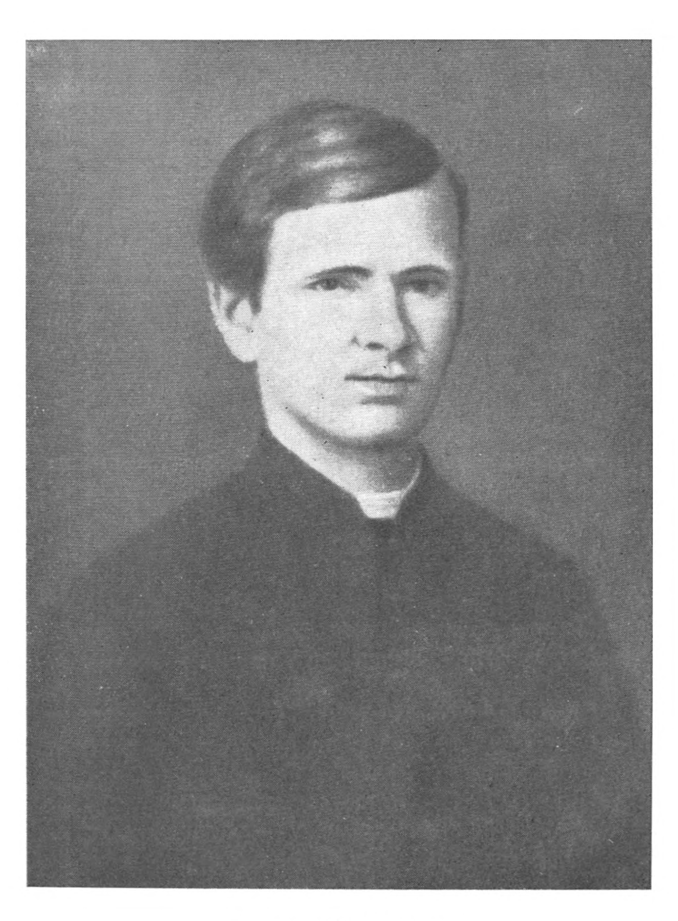
Белела лето всё в цветах желто-молочных,
Гудела роем пчел, пропахла медом сочным.

Приятна людям всем своей красой манящей,
И щедростью для всех — литовец настоящий.

Давала пчелам дом и мед им создавала,
Болезни земляков все с потом выгоняла.

Мезгой леча порез, нарывов жар тушила,
На бочки, на лари свои стволы крушила.

Бересту для лаптей охотно нам давала,
Чтоб веточки — и той чтоб зря не пропадало.

Антанас Баранаускас

Антанас Венажиндис

Заборы ставили, плели корзинки, проще —
С корней и до вершин всё было годно в роще.

Где рощи бука? Где охрана их, порука,
Случайно встретишь ты тарелки лишь из бука.

Деревья знали мы и хвойные, с цветами,
И лиственные, но без цвета над ветвями.

Не знаю их имен, свое давали имя
Деревьям ведуны, растили их своими.

Землей литовской лес такой тянулся мощи,
Что тень его легла на все поля и рощи.

Сплетя вершины все в лесном единстве жизни,
Литовские сердца так сплетены в отчизне.

Литовцы с лесом тем в согласьи добром жили,
Знакомясь смолоду, до старости дружили.

Литовец хворост лишь бросал в огонь веселый,
Не доски шли на дверь, дверь плел из веток голых.

Ни одного ствола литовцы не рубили,
Сухие сучья взяв, в пещеры приносили.

Литовца лес всегда любил, как любят брата,
Давал ему покой, любил его стократы.

Зверей и птиц давал, плодами оделяя,
И падал на врагов, литовцам помогая.

В суровый день скрывал от страхов в тьме лесной он,
В печальный день давал душе его покой он.

В веселый день — красот всех открывал он тайны,
В любое время всем — блага, что не случайны.

Дни голода пришли и наземь люд валили,
Мох запекали в хлеб, кору в котлах варили.

Поверье говорит: кору дерев не трогай,
Коль тронешь, то погиб, — и так погибло много.

Лес сжалился тогда, расплакался росою,
Вершины обмакнул он в тучу той порою.

«И голоду, — вскричал, — ведь нужно дать отпор нам,
Священна та рука, что сделала топор нам!»

И первые стволы в слезах они рубили,
Со стоном в битву все за свой народ вступили.

А внуки те леса, вздыхая, расточили,
В местечко правнуки возами лес возили.

По сорока возов продав, за всю громаду,
Муштинис в день добыв, добыче были рады.

От рубки и продаж деревья дешевели,
Так порубили лес, так чащи опустели.

А деньги бедняков в «горелке» утонули,
Как слуги шинкарей, всё пропили в разгуле.

Так, не найдя лесов, взгрустнули наши предки,
Как братья, меж собой держали речь нередко.

И нивы уступить опять лесам хотели,
Тоскуя по лесам, не раз в слезах сидели.

Смотря на пни, скорбя литовскою душою,
Что лесом вскормлена, его душой большою.

Что та душа теперь в безлесьи, в зное пыльном,
От зноя высохла, в нужде горя бессильной.

Литовец, хоть сейчас в пустых местах родится,
Услышав песнь про лес, волнуется, как птица.

Любили деды лес, о нем все песни пели,
Отцы еще певать те песни нам умели.

Тоскуя по лесу, хоть рощицу сажали,
Обхаживали днем, ночами охраняли.

Стройнее тростника, красу тех сосен стройных,
Взрастили сердцем всем, чтоб детям жить спокойно.

Как высшее добро, как клад оберегали,
Не трогали сучка и хворост не ломали.

Так рад был Аникшчяй, на бор сосновый глядя,
А покупать дрова — к соседям путь наладит.

Лесничий прибыл в бор, держась ученых правил,
Рвы вдоль дорог провел и лесников поставил.

Скот запретил пасти, грибы искать — запреты!
А сам тайком рубил и продавал без сметы.

А тем, кто бор жалел, крича: «Мы правды ищем!»
Он затыкал тем рты кровавым кулачищем.

И каждый год село пни, плача, корчевало —
На засеке своей он вырубил немало.

И голые холмы остались, крыты пнями,
Воспетые в стихах, омытые слезами.

Не кончены стихи, а в сердце боль глухая,
И тяжко на душе — тоска не потухает.

Знать, сила та, что лес изгрызла, истоптала,
Упав на сердце мне, и песню мне сломала.

1858—1859

СЕРДЕЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Что болит мое сердечко
В скуке затаенной,
Как взгляну на эту речку
И на сад зеленый.

Или в речке этой плещут
Горькие рыданья,
Или этот сад трепещет,
Пережив страданья?

Нет рыданий в этом плеске, —
Речка слез не знает,
А в садочке ветер резкий
С шумом пролетает.

За горами за крутыми,
В стороне восхода,
Слезно струями святыми
Льются наши воды.

И без ветра лес зеленый
Там шумит и гнется, —
Непрестанно сердце стонет,
Горю предается.

Не росою, не дождями
Землю увлажнило,
Люди кормятся слезами, —
Горе истомило.

Болью сердце там питают,
Мощь его — стенанье,
И роса там выпадает,
Как слеза страданья.

Ох! В сторонке чужедальней
Сердцу всё больнее.
Песне слезной и печальной
Не звучать над нею.

Если б здесь всегда звучала
Песнь страны родимой,
Может быть, чужбина стала б
Стороной любимой.

1863

ВОСПОМИНАНЬЯ ЮНЫХ ДНЕЙ

Детские воспоминанья!
Какие были страданья!
Конские волосы — хвать! —
Радости не унять.
Мчишься домой с улыбкой,
Торопишься во всю прыть
Леску вить:
Будем мы с вкусной рыбкой!

Выгнал волов я, мальчонка,
Все обошел речонки, —
Рыбы как не бывало!
Чтоб она вся пропала!
Вот и кричу во весь голос:
Всех сейчас соберем!
Мы в Валаукис пойдем...
Йозапас, вот — конский волос!

Срежь себе прут ольховый!
С леской хорошей, новой
Сядь ловить наконец!
Видишь — с краю голец,
Пусто твое ведерко...
Он идет на крючок,
Тяни, дружок!
Вот и поймали четверку!
Йозапас! Эй! Домой бы надо!
Нас отстегают по голому заду
За то, что в двенадцать мы не пришли,
За то, что пропали, доро́г не нашли.
В этом болоте проклятом
Вымокли до рубашки.
Ну и достанется ляжкам...
Голову вверх, ре́бята!

А дома-то ждут нас бе́ды.
Приходим прямо к обеду:
«Просим у вас прощенья,
Мы принесли угощенье!
Почистите, — пригодится!»

На рыбу и не глядят.
Ремень в руке зажат.
Велят на скамью ложиться.

Так мы горячую баню терпели,
И ничего! Лишь здоровели!
. . . .
. . . .
К речке пошли мы тропкой,
Чтобы помыться там.
Крались домой по кустам.
Больше не было трепки!

Как коза в лозняк,
Так мы в сосняк!
Как увидит она лозину —
Затрясет бородою длинной
Да захрустит стеблями. . .
Мы же лесной народ, —
Реку — вброд,
Йозапас! За грибами!
Этой сторонкой иди без спешки,
Видишь, растут сыроежки,
Вот свинушка за елкой
        Колкой,
Вот боровик. . . Вот в бору сосновом
Логово зайца, да пусто в нем. . .
Дальше идем!
Жалко, что нет косого!

Когда б мы его словили,
Домой притащили,
Нас бы тогда похвалили,
Юшку бы нам сварили.
Юшкой с перцем, имбирной,
Мы б наелись на славу,
Вкусная юшка — по нраву,
Заяц-то нынче жирный!

Йозапас! Солнце садится. . .
Что с нами дома случится!
Вот, уже, брат, стемнело,

Плохо, брат, наше дело,
Что теперь будет с нами?
Ремень-хлест
Бьет до слез. . .
Эх, отвечать боками!

Так мы тогда напугались,
Что совсем заплутались.
Бледные лица,
Кровь не струится.
Вот мы тогда раскисли,
Сердце не бьется,
А зад трясется,
К тому же уши повисли.

Домой прибежали, вошли несмело.
Словно березы без листьев — белы.
Опять обоим попало.
Отсюда, как видно, начало
Пословицы нашей:
«В Валаукис ходить за гольцами,
В темный бор убегать за грибами —
Так отведать березовой каши».

АНТАНАС ВЕНАЖИНДИС

Антанас Венажиндис родился в 1841 году в поместье Анаполис (вблизи Дусетос) в семье свободных крестьян. Учился он в паневежской гимназии, по окончании пяти классов которой поступил в варняйскую духовную семинарию.

Венажиндис был человеком живым и веселым, ему не нравились теологические науки, окружение и дух семинарии. Возможно, он бросил бы семинарию, если бы во время восстания 1863 года не была сослана Роже Стаускайте — возлюбленная поэта. Репрессии царского правительства после подавления восстания, разлука с любимой потрясли Венажиндиса, породив в нем горестные чувства, которые позже отразились в его песнях. В 1864 году он стал ксёндзом. Умер поэт в Лайжуве в 1892 году.

Венажиндис неплохо знал польскую, украинскую и русскую поэзию. Он любил простой народ и свои песни писал для него. Написав песню, Венажиндис тут же подбирал к ней мелодию, а затем, аккомпанируя на гармонике, учил своих знакомых исполнять ее. Песни поэта кочевали от деревни к деревне — по всей Литве. Появилось множество их вариантов.

Сколько песен сложил Венажиндис, никто не знает. Сохранилось несколько десятков его песен, но было их значительно больше. К сожалению, после смерти поэта рукописи его были сожжены братом. Первый сборник стихотворений Венажиндиса был издан в 1894 году.

* * *

Ой вы песенки-песни, утеха моя!
Вам доверил сердечные горести я.
Я тогда только счастлив, если песню найду,
И несчастьям своим счет слезами веду.

Если песня без стона — запеть не могу я,
Одинокой кукушкой от горя кукую,

Повелители мира мне сердце пронзили,
Заковали меня и в тюрьму заточили.

Как тверда эта корочка ржавого хлеба!
Я в разлуке вовек с одиночеством не был!
А родителей вечный приют — небеса,
И замолкли ушедших друзей голоса.

Далеко мои братья рассеяны всюду,
Позабыли одни, и другие забудут.
Далека, далека ты, лебедка моя!
Почему не летишь ты в родные края?

Или крылышек белых становится жаль?
Посети же мой дом, где тоска и печаль!
Ранним утром, и днем, и порою ночной
Одиночество — друг неизменный — со мной.

* * *

Где слез ручеек звенящий
Мне путь пересек тернистый,
Нашел там, в зеленой чаще,
Цветок я, как небо, чистый.

Какой чудотворной силой
Сюда занесен он тайно?
Не ангел ли белокрылый
Его обронил случайно? . .

Младенцев блюдя безгрешных,
Услышал он зов и, с бренной
Землей разлучась поспешно,
Пред богом предстал смиренно.

Цветок же осиротелый,
Что ангел в глуши покинул,
Заслышав шаги, несмело
Бутоном листву раздвинул.

Как солнечный луч, расцвел он,
Струя аромат свой райский,
И, чист и доверья полон,
Как будто шепнул мне с лаской:

«Пока я цвету несмятый,
Мою чистоту жалея,
С земли подними меня ты
И к сердцу прижми скорее!»

Нагнувшись, я в ту ж минуту
Увидел — свершилось чудо:
Я был на земле и будто
На небо попал оттуда!..

И вспыхнуло солнце счастья,
И душу мне озарило,
И радость, гоня ненастье,
Кипучим ключом забила.

И ангелы безмятежно
Веселой чредой кружились,
Смотря, как на сердце нежно
Ко мне лепестки ложились.

Но землю смешал тут с твердью
Могучий поток несчастий,
И был я с небес низвергнут
На землю господней властью.

И снова один, стеная,
По темной брожу долине.
Дни радости вспоминая,
Я плачу в тоске поныне!..

А где мой цветочек? Так ли
Цветет он, как цвел однажды?
Нашлась ли росы хоть капля,
Чтоб он не иссох от жажды?

Но знаю: он жить не может
    В той горней стране нездешней, —
Ведь он не по воле божьей
    К земле прикоснулся грешной.

* * *

Прощай, прощай, цветочек милый,
    Что дорог сердцу моему! ..
Я вижу — небо мне судило
    Страдать на свете одному.

Час пробил. Сердце замирает,
    Дрожит, как листик на ветру.
Мне страшно, — бог один лишь знает,
    Как буду жить и где умру! ..

Ветвь без росы не приживется,
    Не всюду и трава цветет,
Ствол, что подрублен, не срастется, —
    Так ка́к же сердце заживет?

Заря не прояснит мне душу,
    Не успокоит ветерок,
И солнце слез мне не осушит,
    И ночь не усыпит в свой срок.

Обильной горькою росою
    Один я стану слезы лить,
И боль, рожденную тоскою,
    Мне не с кем будет разделить.

Лишь у плакучей ивы в пору
    Участье, может, мне найти
Или у птички, у которой
    К гнезду родному нет пути...

И тучи бед — чредою мглистой —
    Мне будут слезы приносить,
Но и дождю страданий чистой
    Любви моей не загасить.

Всю жизнь тебя я помнить буду,
Любя, тоскуя и скорбя;
Летя на крыльях мысли, всюду
Я сердцем отыщу тебя.

Душа до смертного порога
Не бросит здешние края.
Пусть я умру, но будет богу
Угодною любовь моя.

* * *

Где та тропка, что, петляя,
К дому приводила?
Где сестричка дорогая,
Что меня любила?

Где когда-то шла дорога,
Огород вскопали.
Слез проглочено тут много —
Милую изгнали! . .

В домик я толкнусь знакомый,
Где бывал когда-то, —
Может быть, застану дома
Не ее — так брата?

Иль в живых застать старушку
Выпадет удача,
И она мне про дочушку
Всё расскажет, плача?

И лесочком, через поле
Поспешил туда я,
От тупой сердечной боли
Слезы проливая...

Что ж я вижу? Вдруг кольнуло
Сердце мне, как шилом:
Бродит бородач сутулый
На том месте милом.

Братья все в изгнанье, ясно!
Ведь таким нет счета!
И от матушки несчастной
На замке ворота...

Где же, мать, твоя дочушка?
Где она тоскует?
Не в Самаре ли кукушкой,
Бедная, кукует?

Боже мой! Хватило б мочи
Птицей мне промчаться, —
Я летел бы дни и ночи
С милой повстречаться!

* * *

Ой ты сокол мой, соколик,
Мчишься ты по свету.
Ой, путям твоим на воле
Конца-краю нету...

По лугам, полям, за горы
Полети ты, птица,
Где усеяли просторы
Кресты да каплицы.

Там, среди озер пустынных,
Там, в чащобах диких,
Прозябают в избах дымных
Наши горемыки.

Век там матушки родные
И отцы ютятся,
Там сестрицы дорогие,
Любимые братцы.

Ты, минутки зря не тратя,
Мать с отцом приветствуй,
После них — сестер и братьев,
После — всё соседство.

И скорее, со слезами,
Правду им поведай
Про всё то, что стало с нами,
Про все наши беды.

Расскажи, соколик-пташка,
Ты им о чужбине,
Как невесело, как тяжко
Здесь живется ныне.

Здесь как годы — дни и ночи, —
Гонит нас со злобой,
Давит так, что нет уж мочи,
Деспот твердолобый.

Сторона чужая то же,
Что в лесу просéка:
Только пень найти тут сможешь
Вместо человека.

И никто здесь не утешит,
В гости не покличет,
Всякий на тебя набрешет,
Всякий пальцем тычет.

Ах, сестрицы, ах вы братцы,
Ведь у вас иное —
Не пришлось вам разлучаться
С матерью родною!

Всех равно она вас любит,
Плох — ей всё едино:
Мать обнимет, приголубит
И блудного сына.

И слезами мать смывает
След дорожной грязи,
И колечко надевает
В знак навечной связи.

Ой, Литва, ты — мать родная,
Данная судьбою!

Хоть живем в далеком крае, —
    Сердцем мы с тобою!

В снах ночных, в дневных заботах
    Думы о тебе лишь.
Ты ль не вспомнишь о сиротах?
    Мук их не разделишь?

Пусть с мякиной хлеб твой житный,
    Но любим он нами
Больше, чем самарский ситный,
    Соленный слезами.

Легкокрылых твоих пташек
    Песни веселее.
У тебя цветочки краше,
    Солнышко светлее.

С ветерком с лугов и пашен
    Дух струится дивный...
Смертный час — и тот не страшен
    На руках родимой...

Только нет! Познать не сможем
    Счастья мы в отчизне,
Нас, сирот, обрек ты, боже,
    Горе мыкать в жизни!..

Пить нам желчь судьба судила
    В стороне суровой
И в изгнаньи до могилы
    Волочить оковы!..

* * *

«Зря ты, матушка, достала
    Галёнелис! Кто в тоске —
Уж скорей тому пристало
    В черном быть платке.

Жалко мне себя до боли, —
Ну к лицу ль мне яркий цвет? ..
Что в красе мне? До нее ли,
Если друга нет! ..»

— «Цветик милый, не грусти ты,
Галёнелис свой надень
Да за рутой присмотри ты
В этот ясный день!»

— «До цветов ли сердцу? „Где-то
Милый мой?” — стучит оно.
Думы разбрелись по свету,
Слез полным-полно. . .».

— «Не тужи, не плачь, родная,
Сердце, дочка, успокой!
Та земля ему чужая,
Он душой — с тобой».

— «Может, любит он другую
И не слышит сердца стон? ..
Лишь тогда покой найду я,
Коль вернется он».

— «Если богу то угодно,
Он вернется в край родной.
Мне ж придется, как безродной,
Жить тогда одной».

* * *

Любишь, девушка, меня ты?
Я твержу про это
Уж, наверно, раз десятый,
А всё нет ответа.

Ты не мучь меня! Пойми же —
Сникнешь поневоле:

Столько дней тебя не вижу!
Погибать мне, что ли?

Ой, но что быть может лучше
В жизни нелюдимой
Дня, когда счастливый случай
Вдруг сведет с любимой!

Нет! Ничто, ничто на свете
Мне б не заменило
Счастья взять за ручку, встретив,
И спросить у милой:

«Ты скучна ли, весела ли,
Светлый ангелочек?
Ты больною не была ли,
Вешний мой цветочек?»

Как мне пусто вечерами
Без лебедки белой!
Уж давным-давно меж нами
Песня не звенела.

Пусть звенит и вольно льется
Песня вслед за песней!
Ой, как весело поется
С девушкою вместе!

Ах, сокровищ всех дороже
Ты, мое сердечко!
А в твоем-то сердце тоже
Есть ли мне местечко? . .

* * *

Скажи, почему соловушко свищет
В зеленых кустах над волной перекатной?
Скажи, почему пчелка серая ищет
Цветущую липу, цветок ароматный?
Скажи, как ты думаешь, милый друг,
Почему красота манит всех вокруг?

Скажи, почему щебетунья-птица
Поет не в нагих, а в разросшихся кронах?
И всякая тварь почему веселится
Меж нив золотых, на полянах зеленых?
Скажи, как ты думаешь, милый друг,
Чем же вызван сердец их радостный стук?

Скажи, почему с той самой минуты,
Как ты предо мной красотой засияла,
Тобой я пленился? Скажи, почему ты
Глубóко мне в память и в сердце запала?
Скажи, как ты думаешь, милый друг,
В чем причина моих сокровенных мук?

Скажи, почему, коль тебя не встречу,
Мне день этот грустный покажется за год,
И сразу понуро опустятся плечи,
И тенью сомненья мне на сердце лягут? . .
Скажи, как ты думаешь, милый друг,
Как случилось, что сушит меня недуг?

Скажи, почему певучий твой голос
Без сладкого трепета слушать нет мочи
И с грустью сживается в сердце веселость,
Когда я, робея, гляжу в твои очи?
Скажи, как ты думаешь, милый друг,
Не попал ли я в заколдованный круг?

Легко красоте живется на свете!
Все гимны слагают тебе непритворно.
Сравниться с тобою могу ли посметь я? —
Ведь ты госпожа, а я раб твой покорный. . .
Нет, лучше молчи, тайну чувств храня,
Коль не любишь, то хоть пожалей меня. . .

* * *

Не верь никогда нам,
Мужчинам, девица,
Коль мы о приданом
Спешим сговориться.

Такой не голубит
Жену после свадьбы,
Он мигом разлюбит, —
Лишь денежки взять бы!..

Не нужно такому
Жены домовитой, —
Сундук только дома
Стоял бы набитый.

Не ищет в невесте
Красы он и пыла,
Пусть будет без чести, —
Добро бы лишь было.

Не надо такому
Надежной подруги,
Которой знакомы
Житейские вьюги,

Ни рук, что готовы
Утешить, не надо,
Ни доброго слова,
Ни теплого взгляда.

К беднячке разумной
Не слал бы он свата,
А взял и козу бы —
Была бы богата!

У парня такого
Любовь по расчету.
Не дав ему слова,
Спровадь за ворота!

Пусть ездит! За что же
Желать тут плохого?
Свое-то он прожил,
Так ищет чужого.

Быть может, и долгу
У бедного с тыщу,

Коль зря он так долго
Хоть сотенку ищет? . .

Житье там дурное —
То видно всегда нам, —
Где деньги — женою,
А та — лишь приданым.

* * *

Пусть дни юности кружатся
  Пестрой каруселью, —
Ведь под старость будет, братцы,
  Нам не до веселья.

Скорбно головы понуря,
  Мы пойдем уныло
Выбирать в осенней хмури
  Место для могилы.

Гомонят, щебечут птицы,
  Весело летая,
Будем так и мы резвиться,
  Песни распевая!

Не ведем часам мы счета
  В золотое время,
Не тревожат нас заботы,
  Бед не давит бремя.

Нам открыты в жизни юной
  Разных тропок тыщи,
И везде себе в подлунной
  Место мы отыщем.

Все нас любят, все нас холят,
  С нами радость делят
И цветы по доброй воле
  Под ноги нам стелят.

А коль жить мы будем честно,
Как велит создатель, —
Нас полюбит царь небесный
И ксёндз-настоятель.

* * *

Как красив ты, садик, глаз моих отрада,
Вновь зазеленел ты, снова ты в цвету!
Сам тебя мой братец весь обнес оградой,
И венок за это я ему сплету...

В цветничках повсюду заиграли краски,
Как же тут словами радость передать?
Словно клад бесценный ждет меня, как в сказке, —
Так я рвусь всем сердцем диво увидать!

Есть тут георгины, лилии, пионы,
И черноголовки, и тюльпаны; тут
Распускают розы нежные бутоны,
И шалфей душистый с чебрецом цветут.

Пестрые гвоздики, завитки горошка,
Огоньки настурций, рута здесь моя,
Резеда и мята, — словом, весь хорош ты,
Садик мой цветущий, что растила я!

Здесь одна хожу я. Здесь я, молодая,
Средь цветов — царевна, и на все лады
Знай пою себе я, до сих пор не зная
Ни заботы тяжкой, ни большой беды!

Здесь и соловей мне, ласковая птица,
Так искусно свищет — просто чудеса!
По утрам — чуть солнце в небе загорится —
Все цветы обсыплет жемчугом роса.

На меня тут веет теплым ветерочком,
Как же вкусно пахнет свежий садик мой!
Здесь шепчусь украдкой я с любым цветочком,
Коль замглится сердце девичьей тоской...

Вы, цветы, цветите в зелени атласной
И красой блистайте, чтобы каждый мог
Любоваться вами, ощущая ясно,
Для чего вас создал всемогущий бог!..

* * *

Сомкнем-ка теснее круг,
Наш круг молодых подруг,
И песенку хором
Споем-ка с задором!

Пусть, каждого веселя,
Она огласит поля,
Пусть, звонкая, мчится,
Как вольная птица.

Пусть каждый услышит там
Хвалу молодым летам,
Всего они краше —
Дни девичьи наши.

Как звезды в небесной мгле,
Так девушки на земле
Сверкают, святою
Маня чистотою.

Красивы поляны там,
Где время цвести цветам,
Где щедростью лета
Земля разодета.

Когда бы со всей земли
Собрать красоту могли —
Цветы и иные
Щедроты земные, —

То скромный, простой венок,
Невинности наш цветок,
Во много раз всё же
Нам был бы дороже.

Бесценно земли добро —
И злато, и серебро,
И — радость для глаза —
Все перлы, алмазы.

Но мы чистоты своей —
Сокровища юных дней —
Не отдали б платой
В счет жизни богатой.

Оставим богатства все
В их бренной мирской красе, —
Где правит всевышний,
Они там излишни.

Не спросит нас там творец,
Людей всеблагой отец:
«Что мне принесла ты
От жизни богатой?»

«Цветок принесла ли ты
Девической чистоты?» —
Так спросит любовно
Судья наш верховный.

«Как, — спросит он, — перенес
На вешней заре мороз
Твой свежий веночек,
Твой нежный цветочек?»

Пусть парень любой поймет,
Как дорог цветочек тот.
Нам бережней клада
Хранить его надо! . .

* * *

Уж у крыльца упряжка.
Ах, разлучаться тяжко!
Прощай! Не скоро нам, сестрица,
Вновь свидеться случится. . .

Хоть встретиться, быть может,
Нам случай и поможет,
Но ты не будешь вечерами
Смеяться вместе с нами.

Не стать носить невесте
С убором белым вместе
Свой галёнелис золотистый,
Веночек свой цветистый.

А вспомни, как, бывало,
Их прежде надевала!
Зачем же вдруг на пальчик белый
Колечко ты надела?

Простись с отцом и с нею —
С родимою своею:
С чужой рукою парня руку
Связала ты на муку.

Покорная ему, ты
Сняла венок из руты.
Ой, трудной ты пойдешь дорогой,
Надев повойник строгий.

Расстаться мать не хочет
И током слезы точит:
Кто будет печься о болезной
Без доченьки любезной?..

Качаясь, потому-то
И плачет горько рута,
Что белой рученькой здесь дочка
Уж не сорвет цветочка...

Взгляни, как от печали
Цветки твои привяли, —
Как будто знают, что короток
Срок жизни у сироток.

Кто с ними молвит слово?
Споет им песню снова?

Загубит утренник цветочки,
Как и твои денечки...

Что в жизни горше муки —
Жить с матушкой в разлуке?
Не станешь прилетать к старушке
На крылышках кукушки...

Хоть круглый день кукуй ты,
Хоть там всю ночь тоскуй ты,
Но матушке из дальней дали
Не выплачешь печали.

Ты, как цветок любимый,
Цвела в семье родимой,
Где только и забот у дочки —
Что рута да веночки.

Теперь тебе уж боле
Не жить средь нас на воле,
Ты под крестом обид и горя
К земле пригнешься вскоре.

Прощай, прощай, сестрица,
Пора нам распроститься.
Забудь про годы молодые —
Уж кони ждут гнедые...

* * *

Оседлайте мне гнедого,
Пышногривого коня,
По морям, через дубровы
Понесет мой конь меня!

Как на крыльях, без дороги
Вдаль помчится быстроногий.
Время мне пуститься в путь,
Чтобы молодость вернуть!..

Вы, лебедушки, прощайте,
И домой издалека
Ждите, ждите-поджидайте
Молодого паренька!..

Пору молодости милой
Возвращу себе я силой,
Снова в садик к вам приду,
Нежно речи поведу...

«Иль не любишь? Иль не веришь?» —
Каждой я задам вопрос,
Но не словите теперь уж
Вы меня петлею кос!

Други юности, прощайте!
Злом меня не поминайте, —
Я вернусь к вам на коне,
Вольно с вами будет мне!..

Я скачу... За окоёмом
Село солнце, пала тень,
И я тут же, рядом с домом,
Заблудился в тот же день...

Знать бы раньше мне немного,
Что везде нужна дорога,
И понять бы мне давно,
Что не всё вернуть дано.

* * *

Иль не мил тебе, сестричка, руты цвет, руты цвет?
Лет не жаль тебе девичьих, вольных лет, вольных лет?

Среди братцев дома первой ты была, ты была!
Словно лилия средь руты, ты цвела, ты цвела.

Ты за вдового, сестричка, зря пошла, зря пошла, —
Ребятишек в доме кучу ты нашла, ты нашла.

Поутру́ кукушка станет куковать, куковать,
А вдовца детишки — слезы проливать, проливать.

Заболит твое сердечко, когда мать, когда мать
Станут бедные сиротки вспоминать, вспоминать!

«Где родная?» — дети спросят у тебя, у тебя.
Сможешь ли к груди прижать ты их любя, их любя?

На твою придется долю плач сирот, плач сирот, —
Как их мачеха ни пестуй — то не в счет, то не
в счет...

Будут матушку детишки всё хвалить, всё хвалить,
А тебя молва заставит слезы лить, слезы лить...

* * *

Что за жизнь у сиротинки? —
Божье наказанье.
Век бредет он по тропинке,
Политой слезами.

Ой, зато неизмеримо
Те счастливей дети,
У кого отец любимый
Здравствует на свете!

Если ж есть родная тоже, —
Лучше нет, чем с нею!
Всех сокровищ мать дороже,
Солнышка нежнее!

Коль жива она, голубка,
Так к чему ж стремиться?
Только знай держись за юбку,
Чтоб не оступиться.

А сиротке притулиться
Не к кому, коль тяжко, —
На пустой земле-землице
Слезы льет бедняжка!..

Тут глаза мои невольно
Влагою покрылись,
Сердце вдруг забилось больно,
Слезы покатились...

И, придавлен гнетом доли
Горькой и убогой,
Я в словах, рожденных болью,
Обратился к богу:

Может, возлюбил ты, боже,
Меня, хоть не стою,
Коль на плечи мне возложен
Тяжкий крест тобою?..

Умер батюшка — я кротко
Крест понес, не споря.
Только всё ж полусироткой
Жить еще полгоря!

Стало много тяжелее
Без матушки милой.
Прозябаю на земле я,
Сирый и унылый...

Всё становится суровым,
Куда взгляд ни кину.
Кто согреет добрым словом
В мире сиротину?

Я не жажду, чтоб при жизни
Мне венки сплетали,
Чтоб меня на скорбной тризне
С лаской поминали.

Мне найти хоть одного бы,
Кто б на миг короткий
В душу, с жалостью, без злобы,
Заглянул к сиротке.

Но хоть выплачь людям беды
И свои лишенья, —
Не найдешь нигде себе ты
В мире утешенья!..

Пташки вольные, летите,
    Мчитесь на просторе
И умершим расскажите
    О сыновнем горе!

Расскажите им вы, пташки,
    Коли вам случится,
Как житье сироток тяжко
    На земле-землице!

Умирая, мне сказала
    Мать, вздохнув глубоко:
«Бог хранит сироток малых
    Как зеницу ока!»

Вот и вспомню я о боге
    В горестном бессильи —
Обниму его я ноги
    На родной могиле!..

* * *

Нет такого, кто найти бы счастья не пытался.
Тот, глядишь, успел, а этот — ни при чем остался...
Плод чужих трудов бесстыдно богачи украли,
Все сокровища земные хитростью забрали.
Вплетено в венок соцветье силы, славы, власти,
Но не мне он предназначен, а любимцу счастья.
Всё ж и я отцом считаю не напрасно бога, —
Может, выделит и мне он счастья хоть немного!..

Не нужны мне ваши замки, ваших денег груды,
Дал бы только бог здоровья, ну а сыт я буду.
Пусть в цветах лежит пред вами славы путь великий,
Все пусть по́д ноги вам стелют розы и гвоздики!..
Всё свое держите крепко и делите сами,
Но мое вы мне оставьте, чтоб не спорить с вами!..
Всё ж и я отцом считаю не напрасно бога, —
Может, выделит и мне он счастья хоть немного!..

Я же счастлив, если песни распеваю вольно,
Потужу с самим собою, если сердцу больно.
Говорят со мною звезды, и цветы, и птицы,
А с плакучею березкой так легко грустится!..
Я б счастливей был, богаче, чем весь мир огромный, —
Лишь бы мне найти для песен уголок укромный,
И найти такое сердце, что с любовью бьется:
Если грустно — приголубит, весело — смеется.
Вдруг и я крупицу счастья получу от бога?
То желать, что и младенец, — разве это много?..

Но никто из злых людей мне крошки дать не хочет,
Тот — уже пронзил мне сердце, этот — ножик точит...
Тот мне сплел венок из терна и сухой метлицы,
А злодей подбиржский — этот утопить грозится.
Я не знал, что за сердечность платят злобой волчьей
И что грязью обливают или горькой желчью...
Всё равно — и впредь пойду я лишь прямой дорогой,
Всё ж и я дождусь, быть может, счастья хоть
немного!..

* * *

Голубок — дитя свободы —
Что заворковал ты?
Или беды и невзгоды
Все пересчитал ты?

Что мешает жить на свете?
Что грызет так душу?
И жена с тобой и дети,
И налог не душит.

Щеголяешь сам собою
Милостью творенья,
Разодетый в голубое
С синим оперенье.

Кров — защита от ненастья,
Дóма все здоровы...

И богат, и сыт, и счастлив,
Что ж ты стонешь снова?

Нет нужды за бороною
День-деньской тащиться,
И с соседом и с семьею
Незачем браниться.

Так откуда ж горю взяться?
Жизнь такую мне бы!
Все заботы — устремляться
Крылышками в небо.

У людей другая доля,
Ты ее не знаешь, —
Столько горя, что от боли
Нехотя рыдаешь.

Трудишься весь век, потеешь
Над работой тяжкой...
Что в конце концов имеешь? —
Рваную сермяжку.

Но и ту с тебя, пожалуй,
Снимет беспощадно
Вместе с податью немалой
Управитель жадный.

Столько денег приготовить!
Где их взять? Откуда?
Разве шкуру снять? И то ведь
Не в расчете буду.

Сыт ли ты? Никто, конечно,
Спрашивать не станет.
Есть полтинник — бессердечно
Тотчас прикарманят.

Землемер — чиновник рьяный —
Часто наезжает,
Мерит землю, и карманы
Наши измеряет.

Рассказал бы я... да где там!
Власти запрещают.
Даже песни под запретом,
Хоть душа рыдает.

* * *

Кто там пьяным криком воздух в клочья раздирает?
Ах, не наш ли то родитель из корчмы шагает?
«Где нам, маменька, укрыться?
Ой вы, братцы, ой, сестрицы,
Как нам быть? Как нам быть?»

— «Прячьтесь, прячьтесь, детки, прячьтесь в самом темном месте, —
Кто — под печку, кто — за печку попроворней лезьте!
А отца, хоть и больная,
Встречу как-нибудь одна я,
Как смогу, как смогу!»

— «Что за черт? — вопит хозяин. — Тьма, как в преисподней!
Глянем, что жена поставит мне на стол сегодня?
Ну! Куда ты задевала
Колбасу, капусту, сало?
Подавай! Подавай!»

— «Что я дам, коль нет ни крошки ни в избе, ни в клети?
Я — едва таскаю ноги, голодают дети.
Ты же пропил всё до тряпки!
Вон опять пришел без шапки
Из корчмы, из корчмы!»

— «Цыц! Молчать! Ты нынче что-то разошлась некстати!
Целый день небось валялась, падаль, на кровати?
Не гневи меня ты сдуру!
Как спущу с тебя я шкуру, —
Будешь знать! Будешь знать!»

И, схватив ее, терзает, как наседку коршун,
Щиплет, бьет, ногами топчет, а жена всё горше
Плачет и взывает к богу...
«Сука! Бог твой на подмогу
Не придет! Не придет!»

Слыша крик, соседский мальчик бросился куда-то
И позвал сестре на помощь он родного брата.
Видит тот: сестра чуть дышит,
А в углу — гурьба детишек,
Все в слезах, все в слезах!

«Что ты, зять, опомнись! Или не в своем уме ты?
Так жену свою недолго и согнать со света!
А не жаль детишек малых —
Так за горло ты бы взял их,
И конец! И конец!»

— «Эй, получишь по затылку! Эй, не лезь ты, шурин!
Заработаешь ты шишку с пол-арбуза, дурень!
Коли за сердце задело, —
До родства мне нету дела,
Видишь сам! Видишь сам!

Чем учить, припомни лучше род ты нищий свой-то!
Не состряпаешь мне дела, где тебе до войта!
Зря ль я пил со старшиною?
Волость в дружбе вся со мною!
Кто мне враг? Кто мне враг?»

* * *

Сосед до седьмого пота
На пашне своей работал,
А я кой-как, поневоле,
В пустом ковырялся поле.

И рожь у соседа спеет,
И солнце колосья греет,
А мой весь клин — невеселый,
Где сеял — и там всё голо.

Не дом у него — светлица,
Как стеклышко всё лоснится,
В моем же дому уныло,
С подпорками всё, всё сгнило.

Милы у соседа дочки,
Все свежие, как цветочки,
Веселые, словно птички,
Как барышни, все сестрички!

И вежливы все на диво!
А в доме-то как радивы:
Ткут сами и шьют наряды —
И в лавки ходить не надо!

С моими ж всё по-другому:
Без спросу бегут из дома,
Пусть рожь пропадает в поле —
Бездельницам до того ли?

Знакомы им все дороги —
И в Вильнюс их носят ноги!
Кусты нипочем и рвы им —
Ходить им здесь не впервые.

Жена у соседа тоже —
С моей и равнять негоже:
Хозяйка и мастерица,
И скот у нее, и птица.

Моя ж — и сказать обидно,
И перед людьми-то стыдно:
Ни спечь, ни приветить гостя, —
Лежит по три дня со злости!

А с кем отвести мне душу?
Не хочет никто и слушать.
С родней не поладишь толком —
Глядят на тебя все волком,

Кричат они: «Вот что значит
За водкой в корчме судачить!
Идешь ты к концу худому!..»
Возьмешь и сбежишь из дому.

* * *

За дальнею горкою солнышко село,
В дремотной теплыни земля разомлела.
Устал ветерок, приутих, не резвится,
Умолкли певуньи — веселые птицы,
И звездочки в небе зажглись понемногу
И молятся там вседержителю-богу.
Померкший денек удалился на отдых,
Царит тишина на земле и на водах,
Как будто и речка, и луг, и дорога
В молчаньи торжественном слушают бога...
Всех ноченька-мать тишиной усыпляет,
И только соловушка не засыпает!
До света поет он и жалобно свищет,
Как будто сочувствия в горести ищет.
С чего, наша радость, так горько ты стонешь
И сон от себя благодетельный гонишь?
Какое несчастье, скажи мне на милость,
Покой твой похитив, с тобой приключилось?
Быть может, твоя улетела подружка,
И ты от любви изнываешь, пичужка?
Да нет же! Она притаилась в сторонке,
Задумчиво слушая голос твой звонкий.
Тебя твоя милая любит, так что же
Печалит тебя, твое сердце тревожа?..
Нет жизни привольней, чем птичья, и краше —
Повсюду проносят вас крылышки ваши...
Усни, соловей, моя добрая птица!
Один я останусь, мне сном не забыться.
Подумаю здесь я, я здесь потоскую,
И сам я спою себе песню такую:
Язык человеческий свел со мной счеты,
Меня одолели мирские заботы,
И сон не приходит, и сердцу так больно,
Что слезы глаза мне туманят невольно.
Как жить тяжело в неизбывной печали!
Забыться б, уснуть мои думы мне дали!
Пускай хоть навеки в холодной могиле
Листки, шелестя бы, меня усыпили
И тихо под ветром, летящим из дали,
Мне, сонному, всё о любви бы шептали,

И голос бы нежный — всех звуков чудесней —
Баюкал и пел мне любовные песни.
Тогда б и душа отдохнула, и тело,
И, может быть, сердце не так бы болело?..

* * *

Кто сосчитает муки мои и слезы!
Мало ли я за столько лет настрадался?
В сердце чужом никто не видит занозы,
Да и я не зорче других оказался.
Ты-то хоть, пол, моими слезами омытый,
Если спросят, смолчи, а меня не вини ты!..

Счастлив и ручеек, укрытый от зноя,
Хоть тучи и свет от него закрывают.
Счастлива и былинка порой ночною,
Хоть горькие росы ее оживляют.
Слез моих лишь не видят, хоть я их не прячу,
Хоть давно мои веки распухли от плача!..

Жил свободным и я, как пташка лесная,
Вечно счастлив я был, как ребенок малый,
Разве что в жизни ясной, как утро мая,
Мне лишь птичьего молока не хватало.
Жил я беспечно, сердце не знало недуга,
Песни так распевал, что звенела округа!

Ой ты, любовь! Мне жить бы, тебя не зная!
Кто дал тебе нежное имя такое?
Я звал тебя чистою дочерью рая,
А ты, ты нигде не даешь мне покоя!
Ах, зачем ты любить мне велела?.. Заране
Почему не сказала ты мне о страданьи?..

Я-то мечтал, что вот ангелочка встретил,
Которому лживость в любви не пристала.
Он же сразу забыл о своем обете,
Чуть только поярче звезда заблистала.
Хоть и не жаль мне любви, погибшей нежданно, —
Сердце ноет и ноет, как старая рана...

* * *

Хоть ни в чем не обездолен
В жизни я, но грудь мою
Так печаль сжимает больно,
Что невольно слезы лью...

Грустно! Ждет душа кого-то, —
Друга? Есть он, как не быть!
О любви ль моя забота?
Довелось мне и любить.

Но зарекся, хватит муки,
Чада горького в крови!
Опустил я с горя руки,
И не надо мне любви...

Скорбь снедает... Не могу я
Без нее прожить и дня.
Одинокий, я тоскую,
Кто утешил бы меня?

Рядом весело кому-то,
Жизнь бурлит, кипит спеша,
Я приду — всё мрачно, будто
От меня бежит душа!

Где ж пристать ей, оскорбленной
Черствой лживостью людской?
Отлететь ей к богу в лоно? —
Там нашла б она покой!..

* * *

Ой, как прекрасно, как прекрасно небо! Что же
Ты долго не ведешь меня туда, мой боже?

Когда с кривых, тернистых троп земли сверну я?
Когда стезею звезд направлюсь в жизнь иную?

Когда я, грешный, вознесусь в святое лоно?
Когда украшусь там я вечною короной?

Когда, бежав от мук, с молитвой благодарной
Сподоблюсь я взглянуть на лик твой светозарный?

Ах, может быть, вот-вот ты волей непреложной
Сорвешь с земли меня, как стебелек ничтожный,

С земли, где, нищий горемыка, был я лишний?..
Ты примешь ли меня к себе, отец всевышний?

Меня, чуть видную пылинку, горстку дыма,
Ты впустишь в свой дворец, для смертного незримый?

. . . .
. . . .

* * *

Звездами надежды отблестели,
Всё в глазах моих черно, как ночью!
Красоту ли под ноги мне стелют
Или по́ят горькой желчью, —
Мне всё равно! Мне всё равно!

Будь венок мой из чертополоха,
Будь из руты, — бог с ним! Хорошо ли
Обо мне вы скажете иль плохо, —
В том ни радости, ни боли.
Мне всё равно! Мне всё равно!

Буду ль жить я во дворце над долом,
Весь в шелку, беспечный, точно птица,
Буду ль, дни влача в труде тяжелом,
В нищей хижине ютиться, —
Мне всё равно! Мне всё равно!

Тот, кто умер, слеп и глух, — укрыла
От него всё в мире крышка гроба;

Крест ли ему ставят на могилу,
Проклинают ли со злобы, —
Не всё ль равно? Не всё ль равно?

В сердце кровь уж запеклась; унылый,
Я живу с закрытыми глазами!..
Тех, кто рад был сплетням, не бранил я
И спасибо не сказал им, —
Мне всё равно! Мне всё равно!

Мягко ль, жестко ль — трупу безразлично;
Целое ли мне еще столетье
Или только день в тоске привычной
Суждено прожить на свете, —
Мне всё равно! Мне всё равно!
Мне всё равно! Мне всё равно!

* * *

Суд мирской всегда различен,
Вкус людской своеобычен.
Нет такой особы, право,
Чтобы всем пришлась по нраву.

Средь людей найдешь не скоро,
Кто избегнул бы укора.
Будь хорош ли, плох ли — злою
Мир клеймит тебя хулою.

Плохо, если скажешь складно,
Промолчишь — и то неладно.
Сам не знаешь — кто ты ныне:
Пустозвон или разиня?

Франт, когда наводишь глянец,
Не наводишь — оборванец,
Пьешь — так пьяница, не пьешь ты —
Глядь — и скрягой прослывешь ты.

Коль ты прям — зовут солдатом,
Коль сутулишься — горбатым.

Не спешишь — причтут к лентяям,
Суетишься — к разгильдяям.

Неуч ты и прост при этом, —
Знай: отвергнут будешь светом,
А умен — в усердьи рьяном
Свет ославит шарлатаном.

Кто покладист и покорен,
Тот молвою опозорен,
Кто ж не гнется перед мразью,
Свет того мешает с грязью.

Богача хула затронет,
Бедняка со света сгонит,
Старика ли, молодого ль —
Злой язык всех щиплет вдоволь.

Распускают бабы слухи,
Мол, девчонки — потаскухи
И что, мол, влюбленных парней
На всем свете нет коварней!

За тобой вины не зная,
Оболжет тебя любая,
Как в народной прибаутке:
«Баба ты? — пляши без дудки!»

Был бы муж хорош, каб старки
В праздник пил не больше чарки, —
Он с похмелья чуть не стонет,
А жена работать гонит.

Здесь не то что мещанина, —
Даже пана, дворянина,
По причинам неизвестным,
Не считают люди честным.

Даже ксёндз, слуга господень,
От наветов не свободен,
Оклевещут — и не струсят,
А — случится — и укусят.

Дай нам, боже всемогущий,
Наш владыка вездесущий,
И любовь, и единенье,
Дай гонимому терпенье!

ВОЛК И КОЗЕЛ

Как-то волк загнал козла в глухую чащу бора,
Сделав вид, что нужен тот ему для разговора.
«Братец мой, — так начал он, — я очень добрый,
Невтерпеж смотреть мне больше на твою фигуру,
И надумал я одеть тебя в другую шкуру,
Чтоб под ней не так твои торчали ребра!
Весь ты в клочьях, будто шкура круглый год линяет,
И к тому ж, сказать по правде, от нее воняет.
Да и сам-то, брат, не стоишь ничего ты!
Что умеешь ты? — козлом лишь упираться сдуру.
Глянь-ка лучше на мою ты шелковую шкуру:
Шерсть вкруг шеи дыбом, волос с позолотой!
В этой шкуре знай ходи ты целыми ночами
И не бойся ни морозов, ни иной печали!
Мое имя знают все края и страны!
По своей природе я силен и смел на редкость,
И большая, братец, власть досталась мне от предков, —
Все мои на свете овцы и бараны,
Всюду на обед себе я их зарезать волен,
Кто ж моей всесильной властью был бы недоволен, —
Уж тому пришлось бы с жизнью распроститься!..
Понял, как в моей ты шкуре сам пошел бы в гору?
Только знай: чтобы она тебе пришлася впору,
Должен сам тогда ты в волка обратиться!»
А козел, впервые в жизни видя волка, слушал,
Молча выпучив глаза и навостривши уши,
И потом сказал в ответ ему такое:
«Нет, постой! Конечно, каждый бы почел за счастье
Обладать твоею шкурой и твоею властью,
Но один вопрос мне не дает покоя:
Как, на свет козлом родившись, объясни мне толком,
Можно вопреки природе обернуться волком?..
Был козлом отец мой, и мой дед, и прадед,

И меня коза-мамаша молоком поила,
У родного брюха грела, средь козлят растила.
Ну, так растолкуй же ты мне, бога ради,
Как козлу — и вдруг стать волком?» — «Проще нет ответа:
Кто понять меня захочет, тот поймет и это,
Пусть лишь он моей утробы не минует!
Я тебя, козел, зарежу, вытащу из шкуры,
Разжую (что необычно для моей натуры!),
И, проглоченный, войдешь ты в жизнь иную,
В кровь и плоть мою всосавшись, а потом ты
Сам уже родишься волком у моих потомков,
И твои детишки станут все волками!»
Покачал козел своей упрямой головою,
Встал он смело против волка, изготовясь к бою,
И сказал: «Не лязгай на меня зубами, —
Помни — бог нам дал рога такие, чтобы было
В одиночку волку с нами сладить не под силу.
Берегись — не то подавишься рогами!»

<1891>

ЮЛЮС АНУСАВИЧЮС

Юлюс Анусавичюс родился в 1832 году в дворянской семье среднего достатка. Учился он частным образом в Вильнюсе у своего дяди Цезаря Анусавичюса, окончившего Вильнюсский университет. Предполагают, что здесь Анусавичюс углубил свои знания польского языка, познакомился с польской литературой — произведениями А. Мицкевича, Л. Кондратовича и других поэтов, под влиянием которых еще больше окрепли его патриотические чувства и демократические убеждения.

Приобретя специальность землемера, Анусавичюс поселился в поместье у своего брата в Данюнай (близ Биржай, на берегу реки Татулы). Очевидно, Анусавичюс принял активное участие в восстании 1863 года, так как после его подавления он был сослан пожизненно в Сибирь. Несмотря на тягчайшие испытания, выпавшие на долю Анусавичюса, царскому правительству не удалось сломить его мятежного духа.

В ссылке, тоскуя по родине, Анусавичюс все свое свободное время отдавал поэзии. Из Сибири он вернулся около 1890 года и снова поселился у брата в Данюнай. Хотя жизнь его и здесь не могла быть легкой, однако Анусавичюс не перестает писать. В 1900 году были напечатаны без его ведома три произведения и среди них наиболее примечательное — поэма «Один весенний день».

Умер Анусавичюс в 1907 году.

ОДИН ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Ми́нули зимние злые невзгоды.
Мчатся по воле весенние воды.
Утром в лугах еще светится иней,
Но уже с песнями в солнечной сини
Носятся жаворонки на раздолье,
Звонко приветствуя пахаря в поле.

Возле дороги он утром туманным
Молится перед крестом деревянным:
«Господи, принял ты смертные муки,
Не откажи мне в смиренной докуке,
Труд мой и пот мой — тебе лишь во славу,
Не оставляй ты меня, боже правый!»
Над нераспаханными полосами
Воздух весенний звенит голосами.
«Борозду!» — пахарь кричит лошаденке.
Где-то рожок заливается звонкий...

Вслед за быком потянулись коровы.
Бык заревел, заприметив другого.
Кровью глаза налились, и копытом
Землю он роет с мычаньем сердитым.
Пыль на дороге вздымается тучей...
Этот бычина — свирепый, могучий,
Только одна лишь беда, что комолый —
Хочет бодаться, да лбище-то голый!
А у второго — рога словно шила.
Он ничего себе — тоже страшила!
Яростным гневом пылая сверх меры,
Медленно сходятся черный и серый.
Черного серый обходит кругами,
Черного в шею пыряет рогами, —
Кровь побежала горячей рекою...
Серого черный толкает башкою.
Серый шатается с бешеным ревом,
Серый был тоже бычиной здоровым, —
Черного в бок боданул он мгновенно,
Хлопьями с морды срывается пена,
Как из предбанника — пар от обоих...
Нет уж, куда, — разогнать не легко их!
Черный опять обливается кровью.
Громче и громче мычанье коровье.
Звонко кричат пастушки с перепугу.
Топот и рев оглашают округу.
В буйном смятеньи смешались два стада.
В страхе коровы ревут до надсады:
Эта о сером скорбит, а другая
Черного горько жалеет бугая.

Но, ослепленные облаком пыли,
Оба соперника разом остыли.

Вдруг затевается новая драка:
Грязный баран и козел-забияка
Сердятся, возятся возле канавы.
Для пастушат — это вроде забавы:
Смотрят, смеются — и вправду потеха!
Только барану с козлом не до смеха.
Что же причиною драки их жаркой?
То ли козел приударил за яркой,
То ли баран пред козлом не безгрешен?..
Так иль иначе, — бой неизбежен.
Пылкий козел, приготовившись к бою,
В ярости землю метет бородою.
Он не из тех, кто робел пред врагами, —
Первый ударил барана рогами.
Трудно сказать, кто кого одолеет!
Грязный баран и плюется и блеет.
В сторону прыгнул, но враг длиннорогий,
Приподнимаясь на задние ноги,
В брюхо бодает барана с размаху.
Тот покачнулся от боли и страху,
Громко заблеял и на бок свалился,
Но поднялся и вконец обозлился,
Начал атаку, но враг, не теряясь,
Вновь поднялся на дыбки, исхитряясь
Вновь нанести неприятелю рану.
Но улыбнулась удача барану —
Недруга метко ударил под брюхо.
Недруг свалился, заблеявши глухо,
Крепко баран колошматил беднягу,
Тот поднялся еле-еле и — тягу.
Струсил постыдно козел бородатый!
Долго смеялись над ним пастушата.

Бродит поодаль чумазое стадо,
Каждой канаве и лужице радо.
Много их — разной породы и масти.
В жиже навозной их нега и счастье.
Бродят в полях, разрывая посевы.
Тварей замаранных знаете все вы.

Некогда предки их в гибельной яме,
В топком болоте увязли с чертями...
В лужах валяются — дорого-мило!
У-хрю-хрю-хрюкают мокрые рыла.
Грязных ребят кличут грязные матки.
К маткам ребята бегут в беспорядке, —
Сладостен звук материнского зова!
С визгом один оттесняет другого...
Неподалеку отцы их — вояки,
Злобно щетинясь, готовятся к драке.
В недруга рылом клыкастым нацелясь,
Старший ударил другого под челюсть.
Ну и клыки! Коль признаться по чести —
Это рога, лишь растут не на месте.
Может соперник сопернику шкуру
Мигом вспороть и убить его сдуру.
Тучных и грязных участников драки
Не называю, но знает их всякий.

Сели в кружок пастухи пообедать,
Но не успели похлебки отведать, —
Рутке — овчарке — один пастушонок
Бросил краюшку, а Рутка спросонок
Не подхватила, — поймала другая,
Рутка вослед ей рычит, подбегая.
Вновь пастушата ломтище немалый
Бросили той, что подачку поймала.
Тешились все незадачами Рутки.
Пес, видно, понял обидные шутки,
Иль пожалел о пропавшей подачке,
Но Чернышу не дает он потачки, —
Кинулся Рутка, свалил его мигом.
Тот зарычал в озлоблении диком,
Рутку подмял и терзает нещадно.
Рр-рр, грызутся, рычат кровожадно.
Может окончиться дело бедою...
«Надо разнять их, облить их водою!»
— «Худо, что нету кувшинов порожних!» —
Много тут слышалось криков тревожных...
«Что ж, обольем их похлебкой горячей!» —
Так и покончили с дракой собачьей, —
Псам не понравилась, видно, похлебка,

Псы разбежались послушно и робко,
К яростной драке пропала охота, —
Дружно несутся к прохладе болота.

Третья овчарка и лётом и скоком
Мчалась за ними, и вдруг, ненароком,
Серого зайца спугнула с размаху,
Шлепнулась, заверещала со страху.
Заяц, опомнившись от перепугу,
Уши прижал и несется по лугу.
Стелется следом собака вдогонку.
Цоп! — не поймала! а заяц — в сторонку.
Пес, не приметив, летит напрямую:
Вот, мол, настигну я, вот, мол, возьму я!
Этого только зайчишке и надо:
Прыгнул он в гущу бараньего стада!
Пес повернул, зарычал было грозно,
Понял промашку, да, видно, уж поздно!

. . . .

Рощи, равнины, овраги, увалы...
Правду сказать, — необычного мало.
Лишь косогоры на ровной долине
Радуют взгляд закругленностью линий.
Камни да скалы вдали друг от друга
Резко белеют средь зелени луга.
А по оврагу, коль спустишься вниз ты, —
Всюду орешник, ольшаник тенистый.
Хмель оплетает стволы как попало,
Словно запутал концы и начала...
Вдруг в этой чаще, где мрак и дремота,
Ветки раздвинул невидимый кто-то.
Кто б это был? На козуль не похоже.
Издали зорко гляжу я, и что же?
В чаще, хоть с точностью не утверждаю,
Двое влюбленных, чета молодая.
Да уж отчетливо вижу, чего там!
Сколько годов им, птенцам желторотым?
Вместе обоим не больше, чем тридцать.
Ясно, что это не брат и сестрица.
Вижу их, скрытых лесной полутенью:
Оба собой хороши, — загляденье.

Убеждены, что другим их не видно,
А уж иначе им было бы стыдно!
Но ведь порою и лес видит зорко.
(Разве не так говорит поговорка?)
Всходы весенние руты и мяты
Прежде расцвета — растоптаны, смяты.
Тот, кто посеял, — в убытке, в разоре.
Горе пастушкиной матери, горе!
Слишком уж много давала свободы
Дочке своей в неразумные годы;
Позабывала, что девушку надо
Не оставлять без присмотра, догляда,
Дать ей работу — и прялку и кросна,
Выведать мысли, покуда не поздно.
И ведь не всё заживает до свадьбы, —
Это и девушкам надобно знать бы.

. . . .

Ястребы медленно реют над лугом.
Плавно снижаются круг за кругом.
На луговине гусиное стадо
Не утаилось от хищного взгляда.
Движутся мерно, друг другу вдогонку.
Каждый хотел бы добыть по гусенку.
Когти раскрыли, спускаясь к добыче,
Но позабыли гусиный обычай...
Вышел гусак им навстречу бесстрашно,
Будто готовясь на бой рукопашный,
Крылья раскинул с шипеньем сердитым,
Будто, стращая врагов, говорит им:
«Не допущу, о семействе радея,
Чтобы гусят воровали злодеи!»
Ястребы реют, снижаясь кругами,
Грозный гусак начеку пред врагами,
И, не достигнув намеченной цели,
Ястребы в ярости прочь отлетели.
Надо ж случиться: в болотных низинах
Разбушевались два стада гусиных.
Два гусака, что стада возглавляли,
Крылья раскинули, загоготали,
Гневно внушая своим подопечным
Не разговаривать с племенем встречным.

Каждый вперед выступает геройски,
Каждый с врагом разочтется по-свойски...
А средь людей не бывало ль такого?
Не завлекала ли мужа чужого
Женщина скверная в сети, в тенёта?
Может быть, два гусака средь болота
Бесятся из-за бесстыжей гусыни?..
Сколько людей по ничтожной причине
Гибли бесславно, пронзенные сталью,
Близких своих омрачая печалью.
Кровью земля пропиталась безмерно.
Из-за чего? И подумать-то скверно!
Эта война истребила, наверно,
Больше, чем разные прочие войны,
Тех, что зверями считаться достойны.
(«Люди ведут от животных начало», —
Школьная мудрость не зря поучала.)
Но уж не спьяну ль война-то? Однако
И во хмелю отвратительна драка.
Больше ни слова! И в самом-то деле, —
Тут ведь не люди, а гуси сдурели!..
Вот уж соперника тянет за шею,
Крыльями хлещет гусак, свирепея.
Вот ходуном заходило болото,
Белые перья кружатся без счета...
Видимо, долго не кончится склока.
Ястребы зорко следят издалёка.
Вот дождались подходящей минуты, —
Падают камнем, взвиваются круто,
Каждый гусенка уносит с собою
В самом разгаре свирепого боя.
Два гусака, воевавшие грозно,
Вдруг спохватились, да было уж поздно!
Каждый, себя обеляя, гогочет,
Каждый виновным считаться не хочет,
Но успокоились мало-помалу:
Семьи свои, как ни в чем не бывало,
Оба ведут по зеленому лугу,
Изредка гаркая что-то друг другу...
Кто ежечасно пылает враждою,
Не разминется с жестокой бедою,

И от вражды он получит не прибыль, —
Верный убыток, а может быть — гибель.

. . . .

Если хозяйка (по-новому — пани)
Не припасет всё, что надо, заране,
Если у ней не в гнезде, не в лукошке,
А под плетнем ли, в ботве ли картошки
Куры несутся в привычные сроки, —
Яйца достанутся прыткой сороке.
А уж сорокам хватает сноровки.
Ну и хозяюшки, эти воровки!
Всё на учете — навесы, крапива...
Им даже в хату забраться не диво,
Лишь обнаружатся щелки-лазейки.
Запросто в клеть проникают, злодейки!
И голубям достается немало,
Если яички кладут где попало.
Часто голубки под крышею стонут...
Разве сороки-воровки не тронут
Птенчиков малых в гнезде на стропилах?
Разве щадят матерей сизокрылых?

Тащит сорока яйцо из клетушки.
Прытко несется к ольховой опушке.
Только спустилась — и вдруг на сороку
Злая ворона кидается сбоку.
Клювом колотит сороку ворона,
Душит ее и хрипит разъяренно...
Всё совершается будто по кругу,
Хочет ворюга ограбить ворюгу.
Шмякнулось наземь яичко и — в брызги,
И на земле только выплавок склизкий.
В клюве сороки — обломок скорлупки...
Вот он, успех, — неустойчивый, хрупкий!
Хитрость подводит порой, как известно.
Счастье не впрок, коль добыто бесчестно.
А уж, казалось, понять не хитро бы:
«Краденый хлеб — не насытит утробы».

День начинает темнеть понемногу.
Стелется тень по зеленому логу.
Грохот заслышав, гляжу на дорогу.

Ошеломлен я картиной такою:
Едут подводы одна за другою,
А на подводах передних крестьяне
В лежку валяются, громко горланя.
В третьей повозке сердитая баба
Бьет мужика, — тот противится слабо.
Диво за дивом: в повозке четвертой
Стонет бабенка, ничком распростерта.
Может быть, мучит ее лихорадка?
Что уж там! Пьянство поистине гадко!

. . . .

Это — литовцы! .. Как сердцу обидно!
Не понапрасну становится стыдно.
Мыслимо ль, чтоб человек и поныне
Уподоблялся безмозглой скотине!
Вы мне простите жестокое слово, —
Сердце с тоски разорваться готово.

Солнце к дубраве стремится лучами,
Чтоб не погрязнуть в болотистой яме,
Чтоб не рассеять сиянье живое,
Свет излучает на листья и хвою.
Солнце уходит от нас, догорая,
Но, задержавшись у самого края,
Вдруг обернется, расширится зыбко,
И улыбнется безгневной улыбкой,
Словно смеется оно над землею:
«Видно, сдружилась ты с пасмурной мглою!
Видно, понравился мрак несогретый,
Если сама отвернулась от света?
Иль не слыхала, как вымерзли реки
В странах, оставленных мною навеки,
В странах, навеки разлюбленных мною? ..
Там, под суровой корой ледяною
Стало бесплодным могучее лоно, —
Нет ни единой травинки зеленой! ..»

. . . .

С пастбищ коровы идут величаво,
Еле кивают налево-направо.
Самая первая, с важною мордой,
Прочих возглавила, шествуя гордо.

Вот за теленком теленок безрогий
Прыгает, скачет, свернувши с дороги.
Нет лишь быков и красоток нестельных, —
Где-то отстали, остались отдельно.
Вклинились в гущу коровьего стада
Козы (в расчет принимать их не надо!).
Следом идут пастухи и пастушка.
Было их две, — поотстала подружка!
Где же она? Ничего не узнавши,
Лучше молчать о девице отставшей.
Но пастухи потешались немало:
«Она, как видно, в лесу заплутала!
С Юргисом видели нынче Оняле
В чаще, куда мы коров не гоняли!»
. . . .
Девушка возле коровы присела,
С толком взялась за привычное дело.
Сразу видать, что доит со сноровкой —
Сильно и мягко, проворно и ловко.
Тянутся струи молочные тонко,
Бьются о стенки подойника звонко.
Пене шампанского — шумной, непрочной —
Трудно равняться с пеной молочной.
Сколько в подойнике пляшущих бусин,
Нежных жемчужин, — и запах так вкусен!..
Вот поднялась, распрямилась доярка.
Что же лицо ее вспыхнуло жарко?
Взгляд засветился нежней и чудесней...
Может, ей вспомнилась старая песня:
    «Он пахал до ночи, он вздыхал о милой,
    А она, вздыхая, молоко цедила...»
Ну, а быть может — кто скажет, кто знает? —
Песню другую она вспоминает:
    «В миске молочко остудим,
    Есть малину вместе будем...»
Ой, потуши — иль увянешь до срока —
Пламень сердечный, палящий жестоко!
Больше ни звука, ни слова про это.
Мир задремал, полутьмою одетый...

Как же забыл я сказать вам вначале
Клички коров, что доила Рожяле!

Все мы рассеянны! Кто с этим спорит!
Но не портной ведь, кто шьет и не порет.
Надо простить, коль случилась промашка...
Ночка, Пеструшка, Буренка, Пятнашка
Звали коров, что Рожяле доила...
Каждую хлебом она покормила,
Каждой обмыла и вытерла вымя...
Этой доярки хорошенькой имя
Тоже не сразу назвал, хоть едва ли
Мог позабыть я, как девушку звали...

В стойле Пятрукас хозяйничал бодро.
С ходу схватил он порожние ведра,
Вот уже возле колодца хлопочет,
Воду качает, взявшись за очеп.
Полные ведра уносит он в стойло,
Чтоб замешать лошадиное пойло:
Сыплет пригоршней мучицу в корыто, —
Пусть наедятся лошадки досыта!
Только что сена насыпал он в ясли, —
Снова забота: очаг не погас ли?
Пятрас проворно сбирает щепушки,
К матери тащит, и любо старушке, —
Помнит сынок, что помощник ей нужен,
Знает, что к сроку готовится ужин.
Нету здесь места попрекам, нападкам...
Входит отец. Он доволен порядком.
Хвалит Пятрукаса, а Казимерас
Шутит с братишкой: «Гляди-ка, уж вырос!
Ай да хозяин!..» И, крепко целуя,
Обнял Пятрука... Тут самую злую,
Горькую боль поневоле забудем:
Счастье любви здесь даровано людям.
. . . .
А на соседнем дворе, возле речки,
Она-плутовка сидит на крылечке.
С грязным подойником мать пробежала,
Руки в земле — знать, картошку сажала.
Ну и доярка! Глаза б не глядели!
Да и подойник — на самом-то деле
Разве подойник? Годами не мытый, —
Разве он чище свиного корыта?

В нем молоко не свернется ли сразу?
Выпьешь такого — и схватишь заразу.
Дать ребятишкам — начнется хвороба
И доведет ведь иного до гроба.
Она вздохнула, печалясь притворно:
«Ну пастухи! Даже слушать зазорно!
Пусть бы они себе шею сломали!
Пятрас пристал: «Где скрывалась, Оняле?»
С Юргисом я побежала в орешник, —
Ищем корову, а Пятрас, насмешник,
Нас ненароком, должно быть, увидел
И задразнил... ну до слез разобидел!»
— «Полно, не плачь! Он дерзить набалован.
Пятрасу мать не перечит ни словом.
Только послушать хвастунью-то эту:
«Пятрас, Казис...» будто лучше их нету!
Ты понапрасну сердечко печалишь,
Доченька! Ты у меня ведь одна лишь!
Горе сторонкою не обошло нас:
Мне в утешение ты лишь да Йонас.
Разве легко, — четверых схоронила...
Господи боже, спаси и помилуй!..
Йонас-то где? Распевал он, слыхала.
Злился отец и бранился немало:
«Йонас пахать не научится толком!»
Сколько я слез пролила тихомолком!
Ты хоть не плачь!.. — причитает старуха. —
А уж Пятрукасу съезжу я в ухо!».

С дочерью мать толковали, доколе
Не воротился без Йонаса с поля
Старый битюг, нагулявшись на воле.
Мать, покачав головой, проронила:
«Йонаса Катре к себе заманила!
Вот уж не вовремя, вот уж не в пору!..
Сколько воды натаскала я в гору:
Время поить лошадей, а сыночку —
Где б ни гулять, лишь бы целую ночку.
Надо за хворостом сбегать, Оняле!
Ужин варить бы, а мы тут болтали!»
— «Мама, я ног под собою не чую.
В сон меня клонит, улечься хочу я!»

Дочку старуха неволить не стала,
Хворосту, щепок сама натаскала.
Она ее отвлекает беседой:
«Йонас и правда что стал непоседой!
Йонас — у Катре, — сама доглядела...
«Дело, мол, есть...» Уж, действительно, —
дело!
Мама, напьюсь молока я, пожалуй,
Да и улягусь, — я нынче устала...»
— «Что ж, принеси молоко с холодочка,
Миски да ложки на полочке, дочка».
— «Мама, сама уж меня накорми ты, —
Что-то умаялась, — ноги разбиты...»
— «Вот молочко тебе, хлебушек свежий...»
— «Мама, ну что ж ты, — а ложка-то где же?»
Мать второпях у стола гоношила,
Глядь — а похлебка огонь затушила!
Над очагом причитает старуха,
Дует на угли и кашляет глухо...
(Видел я семьи несчастные эти,
Где набалованы сызмала дети!)
Вот и отец возвращается с пашни.
В доме царит беспорядок всегдашний.
«Йонас-то где? Иль гуляет до свету?
Чуть отвернешься, его уже нету!»
— «Всякий-то день недоволен ты сыном!
Вспомни, — у нас ведь остался один он.
Только что был, не прошло и минуты, —
Воду носил... иль не видишь ты будто —
Бочки полнехоньки... Всё тебе худо!
Лучше бы в стойло сходил ты покуда,
Хоть лошадям бы засыпал болтушку,
Хоть бы сенца им подбросил в кормушку!..»

Вскоре из стойла вернулся хозяин.
Голоден, видно, и крепко измаян.
Из очага будто тянет угаром,
А от похлебки не пахнет наваром.
Ужинать сели. Хозяин не в духе.
Он говорит с укоризной старухе:
«Где ж наши дети? Иль впрямь не обидно?
Что же ни сына, ни дочки не видно?

Йонас — как месяц молоденький, право!
Был, да пропал... на уме лишь забавы!
Ты камфару, может статься, видала?
Только положишь — ее уж не стало.
В поле не вижу сынка никогда я.
Где он скрывается — не угадаю.
Разве не горько, старуха? Мне в сердце
Будто насыпали жгучего перца!»
— «Полно, старик! Говорится не зря ведь:
«Как же своим-то весам не слукавить?»
К детям родным снисхожденья не знаешь.
Хвалишь соседских, а наших ругаешь!»
— «Лучше молчала бы! Мелешь не дело!..
А ведь похлебка, никак, пригорела?
Вкусу в ней нету... в похлебку не соли,
Горькой золы ты насыпала, что ли!..»
— «Так вот и скажется первая ложка!
Ешь, ничего. Ну, а может, немножко,
Как говорится, дымком прихватило:
Щепок сырых я в огонь подложила...
Да и горчит-то тебе, может статься,
Лишь оттого, что привык ты ругаться,
А от ругательства да от злословья
Можно и вовсе лишиться здоровья».
— «Дочку за хворостом что ж не послала?»
— «Как же, она еле ноги таскала!
Ужин кончай да ложись поскорее,
Я от попреков твоих одурею!»
Она во сне рассмеялась лукаво:
«Юргис, увидят! Вот бешеный, право!
Юргис, в ольшанике ветер не свищет,
Тихо, тепло, и никто не разыщет...»
«Слышишь? — промолвил отец огорченно. —
Надо следить хорошенько за Оной!»
— «Полно! В ольшанике нашу корову
Вместе искали, и ей, видно, к слову
Юргис пришелся во сне... Ты повсюду
Видишь дурное, и всё тебе к худу!»
— «А по тебе — лишь бы деток не трогать.
Сладкий-то мед превращается в деготь!
Детям твой мед не покажется сладок.
Видеть не хочешь их скверных повадок.

Йонас-то где? Разве это порядок!
Эх вы, потатчицы! Будьте умнее.
Дочка обмолвится, жарко краснея, —
Стойте и денно и нощно на страже,
После спасибо вам скажет она же.
Матери, тешась обманом до срока,
Сетуют горько, страдают жестоко.
Вовремя дочке не скажут ни слова,
А согрешит — удавиться готовы.
Эти уж мне вечеринки да свадьбы!
Девушек вовсе туда не пускать бы!
Да и на ярмарках пакость одна лишь.
Частый орешник — и тот не похвалишь.
Девке молоденькой дай только волю, —
Худо бывает, — не знаешь ты, что ли?
Грех-то грозит ей бедою большою.
Гибнут не только что телом, — душою.
В омуте смрадном увязнуть легко им,
И не спасешь, хоть завоешь ты воем.
Может, для дочки, балованной с детства,
Мать раздобудет запретное средство,
Так ведь оно не задаром дается, —
Сколько скота распродать ей придется,
Все-то карманы повывернуть надо,
Чтобы спасти неразумное чадо.
Как после этого людям в глаза-то
Станешь смотреть, коль кругом виновата?
Иль твое сердце и слепо и глухо?
Иль ты стыда не боишься, старуха?
Слышал не раз я, овцу остригая, —
Жалобно блеет овечка другая,
Чует, что так же поступят и с нею.
Вот и выходит, что овцы умнее,
Овцы, выходит, понятливей стали
Старых старух... Поумнеть не пора ли?..
Помни, ой, помни о нашей Оняле!»
— «Да отцепись ты, терновник колючий!
Не накликай ты мне горя, не мучай!
Только ль на матери тяготы эти?
Разве отец за детей не в ответе?
Разве Оняле тебе не родная?
Разве, коль что, виновата одна я?

Если завою — смеяться не будешь!..»
— «Ох, неразумно, кукушечка, судишь:
«Если отец, мол, нежалостлив к детям, —
Я пожалею...» и портишь их этим.
Наши, поди, с колыбели не знали —
Матери слушаться надо, отца ли.
Ветер мотает колодезный очеп
Влево и вправо — сломать его хочет,
Да и сломает, коль нету опоры...
Ну, на сегодня кончай разговоры.
Больно уж любишь перечить да спорить.
Поговорим на досуге вдругорядь...»

. . . .

Так и окончился день тот весенний.
Доброй вам ночи под звездною сенью!
Я вам желаю покоя и лада...
Хаты другие проведать мне надо.

. . . .

Так и окончился день тот весенний.
Спят хутора под прохладною сенью...
Я прохожу мимо клети просторной.
Слышу там гомон и топот задорный,
Звонкую песню, которая в поле
Нынче с восхода носилась по воле.
Тут что ни вечер — и все это знают —
Парни да девушки шум поднимают.
(Йонас тут мигом находит работу...)
Если ж сюда вы зайдете в субботу,
Дым коромыслом стоит до рассвета.
(Оне и Юргису пó сердцу это.)
Тут в воскресенье парнишки-подпаски
Также гуляют и пьют без опаски...
Вянет трава, где змея проползает.
Девушка, здесь побывав, увядает,
В чарке не видит зловещей угрозы...
(Нынче-то смех, а назавтра-то слезы!)
Всё, что иные считают забавой,
Юной душе обернется отравой.

. . . .

Звезды спокойно горят, но иная
Падает наземь, покоя не зная.
Свет у другой и двоится и дразнит,

Третья мгновенно бледнеет и гаснет...
Только что видел я тайны заката.
Вот уж когда в небесах чудеса-то:
Белое облачко голубем взмыло,
Коршун погнался за ним чернокрылый —
Черная туча... а серые тучи
Нагромоздились обрывистой кручей...
Вот — очертанья еврейской повозки,
Оледеневшего озера блестки,
Тройка коней, а быть может — четверка..
Тут же увидишь, коль всмотришься зорко:
Волки преследуют стадо баранье,
Но изменяются вдруг очертанья
И на бледнеющем небе — изгибы
Темно-багровой, невиданной рыбы.
Лев, потрясающий огненной гривой,
Преображается в новое диво, —
В город разбитый, где груды развалин,
Рдяный кирпич и сверканье окалин,
Город сменяется зыбкой горою...
Многое в небе увидишь порою.

ВЕСНА 1863 ГОДА

Нынче весна перепутала сроки —
Раньше проснулись весенние соки,
Раньше обычного травы и воды
К свету и жизни вернула природа.
Снег почернел, истекая слезами,
Скрылся от солнца в зияющей яме.
Звонко несутся потоки, чтоб вскоре
С шумом ворваться в Балтийское море.
В почках ольшаника трудятся пчелы.
Мухи затеяли танец веселый,
А комары — и они наготове —
Раньше обычного требуют крови.
Что же с кукушкой случилось такое?
В голосе тоненьком нету покоя.
Смысл ее темных речей нам неведом —
К счастью кукует она или к бедам?

Стадо не щиплет траву и в тревоге
Носится с ревом по мокрой дороге.
Трутся быки о коряги рогами,
Будто готовятся к битве с врагами.
Может быть, волк пробежал где-то рядом?
То ли тревогу почуяло стадо —
Злое поветрие с дальнего юга?
Носятся кони легко и упруго,
Воздух они рассекают, как птицы,
Словно собою хотят похвалиться:
«Вот мы какие — свободны и быстры».
В узких глазах разгораются искры.
Ноздри расширены, вскинуты морды,
Сильные шеи изогнуты гордо.

«Где он — мой всадник? — в глазах
у Гнедого, —
Где мне найти молодца удалого?»
Вытянул шею и смотрит по кругу —
Кто там идет по зеленому лугу?
Статный, высокий, красивый собою,
Быстро идет он, играя уздою.
Дважды «куж-куж» долетело до слуха,
Поднял Гнедой островерхое ухо,
Птицей взвился — заиграли подковы.
Любо взглянуть на красавца Гнедого.
Сильный и ладный, и чуткий на диво.
Рвет он подковами жесткую ниву.
Встрече с отважным хозяином рад он.
Встал, точно вкопанный, с юношей рядом
И о плечо его трется игриво.
Гладит хозяин волнистую гриву.
Мягкой ладонью ласкает Гнедого.
Вот оседлал его. Пó лугу снова
Конь проскакал и умчался куда-то.
Вешняя травка подковами смята.

Вслушайся чутко. Прилежно гляди.
То ли увидишь еще впереди.

Кажется — облако в воздухе синем
Держит на крыльях орел могучий.

Свистом пугает гусят и гусыню.
Как им от смерти уйти неминучей?
Гусь приподнялся одним движеньем —
Смотрит он вверх настороженным глазом,
Выставил белую грудь отважно.
Только увидел орла — и сразу
Он зашипел, как змея, протяжно,
Словно промолвил: «Готов к сраженью».

Аист кричит, изгибая шею, —
Пусть не тревожится аистиха,
Малых детенышей грудью грея.
Смелый отец не допустит лиха,
Полон решимости он великой,
Клюв из гнезда выставляет пикой, —
Милых птенцов не отдаст злодею.
«Я проколю твое сердце злое,
Сердце, живущее только разбоем».

Пестрый петух кричит с верхотуры:
«Куры, не ссориться. Прятаться, куры!
Злобный разбойник над нашим жилищем
Жертву себе беззащитную ищет!»
Разом вскочили пеструшки, хохлатки,
Мечутся пó двору в беспорядке.
«Прячьтесь скорее, покуда живы!»
Бросились куры в кусты, в крапиву.
Даже одна без дыханья упала —
Так ее тень от орла испугала.
Крыльями машет отважный кочет,
Словно прогнать лиходея хочет —
«Кáду-кадý, я на битву иду!
Разве я курочек дам в беду!
Голод сведет твое жадное брюхо,
Ты не увидишь куриного пуха!»

Вслушайся чутко. Прилежно гляди.
То ли увидишь еще впереди.

Люди судачат — там, на погосте
Вышли наружу белые кости.

Кости лежат на кладбище безлюдном,
Будто бы день начинается судный.
Будто бы мир отошедших далеко
Вылез на землю из ямы глубокой.
Их закопали, накрыли крестами —
Вылезли вновь погребенные в яме.
Вышли как будто бы прадеды, деды
Внуков живущих подслушать беседы.
Будто глядят на преемников строго:
«Вы не забыли отчизну и бога?
Так же ли вы, как и деды, готовы
Встретить противника строем суровым?
Уж не забыли вы заповедь славных
Наших обычаев стародавних?»

Люди судачат — верь иль не верь им, —
Будто открылись небесные двери,
Тысячи солнц расплескались по свету,
Всё озаряя невиданным светом.
Падали, падали солнца, сверкая,
Падали, гасли, земли достигая
С гулом и грохотом, будто бы в бурю.
После полнеба покрылось лазурью,
И появился тогда из тумана
Воин в обличии великана.
Словно орешник под грузом орехов,
Гнулся солдат от тяжелых доспехов.
Вдруг появился неподалеку
Новый солдат — молодой, невысокий,
Ликом отважен и крепок он станом.
Прямо идет он на великана.
Словно крестьянин — труженик бедный,
Не блещет солдат амуницией медной,
Нету оружья в руках у солдата,
Да и одежда его не богата.
И волочится тенью косою
Следом за ним косовище с косою.

Влево и вправо, и прямо и боком,
Шагом шагает и скачет он скоком.
Кажется, будто бы он для забавы
Прыгает зайцем — то влево, то вправо.

То он бежит, то ползет еле-еле,
Ближе и ближе к намеченной цели.
Брызжет свинец из ружья великана.
Сполохом пламени даль осияна.

Если бы выстрелы в цель попадали,
То неприятель бы спасся едва ли.

Глыбой стоит, опустивши забрало,
Будто бы статуя без пьедестала.
Сыплются пули неистовым градом.
Дрогнули в небе Луна и Плеяды.
Будто бы свечки в подсвечниках белых
Бледные звезды дрожат оробело.
Всё приближается воин-крестьянин,
Всё сокращается расстоянье.
Не миновать рукопашного боя —
Выставил штык великан пред собою.
Меньший солдат надвигается смело,
Косу взметнул, и она зазвенела,
Над головами сверкнув полосою.
Снова солдат замахнулся косою.
Вот он ударил с удвоенной силой —
И голова у врага отскочила
И покатилась и покатилась...
Так в поднебесье борьба завершилась.
Серые тучи алыми стали,
Будто бы кровью их пропитали.
На небо смотрят бледные люди:
«Что ж это будет, что ж это будет?»

Вслушайся чутко. Прилежно гляди.
То ли увидишь еще впереди.

Больно, когда разрывают на части
Сердце две равные сильные страсти —
К близким любовь драгоценнее жизни,
Но еще выше любовь к отчизне.

В стеклах прозрачных играет солнце,
Юная девушка у оконца
Тихо вздыхает и шьет прилежно.
В тоненьких пальчиках белоснежных
Сталью поблескивает иголка.
Что эта девушка шьет из шелка?
Кажется — юная мастерица,
Хоть и спешит, а дошить боится.
Платье себе она шьет для бала?
Ткани для бального платья мало.
Ровно ложится за строчкой строчка,
Девушка воину шьет сорочку.
Слезы блестят на ее ресницах,
Локоны желтые, как пшеница,
Сами на плечи волной упали,
Вся побледнела она от печали.
Если на слабый росток зеленый
Северный ветер дует студеный,
Никнет росток, увядая до срока,
Так и она от печали глубокой
Никнет, головку свою склоняя.
Что за тревога ее снедает?
Стук ли услышит, войдет ли кто-то,
Вздрогнув, бросает она работу.
Вот отворяется дверь широко,
В комнату входит старик высокий,
Широкоплечий и величавый —
Самый могучий дуб средь дубравы.
Точно нетронутый снег пушистый,
Только что выпавший, свежий, чистый —
Белые волосы исполина.
Но, несмотря на его седины,
Слезы в глазах старика: «Ах, дочка!
Вижу — почти что готова сорочка.
Всё снаряженье уже готово.
Если б господь услыхал мое слово,
Как бы я счастлив был лечь в могилу,
Только бы сыну смерть не грозила!
Что же мы сделать, родная, можем?
Плача, мы только страданья множим.

Я не ропщу. Наше дело свято.
Долг призывает, Пятруте, брата».

Грозное пламя — любовь к отчизне —
Если возникло однажды в жизни,
Если когда-нибудь искрой малой
В сердце мятущееся запало, —
То не найдется на свете силы,
Чтоб это полымя погасила.
К западу солнце уже клонится —
Время настало для них проститься.
Брату сестра отдает рубашку.
Час расставания... Ах, как тяжко
Сердцу, изведавшему кручину!
Старый отец обнимает сына,
К сердцу дрожащей рукой прижимает,
Знаменьем крестным его осеняет.

«Братец мой, вместе с тобой пойду я», —
Плачет Пятруте, его целуя.
«Что ты, сестрица? Останься дома,
Будешь опорой отцу седому».
Час расставания... Что за мука —
Этот последний час пред разлукой!
Вот одевается он проворно —
Серая куртка и пояс черный.
Порох, свинец берет напоследок,
Старый мушкет — достоянье деда.
Вот он, крестясь, целует распятье.
И на прощанье — опять объятья.
Вышел на улицу за ворота.
Точно он в лес идет на охоту.
Отблеск последний блеснул в тумане.
Вот уже скоро и ночь настанет.
В низком кустарнике, там, за лугом,
Всадники движутся друг за другом.
Горько расстаться с родимым кровом,
Но за отечество все готовы
С жизнью проститься. Какая же сила
Этих людей на борьбу вдохновила?
Родине милой нужна защита.

Вот что влечет их сильней магнита.
Что им сокровища целого света?
Был бы лишь порох, да были б мушкеты.
Коли их нет, так простая дубина
Станет оружьем в руках у литвина.

Грозное пламя — любовь к отчизне —
Если возникло однажды в жизни,
То не найдется на свете силы,
Чтоб это полымя погасила.

Слабые духом, рабы наживы,
Вам незнакомы эти порывы!

Вслушайся чутко. Прилежно гляди.
То ли увидишь еще впереди!

Что за весна в этот год такая —
Дружная, ранняя да сухая!
Я уж не помню, когда впервые
Нынче цветы увидал живые.
Что же так рано — к добру ль, к беде ли
Кисти черемухи забелели?
В рощах давно распевают птицы,
Вот уж пробились ростки пшеницы,
Радуясь ласке тепла и света.
Может быть, дважды наступит лето?
Уж не к беде ли на всех полянах
Столько цветов расцвело багряных?
«Тяжко приходится краю родному, —
Парень один говорил другому
Голосом, дрогнувшим от печали
(Йонасом парня этого звали), —
Глянь, что творится с родной Литвою,
Всюду сады заросли травою.
Девушки наши забыли будто,
Как по весне они сеют руту,
О цветниках уже нет и помину.
Знаешь, наверное, ты Катрину?
Всё она бросила — дом, работу,
Только одна у нее забота —

Конь светлогривый, бесстрашный, верный,
Скачет он по полю легче серны,
Ров ли, канава ли, изгородь сада —
Разве такому коню преграда?
Ты не приманешь его, не поймаешь,
Зря только время свое потеряешь.
А как покличет Катрина — мчится
К доброй хозяйке своей, как птица.
Выйдет Катрина к нему с едою
Да напоит ключевой водою.
Прямо из фартука кормит Сивку,
Гладит тихонечко по загривку.
Взглянет Матеушас на Катрину —
Станет краснее лесной малины.

Все ей знакомы в округе целой.
Видимо, важное делает дело —
Носит какие-то письма тайно.
Раз я увидел ее случайно,
На жеребце ее белогривом
Лопалась пена. Как будто бы пивом
Был он обрызган. Дышал он тяжко,
Словно от волка бежал бедняжка.
Сло́ва Катрина мне не сказала,
Только рукою вслед помахала».

Смелый Матеуш Катрины стоит
Стройностью, ростом и красотою;
И добротою своей сердечной
Стоит Матеуш ее, конечно.
Свадьбу скорей бы сыграть. Да где уж!
Только и знает теперь Матеуш,
Что заряжать свои пистолеты. . .
Что-то готовит грядущее лето? . .
Вслушайся чутко. Прилежно гляди:
То ли увидишь еще впереди.

Все мы прекрасное встретить рады,
Сердцу приятно и радостно взгляду,
Но не всегда одинаково люди
О красоте настоящей судят.

Этот гордится нарядом ярким,
Этот — усадьбой с богатым парком.
Мудрому — добрые чувства дороже
Пышной усадьбы и яркой одежи.

Кажется, будто нечистая сила
Дьявольской прытью коня наделила, —
Не разбирая дороги, несется
Через ограды, через колодцы,
Через кустарник, через болото —
Словно, спасаясь, бежит от кого-то.
В речке студеной не ищет броду —
С лёту бросается прямо в воду,
Не постояв ни мгновенья на месте, —
Видно, у всадника спешные вести,
Видно, рискует он не напрасно.
Вот он коня усмиряет властно
Перед прохожим седоголовым.
Он произносит какое-то слово
И, наклонившись к путнику низко,
В руки ему отдает записку.
Снова неистовый всадник мчится.
У старика — слеза на реснице.

Как растревожена вся округа!
Пахарь в раздумье стоит у плуга:
«Не поискать ли мне новой доли, —
Бросить хозяйство, покинуть поле
Да и отправиться к этим смелым
Людям, творящим доброе дело?
Много о них говорят в народе:
К честным идут, а дурных — обходят».

Что ж это с миром нынче творится?
То ли он сгинет, то ль возродится?

Сосны шумят, в свой шатер призывая
Честь и защиту родимого края.

Сколько в сосновых лесах Жалиойи
Сломанных веток, опавшей хвои!

Сколько в зеленых густых дубравах
Нынче деревьев стоит дырявых!
Будто бы соль на огне — мушкеты
Скороговоркой трещат сухою.
Пули жужжат, словно пчелы летом.
Рой вылетает навстречу рою.
Этому — в голову, этому — в ногу,
Этому — в сердце вонзают жало.
Много убитых, раненых много.
Красной земля под ногами стала.
Раненый всадник, с коня сползая,
Падает грудью в густые травы.
«Я за тебя, о Литва родная,
Счастлив погибнуть в бою кровавом!»
Друг его лучший к нему подходит
И, на коня с трудом поднимая,
В руки ему отдает поводья:
«Конь донесет до родного края,
Бог милосерден, и в благостыне
Он не откажет тебе, мой милый.
Я же — бороться буду отныне
За нас обоих с двойною силой».
Поцеловались друзья в печали,
Скрылся один в непроглядной пуще.
Ведать не ведают — суждена ли
Радость свидания им в грядущем.

Конь по тропинке идет, хромая,
Землю он метит полоской алой.
Близко деревня его родная,
Только у всадника сил не стало.
Хоть он и держит ладонью рану,
Кровь по одежде течет струею.
«Скоро дышать я совсем перестану.
Скоро глаза навсегда закрою.
С вами прощаюсь, родные нивы.
Пусть забирает меня могила.
Только б другие все были живы,
Только бы Йонаса смерть пощадила,
Пусть возвратится в семью родную,
Чтобы отец не ослеп от горя».
Всадник упал на траву сырую,

Боль затаив в потускневшем взоре.
«Вот наступает моя кончина.
Мне не подняться теперь вовеки.
О, если бы ты подошла, Катрина,
Чтоб навсегда опустить мне веки».
Конь опечаленный ходит рядом,
Будто бы всё понимает тоже.
Смотрит на юношу добрым взглядом,
Только помочь он ему не может.

Вдруг встрепенулся конь белогривый.
Слышит он ясно — неподалеку,
Где серебрятся на солнце ивы, —
Девичий голос поет высокий.
Чей это голос такой унылый?
Может быть, конь белогривый знает?
Вот он бежит, напрягая силы,
На ногу раненую хромает.

Стрелку магнитную север манит,
Будь она даже на самом юге.
Разум Катрины мечтами занят
О ненаглядном, далеком друге.
«Что-то неможется мне, сестрицы,
Сердце встревоженное заныло.
Чувствую, что-то должно случиться.
И ничего мне теперь не мило.
Солнце омыто в крови горячей,
Небо одето ружейным дымом.
Всё не по-прежнему, всё иначе,
Всё мне постыло в краю родимом.
Ноги не держат и руки слабы.
Даже работа из рук валится.
Только молиться теперь могла бы, —
Может, помолимся мы, сестрицы?»
И зазвучало над тихой нивой:
«Веруем в милость твою, о боже!»
Как их молитва звучит тоскливо,
С заупокойной молитвой схожа!
Только молитву они допели,
Как перед ними явилось чудо:

Конь белогривый стоит еле-еле.
Как появился он? И откуда?
Кровь залила ему грудь и гриву,
Кровью горячей бока залиты.
Красные капли текут на ниву,
Раны зияют, в крови — копыта.
Как увидала коня Катрина,
Словно подкошенная упала.
Вот где тревоги ее причина.
Чуяло сердце, да только не знало.
Раненый конь подошел поближе,
Словно зовет он ее с собою —
Руку Катрины тихонько лижет
Мокрой, шершавой своей губою.
«Ты родниковой испей водицы,
Станет полегче тебе, родная», —
Ласково ей говорят сестрицы,
Воду Катрине передавая.
Вот на дороге краснеют метки.
Бедные сестры бредут чуть живы.
Кровью окрашены даже ветки
У серебристой плакучей ивы.
Воин лежит на земле багряной,
Страшные раны на белой коже.
Муха жужжит над открытой раной,
А отогнать он ее не может.
Так повстречался жених с Катриной, —
Даже не мог шевельнуть рукою.
Только и смог он перед кончиной
Тихо промолвить: «Господь с тобою».

Горькие думы, вы горше перца.
Мертвых оплакивают живые.
Помним еще мы памятью сердца
Те незабвенные дни роковые.

Многие парни в ту грозную пору
Путь свой направили к темному бору.
Как-то средь нас появился новый
Юноша смелый, на всё готовый.

Был он не слишком высок, но строен.
Был он особенно ладно скроен.
Ясность такая была во взгляде,
Что полюбился он всем в отряде.
Он говорил и умно и ясно.
Сам никогда не болтал напрасно.
И болтунов осуждал сурово.
В рот никогда он не брал спиртного.
Спал он урывками. Ел он мало.
Что-то всегда его угнетало.
«Вражеской крови я только жажду!» —
Вот что сказал он друзьям однажды.
Если в дозоре был — до рассвета
Не выпускал он из рук мушкета.
Добрый советчик, товарищ верный,
Да и храбрец он был беспримерный.
Вечно тот юноша был в печали.
Слезы не раз на глазах блистали.
Но о себе говорил он мало.
Грустный сидит у костра, бывало.
Видим — гнетет молодца кручина,
Только неведома нам причина.
В жизни бывает — вдруг из тумана
Солнечный луч промелькнет нежданно,
Самого мрачного луч коснется —
Светлой улыбкою он улыбнется.
Бедного юноши облик милый
Тень от улыбки не посетила.
Часто во сне бормотал он странно:
«Конь окровавленный! Гляньте — рана!»
— «Что тебе снится, дружок, такое,
Что и во сне не дает покоя?»
Глянет, бывало, он сквозь ресницы:
«Кровь, — отвечает, — всё время снится».

Как он стрелял из мушкета метко!
Выстрелы цель обходили редко.
Спрячется в чаще в зелень густую,
Капли свинца не потратит впустую.
Помню последнее наше сраженье,
Наше жестокое пораженье.
Мы уступали противнику в силе,

Царские ратники нас потеснили.
Хоть мы и били их без пощады,
Но приказал командир отряда
Нам отступить. И свинца не хватало,
Да и людей оставалось мало.
Только один не ушел с отрядом
И не покинул своей засады.
«Я не хочу уходить отсюда,
Буду стрелять и стрелять, покуда
С жизнью расстаться придет мгновенье, —
Пусть будет полным мое отмщенье».

Над Литвой нависло горе —
Братья с братьями в раздоре!

Сердце поныне о прошлом тужит,
День ото дня становилось хуже.
Помню печальную пору эту —
Пороха нету, мушкетов нету.
Даже отважные духом пали.
Тот, кто надеждой горел вначале,
Сдался, в победу свою не веря,
Горько оплакивая потери.
Этот — другую надел личину,
Гнет пред врагом раболепно спину.
Тот — развалился в своей постели, —
Знать не желает об общем деле,
Рады тому, что остались живы,
Ждут от собратьев своих поживы.
Вслед за утратой — еще утрата.
Брат ополчается против брата.
Сколько доносчиков всюду стало!
Словно змеиное злое жало,
Их языки пропитались ядом.
Тех предают, с кем сражались рядом.
Что же о времени зла, смятенья
Скажут грядущие поколенья?
Горькое горе царит в народе —
Наши отряды, полки в разброде.

Многие люди, боясь расправы,
Скрыться спешат поскорей в дубравы.
Пусть там и голод их ждет, и муки,
Только б врагу не попасться в руки!
Многие жизни себя лишают,
Если спастись от беды не чают.

Был я заброшен в то время судьбою
К месту последнего нашего боя.
Там, в тишине, под сосною высокой
Юноша-воин лежал одиноко.
Мертвые руки сжимали двустволку...
Даже коварному, жадному волку
Жаль было тронуть лицо молодое —
Светлое, ясное, точно живое.
Будто заснул он совсем недавно,
Этот молоденький воин славный.
Кто ж это чистый такой и невинный?
Я вам отвечу сейчас — Катрина.

ОЧНИСЬ

Очнись скорее, де́вица, проснись,
Ведь солнце, уж давно забравшись ввысь,
Скользит лучами по щекам твоим,
Как бы вернуть румянец хочет им.

Проснись и глазки ясные открой,
Пусть вспыхнет снова свет их голубой,
И губы разомкни и, воздух ртом
Глотнув опять, порадуй хоть словцом.

Но не вздохнет, не шевельнется вновь,
В прожилках тонких не струится кровь...
Ужель надежды тщетные таю,
И смерть над ней простерла тень свою?

О нет! Я верю вопреки всему,
Что ты жива, ты не ушла во тьму.

Не над тобой могильная трава,
А надо мной пусть прорастет сперва.

И вдруг я слышу голосок ее:
«Зачем мне сердце отдаешь свое
И снова хочешь пробудить от сна,
Ведь на земле я лишь тебе нужна.

Я угасаю, но любовь людей
Животворящей силою своей
Меня спасти могла бы от беды, —
Она одна — родник живой воды.

И если впрямь вы любите меня,
И светлого желаете мне дня, —
То помните, что бог всё создает,
И рушит всё, и снова жизнь дает».

НА ГОРКЕ

И отошло сверкающее лето,
И поле пасмурным и скучным стало.
И золотистых скирд на ниве нету,
И куковать кукушка перестала.

И всё печальней листьев шорох сонный,
Везде, на всем осенняя усталость,
И не видать нигде травы зеленой,
Следа и то от лета не осталось.

Уже прошел косарь с косою звонкой,
А если где она и оступилась,
Там жадно дощипала всё буренка, —
Земля поблекла, сникла, изменилась.

Как время всё вокруг преображает!
Уже пожухла сизая осина.
Так юноша, придя в года, мужает,
И стариком становится мужчина.

* * *

Вновь весною вторгся в лес дремучий
Милый хор его гостей,
И, на иве спрятавшись плакучей,
Славит счастье соловей.

Как прекрасны над Литвою зори,
Голосист ее певец.
Почки вспухли на кустах, и вскоре
Вспыхнут листья наконец.

В лад певцу поют кусты ракиты,
Молодая зелень трав.
Что ж он смолк и, словно камнем сбитый,
На земле лежит, упав?

Ловит воздух клювиком всё реже.
Только что за волшебство! —
Как живой водой, росинкой свежей
Листик оживил его.

Он встает, расправил крылья снова,
Вновь поет, но всё же я
Слушаю певца уже другого —
Плачущего соловья.

Стало всё другим. На речке словно
Некому белить холсты,
В праздники не слышен звон церковный,
Черными стоят кусты.

И моей без времени забытой
Песни не слыхать нигде,
Хоть и звал я: «Встань, мужик несытый,
Помоги своей нужде».

И куда б я, загнанный судьбою,
Ни попал, я вновь пою.
Но нигде, ничем не успокою
Душу бедную мою.

Всё же, коль расстанусь с песней милой, —
Согрешу я пред людьми.
С песней жил я, с песнею, могила,
Бедняка к себе прими.

Может, над черемухой пахучей,
В зелени ее ветвей,
Ладу тихому моих созвучий
Будет вторить соловей.

ЖАВОРОНОК

Жаворонок милый, жаворонок пестрый,
Что умолк ты, бедный, что поник, скорбя?
Может быть, как зельем, осень болью острой
Напоить успела, милый, и тебя.

И весна и лето пролетели, будто
Майская хмельная ночь. И вот зима
Вскоре распахнет ворота стуже лютой,
Превратит в сугробы низкие дома.

Помнишь ты: недавно зелень молодая
Наливалась соком, нежась на ветру.
Что же он теперь спешит, ее срывая
Наземь, как сухую сбросить кожуру?

Ох, и думать страшно, что придется вскоре
Мне, от стужи ежась, на ветру дрожать.
В путь ты соберешься, и опять на горе
Я один останусь дома зимовать.

Жаворонок милый, об одном прошу я:
Как поймешь, что дело близится к весне,
Хоть на этот раз, тепло ее почуя,
Поспеши пораньше прилететь ко мне.

Ибо сердце мне тоски сжигает пламя
И беду с печальным взором стерегу,

Слышишь ты, как часто плачу я ночами,
И во сне найти покоя не могу.

Мы сродни с тобою, певчие мы птицы,
Чтобы петь мы оба рождены на свет,
Но с людьми ты песней счастья рад делиться,
О печальной доле им поет поэт.

Коль меня не встретишь, друг мой долгожданный,
Под березкой этой светлым майским днем,
Значит подле церкви, там, где холм песчаный,
Под крестом могильным сплю я вечным сном.

Обещай тогда мне, жаворонок милый,
В час, когда над полем будет зной густеть,
Прилететь ко мне и над моей могилой,
Поминая друга, песни свирестеть.

ОДИН

Должно быть, ныне памятны лишь мне
Те дни, когда я в рощице ольховой,
Один, в дремотной летней тишине,
Мечтам заветным предавался снова.

А жаворонки, весело свистя,
Как бы играя, вились у опушки:
«Ты здесь всегда один сидишь, грустя,
Не скучно ль жить без друга, без подружки?»

И соловей в густой листве осин
Пел, словно голос пробуя вначале:
«Напрасно ищешь, сидя здесь один,
Ты исцеления своей печали».

Кукушка в роще, увидав меня,
Насмешливо и звонко куковала:
«О чем он плачет здесь один, стеня,
Чего от жизни хочет этот малый? . .»

Там молодежь, цветов нарвав сперва,
Плетет венки, и пляшет и хохочет,
Да так, что облетит с кустов листва,
А он в тоске бог знает что бормочет...

Невдалеке, перерезая луг,
Блестела речка. Слышалось мне глухо,
Как в ней рыбешка всплескивала вдруг,
За комаром охотясь или мухой.

Так приходил по праздникам сюда
Мечтать я в одиночестве тем летом.
О чем — не знали люди и тогда,
А уж теперь — что думать им об этом.

Мечты! Они заставили звенеть
Такие же простые строки вскоре.
Ведь сердцем, не успевшим очерстветь,
Народа моего владело горе.

Но если западут мои слова
В сердца людские искрами живыми,
То, верю, будет и для них Литва
Звучать, как матери святое имя.

1870

АНУПРАС ЯСЯВИЧЮС

А. Ясявичюс родился в 1809 году в семье свободных крестьян в Палепяй (неподалеку от Бетигалы). Долгое время он был настоятелем в Ариогале. В 1863 году, сочувствуя повстанцам, читал воззвания и за это был сослан царским правительством в Сибирь.

Закованный в кандалы, он шесть лет пробыл на каторге, затем долгое время жил в Тунке, а позднее в Спасске. Из ссылки вернулся в 1884 году и поселился в Илукште (в Латвии), где в том же году и скончался.

В зрелые годы жизни Ясявичюс много времени и сил отдавал литературному творчеству. Известно, что он написал объемистую книгу «Ссылка и возвращение» (рукопись ее состояла из 500 страниц) и пять томов стихотворений. Однако не все эти произведения дошли до нас. Сохранились только «Послания из Спасска» — письма, написанные в Литву, которые вместе с включенными в них стихотворениями были опубликованы в периодической прессе.

ТУНКА И ИРКУТ

На Саянах взяв начало,
Меж корнями зажурчала
И пробилась струйкой тонкой
Тунка — малая речонка.
Шаг за шагом, пядь за пядью,
По оврагам, падь за падью
Вьется Тунка, силы множа,
Шире, глубже роет ложе...
Мирно движется по взгорью,
Хоть предчувствует, что вскоре
Сквозь гранитные устои
Пробиваться будет с бою...
Но пока она спокойна, —
Что ей будущие войны?

Катит воды через пущи
И зеленый луг, цветущий,
Золотой дарит росою...
Блещет синей полосою
Меж дерев лесного края,
Аромат листвы вбирая.
Берега к ней льнут в молчаньи,
Но зато ручьи с ключами
Вкруг нее, звеня, хлопочут
И без устали бормочут...
К Тунке тайною тропою
Звери ходят к водопою.
Птица, птицу звонко клича,
К ней слетает за добычей...
У реки — гостей без счета:
Этот вышел на охоту,
Тот закинул в воду сети...
На песке резвятся дети,
Удят рыбу, роют лунки...
Есть про всех у щедрой Тунки
Ветер, воздух, дичь и рыба,
И не нужно ей «спасибо»...
Для чего реке награда?
Чем богата, тем и рада,
Добротой своей довольна...
Так текла она привольно
Через рощи и поляны,
Но негаданно-нежданно,
В злополучную минуту
Вдруг завидела Иркута.
Страшно дальше вóды несть ей!
Так и стала бы на месте,
Да нельзя — не хватит силы...
Молвит Тунка: «Братец милый!
Я — сестра твоя меньшая,
Я тебе не помешаю!
Сдвинься влево хоть немного,
Малой Тунке дай дорогу!..
Все дела решим в беседе.
Будем добрые соседи,
Заживем в ладу и в мире...
Ты, что всех мощней и шире,

Под свою возьми опеку
Тунку — маленькую ре́ку!..
Буду я во всем покорной...»
Но, покрывшись рябью черной,
Бровь косматую нахмуря,
Стал Иркут чернее бури
И взревел, ярясь от гнева:
«Ни направо, ни налево
Не видать тебе дороги,
Не знавать тебе подмоги!
Мне ль, славнейшему в Сибири,
Жить с какой-то Тункой в мире?..
Пред ничтожною речонкой
Мне ль сворачивать в сторонку?!
Червяком ползи обратно!
Я не брат тебе, понятно?
Видишь тот хребет могучий?..
Я зубами вгрызся в кручи!
Разорвал тугие звенья,
Горы разметал в каменья!..
И дрожмя дрожали скалы
От свирепого оскала!
Кедры — от вершин по корни —
Стали кустиков покорней.
Погляди на этот берег —
Сколько ям?.. Сочти!.. Измерь их!
Всё моя ломила сила,
На пути моем сносила
Всё, что только повстречалось,
Всё, что мне мешать пыталось!..
Я с тобой родством не спутан!
Все ничто — перед Иркутом!»
Смолк Иркут... Но речка Тунка
Натянулась, словно струнка,
Так и пенится в обиде...
«Эй, Иркут!.. Ты вепрей видел,
Пробегая через дебри?..
Небольшие звери — вепри,
А пронзают всех клыками,
Словно острыми клинками,
Самого медведя раня...
Страшен, страшен клык кабаний!

Все пред ним дрожат от века,
Разве кроме человека...
Слышишь, плеск воды далекий?
То спешат ко мне потоки —
Родники, ключи без счета...
Наводняются болота...
Слышишь, гром вдали грохочет?
Это бог помочь мне хочет,
Поддержать водой небесной!..
Мне сегодня в русле тесно,
Берег я ломаю твердый...
Я — тебе не ровня, гордый?
Дружба с Тункой — униженье?..
Принимай со мной сраженье!
И в твое крутое чрево
Я ворвусь, кипя от гнева,
Буду рвать его клыками,
Воронеными клинками,
Всё в тебе опустошая,
Я — сестра твоя меньшая!»
Ниже тучи грозовые...
Выгибает Тунка выю,
В ней взыграло ретивое...
Затаилось всё живое:
Утки смолкли поневоле,
Не трещат сороки боле,
Вороньё обсело кручи,
Стали кручи словно тучи...
Громовой удар пронесся...
И на острые утесы
Тунка двинулась с размаху,
В битву ринулась без страха,
Напряглась, дрожит от злости
И удар наносит... Кости
У Иркута захрустели.
Ранен в бок Иркут... У цели —
Тунка... Дальше рвется, тщится
К сердцу вражьему пробиться...
Проникают всюду волны,
Гнева и отваги полны,
Буйно радуясь победе...
...Так косматого медведя

Окружает гончих стая,
Отовсюду наседая...
Но медведь готов к отпору:
Пала первая из своры
Под ударом лапы тяжкой;
С этой, что вцепилась в ляжку,
Он расправился клыками;
С третьей шкуру рвет кусками,
Перешиб хребет четвертой
И над жертвой распростертой
Воет, дик и окровавлен,
Но отнюдь не обесславлен...
Так Иркут на бранном поле,
Почернев на миг от боли,
Прянул кверху, выгнул спину
И, раздвинув котловину,
Вскачь пустился наудачу —
Гордый, гневный и горячий.
Боль его ошеломила,
Но опять вернулись силы.
Он шипит, дрожит от гнева,
И направо и налево
Брызжет пеной... Вся округа
Цепенеет от испуга.
Стал Иркут багрово-синий,
Он разбрасывает иней,
Берега зубами гложет...
Мстит Иркут чем только может
Неповинному народу:
Напрочь сносит огороды,
Избы рушит не натужась,
Всем живым внушая ужас...
Разворачивает недра,
Выворачивает кедры
С их корнями вековыми...
Так, судьбы неотвратимей,
Ураган бушует в роще,
С корнем рвет кустарник тощий,
Ломит ветви... Пыль клубится.
Улетает с криком птица.
Зверь бежит, протяжно воя...
Горе!.. Смерть над головою!

...Страшен вид Иркута в гневе —
В воздух мечет он деревья,
И они в пучине тонут, —
Их проглатывает омут.
Смерть и гибель рассыпая,
Сила буйствует слепая.
Берега — в смятеньи диком.
Дети — те исходят криком,
Суетятся слобожане...
Слышен топ коней и ржанье,
Точно дьявол оседлал их...
Жалкий плач козляток малых,
Визг, мычание, хрипенье —
Точно крики о спасеньи...
От Иркута нет пощады...
Гибнет стадо! Тонет стадо!
Волны лезут отовсюду!..
И звонарь, взывая к люду,
Что есть мочи бьет тревогу,
Призывая на подмогу...
Собрался народ усталый:
Бабы, дети, старый, малый —
Исстрадавшиеся души...
Стали вместе, где посуше.
Кто коленопреклоненно
Крестится, кладет поклоны,
А иной — плечистый, рослый —
В лодку сел, налег на весла
И спешит по водоверти
Тонущих спасать от смерти...
...Петушок, всё это слыша,
Всполошился и — на крышу!
На трубе сидит, понурый,
А вокруг кудахчут куры,
У него ища защиты...
Он кричит на них сердито.
Рыбы спрятались в глубины,
Закопались глубже в тину,
Отдаленной буре внемля...
Рады бы уйти под землю,
Под гнилые корневища,
Позабыв про сон и пищу...

Что ни час Иркут — багровей,
Словно он напился крови.
Злобою клокочет бездна...
Дать Иркуту рог железный —
Ро́гом мир насквозь пробил бы,
Кровь людскую вечно пил бы!.
Но, и этим не насытясь,
Рад бы он, кровавый витязь,
Бездыханным пасть на месте, —
Лишь бы мир погиб с ним вместе!
День людской беды и плача
Для Иркута — день удачи.
Он с годами не добреет.
Ненадолго присмиреет,
Под глубоким снегом лежа,
А весной — опять за то же.
Поползет, виясь как пламя,
Меж крутыми берегами,
Змеем к жертве подберется...
Сотню раз назад вернется,
Чтоб в дугу деревья скрючить,
Доломать, дожрать, домучить!..
Тунка у него во чреве
Плачет, стонет, бьется в гневе:
Больно Тунке, что когда-то
Приняла его как брата...
Стыдно за дела Иркута,
За невидимые путы,
Что связали их до гроба...
«Ненасытная утроба!
Кабы мне собрать всё злое
На земле и под землею,
Бе́ды, что принес ты люду,
Все сложить в большую груду
И в тебя швырнуть всё сразу,
Чтоб померкли оба глаза,
Чтоб к глазам присохли веки,
Чтобы ты ослеп навеки!» —
Так кричит она повсюду,
Так честит его, покуда,
Побелевшие от злобы,
В Ангаре не сгинут оба,

Не поглотит их потоки
Ангары поток широкий...
Так бывает: если двое
Раздираемы враждою,
То они, по большей части,
Гибнут — третьему на счастье.

20 декабря 1876

ВОЛК И ЛИСА

Как-то за речной косою
Повстречался волк с лисою.
Глядь, на отмели пустынной —
Целый полк сидит гусиный.
«Кум, давай, прибавим шагу!
Бог послал их нам на благо!»
Волк, зевая, стал в сторонку...
Закричал гусак спросонку...
Но лиса, блеснув сноровкой,
Всех передушила ловко,
В кучу собрала умело...
Волк меж тем стоял без дела.
Так закончилась охота.
Наступает час расчета.
Серый волк — как можно прытче —
Вдвое сгреб себе добычи.
Затряслась лиса от злобы,
Лает, плачется... Еще бы!
Обошли ее безвинно,
Дали меньше вполовину!
А она ль не хлопотала?!.
«Тише! — волк сказал устало. —
Честно я делюсь с тобою:
Я тебя сильнее вдвое,
И беру себе две трети —
Так уж водится на свете».

И, вздохнув, лиса смирилась:
Треть свою взяла, как милость.

1882

УРШУЛЕ ТАМОШЮНАЙТЕ

У. Тамошюнайте — первая литовская поэтесса, о жизни которой сохранились весьма скупые сведения. Известно, что родилась она в 1847 году, в крестьянской семье. После 1863 года работала учительницей в нелегальных литовских школах. Умерла У. Тамошюнайте в 1906 году.

Некоторые произведения поэтессы были обнаружены в рукописях А. Баранаускаса и вместе с другими текстами опубликованы в 1920 году. Значительно раньше, еще в конце XIX века, анонимно были напечатаны ее баллады «Конская гора» и «Сипсале».

КОНСКАЯ ГОРА

На горе, в недальнем месте,
Где Мустейкиса поместье,
Необуздан, нестреножен,
Конь встречается прохожим.

Ходят слухи: ржет, храпит он,
Бьет на все лады копытом...
Все обходят эту гору
Стороной в ночную пору.

Путь с горы пригож и ровен.
Через ров — мосток из бревен,
Словно круглые ступеньки,
Убегает к деревеньке.

Склон кустарником вскипает.
Что-то там всегда мелькает,
Копошится в чаще темной:
Человек ли? Зверь огро́мный?

Не разглядывал, не скрою.
От других зато порою
Приходилось слышать вести,
Что нечисто в этом месте.

Раз попал там в заварушку
Старый Ке́ршулис, пьянчужка.
Хочешь знать, что с ним случилось?
Ну, так слушай, сделай милость.

Брел он пьяный (но не очень)
Той дорогой среди ночи.
Вдруг — как вспомню, сам робею, —
Кто-то прыг ему на шею!

Не бог весть какой вояка,
Старый Кершулис, однако,
Скинул нечисть, как котомку,
И давай тузить в потемках!

«Выходи, — сказал, — бороться,
Кто б ты ни был, как ведется,
Честь по чести, с глазу на глаз, —
Вмиг собью с тебя я наглость,

Кулаков не пожалею:
В порошок сотру, просею,
Замешу в тугое тесто, —
Будешь знать свое ты место,

Запоешь тогда иначе,
Не по-конски — по-кошачьи!»
Так крича напропалую,
Мнет он, топчет силу злую,

Колошматит так и эдак...
Взмок, несчастный, напоследок!
Только враг молчит зловеще...
Эх, сказать бы что похлеще, —

Да грешно! Ведь вот досада!
А с нечистым нету слада:

Мечется, сбивает с толку;
Не поймешь, баран ли, телка;

Лапы крепкие, что кряжи, —
Бей, тряси — не сдвинешь даже!
Стало старому обидно:
Ночь темна, ни зги не видно,

Жуть его одолевает, —
Но сдаваться не желает.
«Отступись, — кричит, — проклятый!
Не сумеешь взять меня ты!

Сам тебя я, может статься,
Отучу ночами шляться!»
Чу! На крик его во мраке
Отозвался лай собаки!

«Ты, Мурза? Ко мне, скорее!
Рви, хватай его, злодея!»
Тут, сцепившись воедино,
Привидение и псина,

Исходя слюной и злобой,
Укатились в темень оба.
А старик тропой знакомой
Зашагал обратно к дому...

То ли было бы, однако,
Не найди его собака!
Эта быль — не небылица!
Коли хочешь убедиться,
Побеседуй с тем пьянчужкой, —
Сам расскажет всё за кружкой!

А еще, в другое лето,
На горе на Конской этой
Нес дозор Матулио́нис.
Примостился он на склоне.

Было это в полнолунье,
Светлой полночью, в июне.

Прикорнув в траве высокой,
Пес дремал неподалеку.

Сторож чуткий, друг отважный,
Из напастей не однажды
Вот уже восьмую века
Выручал он человека.

В эту ночь, дрожа от рвенья,
Трижды тряс он привиденье
И, лишившись уха в драке,
Выл до света в буераке.

Видел то Матулионис,
И потом, не церемонясь,
Рассказал округе целой,
Как случилось это дело.

Знать, злодеем справедливо
Слыл Мустейкис, — и не диво!

<1885>

СИПСАЛЕ

Из села в село дорога
Через лес бежит полого.
Есть поляна там в низочке.
На поляне — мох да кочки.

Путь нелегкий: грязно, тряско.
Будешь ехать — правь с опаской,
А под вечер и не думай!
Жуть берет: темно, угрюмо.

Людям ночью неохота
Наугад месить болото,
И, к тому же, ходят слухи,
Что живут там злые духи.

С виду лес как лес: осины
Что-то шепчут над низиной;

В ивняке, в тени ветвистой
Льются птичьи пересвисты.

На ловушку не похоже.
Тишь да гладь. И всё же, всё же,
С тем ли, с этим ли, порою,
А случается дурное.

Заведет стрелка охота
В лес, а там незримый кто-то
Как начнет кружить бедняжку
По кусточкам, по овражкам,

Как пойдет морочить эхом,
Запугает плачем, смехом,
Ошарашит, огорошит:
То сопит, то ржет, как лошадь,

То мычит теленком малым,
Заплутавшим, одичалым...
Заведет, утопит в тине, —
Нет охотника в помине!

Слыша о таких повадках,
Все теряются в догадках,
Всяк твердит свое сужденье:
Кто — что это привиденье,

Кто — что висельник, когда-то
Убежавший от расплаты.
А еще, коль верить толкам,
На горе «Собачья холка»

Черный пес являлся, слышь-ка,
С головою что кубышка.
Может, там запрятан где-то
Клад — старинные монеты,

И лежит он, скрыт бесследно,
В сундучке с оковкой медной,
А не то — в горшке для каши...
Попытаем счастье наше.

Покопаем возле брода
Ночью, в ясную погоду!
Ох, как это вышло б кстати
Отыскать богатство, братья!

Было б нам, одетым рванью,
Всем по шубе по бараньей,
Не пришлось бы в час обеда
Хорониться от соседа

И просящих ради бога
Гнать угрозой от порога...
Но богатство — всякий знает —
К беднякам не прилипает.

Неспроста у нас поется:
«Не положишь — не найдется!»
Много наших втихомолку
Рыли клад, а всё без толку, —

Денег нету и поныне...
Но зато уж в чертовщине
Недостатка мы не знали!
Как-то раз и мне в Сипсале

Привиденье повстречалось.
Ехал шагом я. Смеркалось.
Полегоньку, понемногу
Пробралá меня тревога,

И хоть не с чего, а всё же
Пробежал мороз по коже.
Вдруг — аж дух перехватило! —
Страшный, словно из могилы,

Старец вырос на поляне,
Борода — что иней ранний.
Постоял и скрылся разом.
Не успел моргнуть я глазом, —

Появляется цыганка,
Трижды в бок ей лихоманка!

Темноглаза, чернотела,
Словно в печке обгорела;

Так и вьется пред глазами,
Семенит, трясет плечами,
Машет пестрым полушалком,
А потом как схватит палку!

Вздрогнул я: «Не выйдет, шутишь!
На-ка, видишь этот кукиш?!»
Тут она без слов, без крика
Повела глазами дико

И пропала, слава богу.
Знать, в беде и шиш подмога.
Конь мой выехал к опушке.
Кровли ближней деревушки

Проступили из тумана,
Огонек блеснул желанный...
Там, скажу вам без утайки,
У пригожей молодайки,

Покорясь ее совету,
Отсыпался я до свету.
Ранней ранью, как ведется,
Поплескавшись у колодца,

Отдохнувший и опрятный,
Повернул я в путь обратный.
О вчерашнем и не вспомню.
Ехать весело, легко мне:

День, похоже, будет славный,
Конь хороший, кнут исправный...
Погоняя то и дело,
Правлю я к болоту смело.

Подъезжаю, — что такое?
Мгла клубится предо мною!
Конь отпрянул... Чую, трушу, —
Страх трясет меня, как грушу!

Дело дрянь. Одна надежа
На святую помощь божью.
Осенил крестом болотце...
Как тут, думаю, бороться,

Если даже я не знаю,
Что за штука за такая?
Плоть ли? Дух ли бестелесный?
С кем тягаться в драке честной?

Был бы черт, так я сумею
Своротить и черту шею,
Но с какого схватишь боку
Эту самую мороку,

Коль она, прости мне боже,
Ну ни на́ что не похожа?!
Безымянна и безлика,
Громыхает, воет дико,

Колесит над головою
Раскаленной булавою,
Стонет, сердится, грозится...
Вижу, медлить не годится,

И, крестясь, как в лихорадке,
Дунул к дому без оглядки,
Всех святых упоминая...
Как я выбрался, не знаю.

Помню, словно бы в дремоте,
Что-то хлюпало в болоте,
Билось, булькало, урчало
И, задохшись, замолчало...

Отрезвел я подле дома.
Где-то цеп стучал знакомо.
День проснулся. Люди встали.
Лишь далёко, над Сипса́ле,

Страх лесной напоминая,
Серый дым клубился, тая...

<1893>

АНДРЮС ВИШТЯЛИС

А. Виштялис, сын небогатого огородника, родился в 1837 году в селе, расположенном на берегу Немана, вблизи Запишкис. Учился он у местного настоятеля костела, который намеревался позднее определить подростка в духовную семинарию. Однако будущий поэт обманул надежды своего попечителя и стал вести бродячую жизнь.

В 1863 году он смело сражался вместе с повстанцами, получил много ранений. После подавления восстания Виштялис бежал за границу. Молодой борец был все еще полон мятежных настроений. Добравшись до Италии, он вступил в ряды восставших и под предводительством Гарибальди участвовал в борьбе за ее освобождение.

Через некоторое время Виштялис очутился в Познани, принадлежавшей тогда Германии. В 1881 году он перевел «Плач Витоля» Ю. Крашевского. Позже Виштялис становится одним из инициаторов первого заграничного литовского журнала «Аушра», в котором печатает (под псевдонимом Летувис) свои стихи, поддерживает его материально.

Спокойная жизнь Виштялиса в Познани была нарушена указом Бисмарка о выселении из Германии революционеров-эмигрантов. Он поселился в Аргентине, где его постигает ряд тяжких несчастий: один за другим умирают все его дети. Кроме того, он потерял все свои сбережения, отдав их на покупку земли, которая, как потом оказалось, была залита водой реки Ла-Платы. Под влиянием тяжелых нервных потрясений Виштялис стал душевнобольным. Умер он в 1912 году.

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

О родной язык любимый,
С колыбели свято чтимый,
Ты мне жемчуга дороже,
Всех звучнее, всех пригожей.

Глас всевышнего могучий
Создал строй твоих созвучий.
В небесах царишь и правишь,
Вседержителя ты славишь.
Испокон веков святые
Слушают слова простые.
Наши пращуры славяне,
Что далече жили ране,
Прежде чем переселились,
С давних пор с тобой сроднились.
Множество тысячелетий
Прожил ты на белом свете.
В счастье, в безутешном горе
Ты всегда в одном уборе.
Наши мифы, песни, притчи,
Сказки, присказки деви́чьи
Говорят, что ты таков:
Юн в течении веков,
Старость над тобой не висла.
Неман, и Двина, и Висла,
Замки, города, деревни —
Вехи колыбели древней.
У ребячьей колыбели
Деды предкам славу пели
И в созвучьи дивных слов
Древних славили богов.
В день кровавой, грозной битвы
Пели мы псалмы, молитвы.
Час веселья, час печали
Мы всегда с тобой встречали.
В час невзгод и в час утех
Ты у нас красивей всех.
Ты богаче всех словами.
Ты из разных чтимых нами
Самых старых языков —
Краше прочих стариков.
Здесь — черты нам дорогие:
Языки возьмем другие,
Не найдем мы среди них
Милых сердцу слов таких:
«Батя, батюшка, батяня,
Мама, матушка, маманя,

Парень, паря, паренек,
Дочка, доченька, донёк!..»
Мы готовы их звучанье
Слушать, затаив дыханье:
Канклес, песнь звучит в народе,
Хор божественных мелодий.
Лиходею же при встрече
Говоришь другие речи:
Голос твой, всегда суров,
В трепет приводил врагов.
А в страду, в лесу и в поле,
Звук твой радостен на воле:
Нежной грусти иль веселью
Откликается он трелью.
Пряхи за веретеном,
Утром прачки за вальком, —
Голосистые девицы
Речь ведут про небылицы.
Ворошить в запевках рады
Заколдованные клады.
Говорить их вразумил ты
Про дела прелестной Милды,
Как богинею любви
В ночь довольны соловьи,
Как в Литву ее послали
Из ее далекой дали,
Чтобы (в ней такая сила!)
Всех людей объединила.

...Языков уже немало,
К сожалению, пропало,
И куда бедняги делись?
Многие переоделись,
Старых юные схватили,
Целиком их поглотили.

И тебе-то, старичина,
Уготована кончина:
Молодые языки
Точат на тебя клыки.
На дурных играя струнах,
Оскверняют души юных:

Кто тебе грозится бранью,
Кто обрек тебя изгнанью,
Вовсе отрицают третьи, —
Старикана топчут дети.
С каждым днем тебе всё хуже,
Ты, дрожа, стоишь на стуже,
Горе ведая одно лишь.
Ты стоишь и бога молишь,
Просишь горю пособить —
Глупых деток вразумить!

<1883>

ИНТЕЛЛИГЕНТ И СОВА

Басня

Из дома изгнанный интеллигент-бедняк,
Преследуемый богачами всюду
За то, что правду говорил простому люду, —
Плутал по свету, голоден и наг.
Шел по полям, и в избах побывал не раз он,
Неся с собою всё богатство — ясный разум.
Однажды, завершая путь тернистый свой,
В пустыне повстречался он с Совой.
Бедняжку Сойки и Вороны окружили:
Они, подняв истошный, злобный крик
(Шум хлопающих крыльев был велик!), —
Сову убить решили.
«Она безбожница, невежества очаг!»
— «Вот нашей родины заклятый враг!»
— «Злодейку ощипать, и в суп немедля надо!»
— «В суд полуночницу!» — вопила вся громада
И на Сову набросилась стремглав.
Сообразив, что не отделаешься шуткой,
Сова в предвиденьи поддержки чуткой
Поведала о всех невзгодах, зарыдав.
Просить жестоких — что горох об стену:
Они сочувствию не знают цену.
Растроганный бедняк (гуманность в нем видна),
Всю стаю разогнав, спросил: «Скажи ты,

За что напали на тебя бандиты?
Признайся, в чем твоя вина?»
Сова в ответ: «Меня не терпят, негодуя,
За то, что вижу всё сквозь темноту я!»
<1883>

ВИДЕНИЕ

1

Неман мой! Река родная,
Ты меня зовешь?
Или так, волной играя,
Вдаль себе плывешь?

Слышишь ли, скажи на милость,
Крик души моей?
Ох, как сердце истомилось,
Ноет всё сильней.

Тяжкой скорби нет предела,
На груди — змея:
Ныне честью оскудела
Родина моя...

С ветром спорящие волны
Нарушают тишь.
Слышал я, что, грусти полный,
Тайну ты хранишь.

Тайну мне открой, любимый,
Грустных голосов:
Может, на Литве родимой
Предков слышен зов?

2

Боги старые, куда вы
Скрылись из Литвы?
Деды, что в походах бравы,
Где, скажите, вы?

Может, Неман в омут низкий
Вас упрятал всех?
Иль в пучине вы балтийской,
Или — в небесех?

Может, там, где небо сине, —
Дух ваш невесом?
Иль в Анапеле[1] отныне
Ваш радушный дом?

Встаньте в небыли чудесной,
В мрачной тишине.
О Перкунас, гром небесный
Сбрось нам хоть во сне!

Все мы, ваши дети, вянем,
Как сухой росток.
Скоро мертвецами станем,
Жребий наш жесток.

Избавления от горя
Вы приблизьте час.
Бодрый дух, со смертью споря,
Возродите в нас!

3

Мы любили предков милых,
Вы ж от нас ушли.
Кривду мы свалить не в силах,
Где вы там вдали?

...Что за шум? Свершилось диво,
Слышен странный гуд.
Глянул я: былое — живо,
Духи предков — тут!

Из тумана возникают,
В воздухе плывя:

[1] Старый замок, где живут добрые после смерти

Где — узнать они желают —
  Внуков сыновья?

Пригляделись к нам поближе:
  Боже, что за вид!
Каждый выглядит принижен,
  Бéдами прибит!

Здесь племен сошлось немало,
  Сколько здесь родов!
В круг седых немало стало
  Стариков-веков,

Властелинов знаменитых —
  В золоте наряд.
И мыслителей забытых
  Стал за рядом ряд.

Сколько здесь картин чудесных,
  Мощь единства в них!
Сколько здесь полков известных,
  Славных, боевых!

Стóит витязям дивиться,
  Великанов — рать.
И у них суровы лица —
  Ковасу под стать.

Боги! В ореоле славы,
  В латах и в броне.
Ах, доспехи их кровавы
  И страшны вдвойне.

К отчим склепам по дороге
  Стали на тропе.
Чу! Руками машут боги,
  Говорят тебе:

«Юный духом, что вздыхаешь?
  Зря ты не вздыхай:
Видишь рощи и мечтаешь,
  Что войдешь ты в рай?

Креза хочешь быть богаче,
Жить и не тужить?
Иль Перкунас, не иначе,
Даст сто лет прожить?

Возлежал бы в кущах рая,
Словно гордый князь.
Пот из смердов выжимая,
Жил бы, не трудясь.

Так скорей захлопни сердце,
Если совесть есть,
Чтобы в сердце через дверцы
Жадности не влезть.

Знаешь: суждено предвечным
Всем заснуть навек,
Сном забыться бесконечным
Должен человек,

Дабы мы забыли вскоре
Суету сует —
Грусть, веселье, плач и горе...
Свыше дан завет:

В даль назначенную — круче
Не сыскать пути —
Всё же сквозь туман и тучи
Мы должны идти.

Ты не будь на деньги жаден,
Им цена одна:
С золотом покой украден,
Смерть ему цена.

Небо не хватай рукою,
Удержи-ка прыть:
Небо доблестью земною
Надо заслужить.

Вот стоит на страже рая
Ажуолас,[1] лют.
И дрожит, на меч взирая,
Согрешивший люд.

К почестям пути не щупай,
Путь к почету крут:
В пекло к Аушграсу,[2] глупый,
Почести ведут!

Рай задаром не дается:
Рай (достичь сумей!)
В чутком сердце отзовется
Доброте твоей.

Бога будешь чтить в молитвах,
Чтить свою семью,
Защищать в кровавых битвах
Родину свою,

Будешь меньшим братьям другом,
К свету их вести, —
Вот тогда-то по заслугам
Быть тебе в чести!

Если станешь ты трудиться,
Устоишь в борьбе, —
Жизнь достойная сторицей
Всё воздаст тебе!

Бился ты как храбрый воин,
Брал врага в полон.
Ты и впредь слыви героем,[3]
Будь, как лев, силен.

---

[1] Мифический злой дух, который, согласно сказанию наших дедов, охранял ворота рая.

[2] Имя одного великана и фамилия некоторых литовцев нашего времени.

[3] В немецкой армии литовцы всегда были и есть самые храбрые солдаты. Они также отличились в русской армии, в частности во время русско-турецкой войны.

Кто сражается за счастье,
Тот свое возьмет:
Ясный день, сменив ненастье,
Свой найдет черед.

Знай, судьбы не свалишь в споре, —
Участь такова.
Затверди «memento mori!»[1] —
Вещие слова.

Чу! Петух пропел. Кончаем,
Сгинуть нам пора.
И тебе мы пожелаем
Всякого добра!..»

Вмиг растаяло виденье
В мареве дневном.
Мука в нем и наслажденье,
Страх и радость в нем.

19 января 1883

ЗМЕЯ И ПИЯВКА

Басня

Пиявке грустно молвила змея:
«С твоей судьбою разошлась моя.
Тебя все ищут, а меня боятся,
Поймают — раздавить стремятся.
Не страшен людям твой укус:
К тебе относятся с большой любовью,
Досыта кормят человечьей кровью,
Весьма приятною на вкус.
Заботливо пекутся о твоей особе,
Хоть жалим одинаково мы обе!»
— «Да нет, меня ты не порочь, —
Змее пиявка отвечала, —
Немало зла от твоего лихого жала,
А мой укус болезни гонит прочь.

---

[1] Помни о смерти! (лат.). — *Ред.*

Я в человеке восстанавливаю силы,
Целю его всегда, со мной не спорь, —
А ты приносишь людям хворь,
Способна довести их до могилы.
И потому о нас различно говорят:
Лекарство — я, ты — яд!..»

Что это? Сказка? Я,
Признаться, сказочник-задира:
Пиявка — критика. Змея —
Сатира!

1890 (?)

ЮОЗАПАС МИЛЯУСКАС-МИГЛОВАРА

Ю. Миляускас-Мигловара родился в 1845 году в деревне вблизи Вайнутаса. Родители его были безземельные дворяне. Учился он в шяуляйской гимназии. Когда в 1863 году началось восстание, Миляускас бросил гимназию и вступил в ряды повстанцев. После поражения восстания ему удалось скрыться от преследований царской власти и, таким образом, избежать ссылки в Сибирь или еще более строгого наказания.

Позже Миляускас учительствовал в разных имениях и, пользуясь имеющимися в них библиотеками, старался пополнить свое образование. Затем он переехал в Ригу и поступил на службу в полицию. Однако, когда национальное движение усилилось, Миляускас активно включается в него — печатает под псевдонимом Мигловара свои стихи и статьи, распространяет нелегальную литовскую печать, издает в 1884 году сборник своих стихотворений.

Он бросает службу в полиции и переезжает в Шяуляй. Здесь Миляускас работает в нотариальной конторе писарем. В 1906 году он издает второй сборник своих стихотворений «Песни».

Умер Миляускас в 1937 году.

* * *

Румянь, заря, угрюмый восток,
Сияй нам, звезда, сквозь дымку!
Буди, предутренний ветерок,
Ты жаворонка-невидимку!

Пусть люди небесной милости ждут —
Свершенья тягчайшей кары.
Мы свет увидим, и правды суд
Судьбы отведет удары.

Исчезнут невежество, ложь и страх
Пред истиной этого света.

И день засияет во всех сердцах
Улыбкой и лаской привета.

Исчезнут пороки и зло убежит,
И правда вновь возродится.
И мы — невредимы, как и надлежит
Избегнувшим смерти лицам.

Мы праведной жизнью свой век продлим,
Литовцами встретим старость,
Ко всем навсегда мы сохраним
Любовь, человечность и жалость.

Мы вырвем семя блудливого зла,
Оставим нечистые нравы.
Мы добрые будем растить дела
И радостью жизнь восславим.

И пьянство уйдет, и сгинут разврат,
Раздоры, тяжбы, хищенья.
И птицами будет звенеть наш сад,
А дети в нем — божьи творенья.

В зеленых лугах у синей реки
Все девушки — словно левкои.
И будут на лавочках старики
Покачиваться в покое.

<1883>

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Печальная осень
Поля серебрит.
Летающий ветер
Уныло свистит.
Суровые мутные дни наступают,
И грустные думы сердца обнимают.
Желтеют деревья
В лесах и садах.
И люди куда-то
Идут второпях.

У всех одинаковы нынче заботы:
В полях, в огородах закончить работы.
Деньки всё короче,
А ночи длинней.
Умолкнули птицы,
А воды — шумней.
По избам, по избам, чтоб стало спокойно!
Коров по хлевам, а лошадок — по стойлам!
Земля отвердела,
Звенит как стекло.
И листья с деревьев
Навек унесло.
Уж скоро начнутся метели, заносы,
Пощипывать за уши будут морозы.
Петух кукарекнет —
И надо вставать,
Дрожа от зевоты,
В соломе плутать.
Ту-ты́-та, ту-ты́-та! — молотят цепями.
А бабы прядут и клюют носами.
Заколот кабанчик,
Колбасы шипят.
Льны высушены
И для трепки лежат.
Трап-тра́п! — трепа́ла уже затрещали.
Тарелки и ложки об стол застучали.
Со взрослыми дети
Смеются, едят,
У всех подбородки
От жира блестят.
Придется ремень отпустить на полпяди:
Тулупом зипун заменить в снегопаде.
Уж скоро святое
Придет Рождество.
Исчезнут невзгоды
С приходом его.
А там — Новый год, огоньками осыпан,
И новый зипун, и сапожки со скрипом!

<1884>

РОДНЫЕ ПЕСНИ

Когда наши деды песни певали,
Их песни, как ветер, леса волновали.
И таяло сердце, и взоры сияли,
Как только песни любви подступали.
И нынче хотя певцы вымирают,
Но люди их песенок не забывают.
А песни поются не так уж красиво,
И стонут они, умирая пугливо.
И стонут сердца, от ветров холодея:
Как много теперь среди нас лиходеев!
Они погубили то, что сияло,
Что трогало сердце и согревало.
Но нет, не всё судьба погубила,
Что нам в старину добродетельным было:
Литовцы поют печальные песни,
Очнувшись от дремы тяжеловесной.
И, может быть, снова у нас потеплеет,
И снова певцы сердца нам согреют, —
Опять возродятся тоскливые песни,
Такие родные, красивые песни.
Опять будет весело и хорошо нам,
Усердным пахарям и скотогонам.
И песня вернет сердцам добродетель,
И песня укажет, где путь наш светел.
Она к отчизне любовь пробудит,
Ведь песня свыше дается людям.
Кто чувствует песню как истый радетель,
Тот видит в ней правду и добродетель.
Так будем же песни петь до могилы,
Ведь в них все наши надежды и силы!
А кто не поет, тот себя забывает,
Без смерти в молчании он умирает.

<1906>

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Вешние недели наступили,
Ледяные цепи растопили.
Люди, звери, червяки,
Птицы, змеи и жуки —
Всё живое — жить
Хочет, жить!
Жаворонки в небе распевают,
Соловьи в садах не умолкают,
И играют мастерски
На ду́дочках пастушки.
Улетела в даль
Вся печаль.
Разболтались пестрые кукушки,
Пахари поют за деревушкой.
И лентяй и за́нятой,
И здоровый и больной —
Рады от души,
Хоть пляши!
Солнце добралось до поднебе́сья.
Греются холмы и краснолесье.
Надо сеять и пахать,
Дело делать, — не лежать:
Знаем, — без труда
Нет плода.
Вольные луга зазеленели,
Пастушки выводят нежно трели.
Сквозь небесное стекло
Солнце льет свое тепло
С голубых высот
От щедрот.
Снова мир от спячки пробудился,
Светом и движеньем оживился:
Все приветливы, шумят,
По-дружески говорят,
Песни петь не лень
Целый день!
Вечера в деревне — сколько ласки!
И летят, как птицы, без опаски
Голосочки, голоса
(Вальдшнеп тянет за леса),

Вечер... вечера...
Спать пора!
Быстротечна ночь, но сон тем слаще.
Отдых краткий, но такой бодрящий!
И растает ночи тень,
И настанет новый день,
Как всегда весной —
Трудовой.

<1914>

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

Уж солнышко выходит из-за гор,
И слышен звонкий птичий перебор.
Напоминая пахарю о хлебе,
Позванивают жаворонки в небе;

Посвистывает иволга в саду,
А в чаще тетерев ревет: «Ду-ду!»
«Го-го, го-го!» — кричат в низине гуси,
«Клёг-клёг!» — с гнезда им аист белопузый...

Мужчины косят молча, идя в ряд.
Им косы отзываются, звенят.
Обрызганы росою и курчавы,
Легли пахучими волнами травы.

Выходят женщины на луг гурьбой.
Прокосы валятся наперебой.
Подсохшую траву они взбивают,
И дайны летние кругом летают...

Лишь высохнет сенцо на ветерке,
И вскоре копны встанут вдалеке...
Как быстро — девушки, степенно — бабки
Сгребают в кучи и несут охапки!

Таков неписаный у нас закон:
Кто пашет, сеет, скот гоняет, — он,
Любуясь солнечным высоким светом,
Душой и сердцем радуется летом.

Созрели ягоды — какая сласть!
Горох как сахар — только что не в масть.
А рожь — как будто в песню окунулась!
Ах, летушко, веселое, как юность!

По горло масла, сыра, молока.
И птица, наклевавшись, петь ловка.
Все сыты, все довольны летним днем,
И вместе с птицами поют кругом.

Ой, летушко, ты, лето золотое, —
Вот если б было ты всегда такое!
Весь круглый год! .. А то беда, беда, —
Приходится терпеть нам холода...

<1914>

ЛЮДМИЛА МАЛИНАУСКАЙТЕ-ЭГЛЕ

Людмила Малинаускайте родилась в 1864 году в семье ополячившихся дворян вблизи Вашкай. В 1879 году семья перебралась в Митаву (Елгаву), где Малинаускайте познакомилась с Й. Шлюпасом — впоследствии активным деятелем литовского национального движения, который оказал большое влияние на формирование ее мировоззрения. Она начала писать на литовском языке стихи и рассказы, но в печати стала выступать только в 1884 году, под псевдонимом Эгле.

В 1885 году Малинаускайте по приглашению Шлюпаса, который уже жил в Соединенных Штатах Америки, бежав туда от преследований царских властей, отправляется в Нью-Йорк. Здесь она выходит за него замуж и включается в общественную деятельность, поддерживая своего мужа, вовлеченного в активную антиклерикальную борьбу.

Участвуя в общественной деятельности, Малинаускайте стала убежденной атеисткой. Она часто печаталась, посещала публичные собрания, выступала в них. Однако семейные заботы постепенно вынудили ее прервать литературную деятельность. После первой мировой войны поэтесса вернулась в Литву. Скончалась она в 1928 году.

К НЕМАНУ

Струится Неман — полноводный, синий,
Литвы родимой гордость и святыня.
Сверкает Неман средь лугов цветущих,
Шумит в дубравах и смолистых пущах.

Он золото смешал с голубизною.
Он повторил величие лесное,
Как зеркало в блистающей оправе...
Хранит он память о минувшей славе.

О Неман, из прекраснейших прекрасный!
Далекие века тебе подвластны...

Ты помнишь ход времен необычайный,
Прошедшего тебе известны тайны.

Порою Неман возвышает голос,
Как бог войны, как бог литовский Ковас...
Притокам внятен гул его суровый,
Все ждут его решающего слова.

О Неман!.. Тяжкое настало время!
Все грабят нас, обижены мы всеми.
Живем уныло, сиро и убого,
И храбрецов теперь в Литве — немного.

О Неман, воскреси нам Гедимина,
Его бойцов могучую дружину,
Отчизне дай надежную опору,
Спаси ее от боли и позора!

О Неман, сабля наша притупилась,
И слава древняя испепелилась!
Так мало тех, кто посмелей и лучше,
Они — подобие овцы заблудшей.

Как тяжко, Неман, горько и обидно,
Что храбрецов не воскресишь, как видно,
Что их заветы юными забыты,
И родина осталась без защиты.

Струится Неман — голубое диво,
Блистает красотою горделиво.
Покорность рабская ему несродна,
И воды синие — всегда свободны.

<1884>

ЛИТОВСКИЕ ЛЕСА

Леса Литвы!.. Таинственные чащи!
В глуши, загадки древности хранящей,
Еще от века люди не бывали,
И побывать случится им едва ли.

Никто ступить не смеет в эти пущи,
Никто былинки не сорвет цветущей.
Здесь прадедов приют — суровый, строгий,
Здесь, может статься, обитали боги...

Шуршат деревья древние, как предки...
И, зеленея, пышные их ветки
Широко осеняют холм угрюмый,
Хранят о прошлом тягостные думы...

Когда б они заговорили сразу,
Какие мы б услышали рассказы!
О, сколько раз во тьме средневековья
Отчизна наша истекала кровью!

Леса Литвы — краса и гордость наша!
Нет тишины торжественней и краше!
Беззвучны светлой речки переливы,
И только ветер плачет сиротливо,
Рыданьем не тревожа лес зеленый, —
Привычны лесу этот плач и стоны!

Дуб-исполин над временем вознесся.
Его рубили тщетно крестоносцы!..
Он жив — о страшных днях воспоминанье,
Ветвистое священное преданье!

Стоит, листвою шелестит негромко,
Ветвями гладит юного потомка,
Воспитывает поросль молодую,
О прошлых битвах тихо повествуя...

А меж холмов, как на большом погосте,
Почиют предков убиенных кости.
Сюда стекались прадеды веками,
Преследуемы злыми крижаками.

Шумят деревья... В тайне сокровенной
Приходит юность старикам на смену.
Из праха предков вырастают роды
Всё той же несгибаемой породы,

Как будто предки их заколдовали...
И ель, как жрец в струистом покрывале,
Уходит в небо гордой головою,
Она горда, что рождена Литвою.

Здесь не звенели топоры и пилы.
Земля деревья соками вспоила,
И в землю вновь войдут они без страха,
Рассыплются летучей горстью праха.

Лишь изредка гроза, взревев над ними,
Вдруг вырвет ель с корнями вековыми
И закружит ее в порыве диком,
И вскрикнет ель почти звериным криком...

И поросль юная тогда смутится,
И сосенки, как младшие сестрицы,
Прижмутся робко к братьям непреклонным,
Таким прямым и в небо устремленным.

<1884>

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛОМ

В тени дерев, меж сумрачных развалин,
Звучал напев — торжественно печален.
Здесь в оны годы возносили девы
Богам Литвы унылые напевы.

У капища, деревьев горделивей,
Сидел недвижно жрец — премудрый Криве...
В раздумьях пребывая каждой ночью,
Самих богов он лицезрел воочью.

Священный дуб чуть шелестел листами.
Стояли праотцы под ним, как в храме.
Они сбирались вкруг жреца-пророка,
Его прозреньям веруя глубоко...

Здесь, как цветы задумчивы и кротки,
В одеждах белых жрицы-вайделотки

Серебряными голосами пели,
Подобные кукушкам в день апреля...

Вожди к жрецу входили перед битвой
И жертвы приносили здесь с молитвой.
Жрец о войне им говорил при этом,
Разумным, добрым помогал советом...

Но битвы в эти годы были редки,
Неторопливо, мирно жили предки, —
Пока не стал пророчить дуб могучий,
Что крестоносцы движутся, как тучи...

И крижаки пришли... В зверином гневе
Срубили заповедные деревья,
Залили родину рекой кровавой...
И потускнела наших предков слава.

Не стало больше вайделоток белых.
Нигде, нигде хлебов не видно зрелых!
Засохли, почернели лес и поле.
Погибли братья многие в неволе.

<1884>

ГРУСТЬ

Грустно, ой, грустно мне жить на свете!
Беды секут меня, словно плети.
Всюду вокруг — точно ночь глухая...
Сердце свое обращу куда я?..

Спела бы песнь про любовь-тревогу,
Горе размыкала б хоть немного, —
Грусть не позволит, — томит и тянет,
Острыми иглами сердце ранит...

Если б забыться хоть на минуту,
Песенку спеть про нежную руту!..
Нет, не могу!.. Мое сердце — рана.
Пусть в моей голове туманно.

<1885>

КРАСАВИЦЕ

Ты, словно цветик, словно
Фиалка, дивно хороша!
Прими простой напев любовный,
О белой лилии душа!

Глаза полны нездешней властью,
Они как звезды на пути.
В них столько нежности и счастья,
Нигде подобных не найти...

Но что ж сегодня слезы-росы
Дрожат в глазах твоих живых?..
Ведь золотом блистают косы,
Служанки убирают их...

<1885>

СОЛОВЕЙ

Я пел-заливался весною,
Когда над своею сохою
Склонялся литовец — мой брат...
Я был утешать его рад.

Бесплодной земли меж камнями
Никто не касался годами.
Всё брат мой решил превозмочь,
Трудился и день он и ночь...

А люди твердили с насмешкой:
«Работай, мол, глупый!.. Не мешкай!..
Потратишь, мол, зря семена!
Посев твой погибнет сполна...».

Литовцу невесело было,
И всё ж он трудился, унылый,
Не зная свободного дня...
А слушал он только меня!

Но труд награжден был сторицей:
Шумит, словно море, пшеница,
Богатые всходы взошли
На благо родимой земли!

<1885>

ОНИТЕ И ЙОНУКАС

Чуть заглянет солнышко в окошко,
Встанет Она и возьмет лукошко,
В лес пойдет — за сладкой земляникой,
За душистою малиной дикой...

Только нынче ягод мало что-то,
А Оните сладкого охота,
А у Йоны, у соседа, слышно —
Сочная в саду поспела вишня...

В сад чужой повадилась Оните, —
Никому о том не говорите! —
Видит Йонас: вишни словно тают.
Может, воробьишки прилетают?..

«Если это воробьишки-воры, —
Молвит Йонас, — с ними справлюсь скоро...»
Шубу старую надел внакидку,
Словно пугало, стал за калитку.

Так стоит он, пугалом одетый,
Ждет-пождет, а воробьишек — нету...
Заскрипела галька под ногами,
Кто-то легкими идет шагами.

Робкий вор крадется вдоль забора.
Ой, какое личико у вора!
Ягоды он рвет за штучкой — штучку,
Ой, какою смуглой милой ручкой!

Видит Йонас, от восторга млея:
Губы вора — вишенок алее.

Не стерпел он, с плеч слетела шуба...
Он целует вора прямо в губы.

Ох, крепки у Йонаса объятья!
«Обещал воришку наказать я!»
На глазах у Оны блещут слезы.
Щеки Оны рдеют, словно розы.

Смотрит Йонас на нее с любовью,
Говорит ей:
«Кушай на здоровье!
Вишни для тебя, мой голубочек!
Для тебя, зеленый мой садочек!»

...Слышно: к Йонасу теперь нередко
Ходит в сад по ягоды соседка.

<1885>

ДВОРЯНИН И МУЖИК

Жил-был помещик в далекую пору.
Хлопы на пана работали споро,
Пану Матеюсу землю пахали,
Доброго слова вовек не слыхали.
А как не стало холопьих-то рук, —
Всё потемнело для пана вокруг.

Был у Матеюса сын непутевый.
Тратил без счета он деньги отцовы,
Что накопилось от рабьих трудов...
Старая песня!.. Конец только нов...

Жил мужичонка — куда небогатый! —
Был крепостным он у пана когда-то.
Был и сынок у того мужика —
Крепкий, румяный — красней бурака!
Да одолела парнишку забота:
Книжки читать ему, видишь, охота.
Книжку заметит, аж весь задрожит.
Сердце у парня к наукам лежит...

Вот и скребет мужичонка затылок...
Парень к учению жаден и пылок,
Может, и выйдет большой грамотей —
Чай, мужики-то не хуже людей!
Только не знает того мужичина,
Где обучать ему надобно сына,
Чтобы науки он мог превзойти...
К пану решил за советом пойти:
Мол, у помещиков — разума горы...
Что он услышал — узнаете скоро.

К пану Матеюсу входит мужик.
Помнит он смалу, помещик привык,
Чтобы в хоромы на брюхе вползали,
Панскую руку ему лобызали...
И мужичонка отвесил поклон,
Стал у порога дугою согбен,
Молвил почтительно:
«Пане Матеюс!
Я — к вашей милости, крепко надеясь...
Где бы науки сынку превзойти?
Вам, просвещенным, известны пути...»

— «Сына задумал пустить по науке?
Вот на какие решаетесь штуки?!
Мало философов!.. Надо им, чтоб
Нынче философом был и холоп!..
Лучше бы вам боронить бороною!
Школы бы вам обходить стороною!
С рылом суконным в науку не лезть!..
Чем это кончится только?.. Бог весть!
Книжки читать мужичье захотело!
Это уж точно — последнее дело!»

Пан мужику возражать не спешит...
«Пане!.. Сынок мой — не лыком он шит.
Разум его — что широкое море...
Умный поможет народному горю.
Если науки сынок превзойдет, —
Нас, горемык, защитит от невзгод...
И для одних ли господ просвещенье?..
Вспомните, пане, Христово ученье:

Люди, они от рожденья равны,
Панские ль это, мужичьи ль сыны!»

Пан распрямился... Горят его очи.
«Эй, сиволапый!.. Мозгами ворочай!
Будет ли счастлив твой сын-грамотей
Между господских, дворянских детей?
Как толковать он пойдет по-мужичьи,
Как свой мужицкий покажет обычай,
Парня немедля поднимут на смех...
Будет он, верно, несчастнее всех,
Батьке спасибо он скажет едва ли...
Ишь ты, нужны им защитники стали!..
Я ли для вас не защитником был?..
Вы же перечили, что было сил».

— «Пане, мы были послушны, как дети.
Вспомните, пане: и розги, и плети
Мы, не переча, сносили сполна...»
У мужичонки заныла спина,
Только припомнил он панскую ласку...
Пан на него покосился с опаской.
Пан из кармана табак вынимает,
Панские ноздри платком утирает,
Нечего пану, как видно, сказать —
Вот и пришлось ему нос утирать.

— «Делай как хочешь, — сказал он со злобой, —
Только пеняй на себя, пустолобый,
Если не выйдет из этого толку!..»
Ежится бедный мужик втихомолку,
Крепко Матеюс обидел его,
Да, вишь, не скажешь ему ничего,
Мало ли кто мужичонку обидит,
Правду-то бог один, разве что, видит...

Всё ж мужичонка стоит на своем:
— «Черной мы кости, убого живем,
Но и мужичья душа, хоть забита,
Ясному солнцу и правде открыта.
Знает душа, что живет для добра,
Что с притесненьем бороться пора.

Пане, чем мы, мужики, виноваты?
Тем ли, что не были сроду богаты?..
Глину месили и строили дом,
Чтоб веселились помещики в нем...

Не на себя мы весь век работа́ли,
Век холодали и век голодали
Между господской пшеницы и ржи.
Корку швырнут — и спасибо скажи!
Вот оно — наше крестьянское счастье!
Стоном стонал под помещичьей властью,
Лютой зимой ли, красной весной —
Плакал слезами наш брат крепостной!
Телом замучишься, — прямо хоть в прорубь!..
Ну, а душа... А душа — точно голубь —
К небушку рвется на воле летать,
Лучшую, светлую долю искать!..

Пане!.. Нас горькая жизнь истомила.
Знанья дадут нам опору и силу.
Путь указало нам время само:
Тяжкого рабства упало ярмо!

Не пропадет мой сынок!.. Не таковский!..
Дух в его сердце проснулся литовский,
Чтоб он философом сделался, чтоб
Доктором стал и ученым холоп!
Только пускай он не ищет наживы!
Пусть, как простой человек, не спесивый,
В хате у нас, как бывало, живет,
Делит все тягости наших невзгод».

Смолк мужичок... Из терпения выйдя,
Пан удалился в надменной обиде,
Хлопнув дверьми... А смущенный мужик
К хате своей зашагал напрямик.

Сына он всё-таки отдал в ученье.
Сын проявил и таланты и рвенье,
Видно, не зря им гордился отец...
Стал он хорошим врачом наконец.
Только родителей он не стыдился,

В хате он вместе с отцом поселился,
Радость и горе с народом деля, —
Горя-то больше рождает земля!

Пану Матеюсу горько и больно:
Стал человеком холоп подневольный,
Лечит от немощей бедный народ,
К свету и правде собратьев зовет.

<1886>

ЮОЗАС АНДЗЮЛАЙТИС

Ю. Андзюлайтис родился в 1864 году, в деревне Гайстряй (около Пильвишкяй), в крестьянской семье. После окончания учительской семинарии в 1883 году Андзюлайтис, увлеченный патриотическими и демократическими идеями, принял твердое решение остаться в родном краю и работать не покладая рук для своего народа. Ему удалось устроиться учителем в Гарляве (около Каунаса), где он с рвением взялся за работу. Тогда же Андзюлайтис поддерживает близкую связь с поэтами К. Сакалаускасом-Ванагелисом и И. Мачисом-Кекштасом.

Стихотворения Андзюлайтиса, выступавшего под псевдонимом Калненас, начинают появляться в периодической печати с 1884 года. Среди них были переводы произведений поэтов-демократов: Шевченко, Никитина и других.

Деятельность Андзюлайтиса вызвала подозрительное отношение к нему у местной администрации. За связь с нелегальной литовской печатью поэту грозил арест. Узнав об этом, Андзюлайтис бежал в Восточную Пруссию. Здесь он отредактировал последние два номера литовского журнала «Аушра», который в результате этого приобрел более радикальный характер.

Спустя некоторое время Андзюлайтис отправился в Соединенные Штаты Америки. Там он сразу же сблизился с рабочей средой и проникся социалистическими идеями. Андзюлайтис пишет ряд статей, в которых резко высказывается против царизма и пропагандирует социалистические убеждения. В 1890 году, став редактором газеты «Венибе летувнинку», придает ей более радикальное направление. Однако клерикалы начинают против него кампанию и отстраняют от обязанностей редактора. В 1893 году Андзюлайтис пишет еще несколько статей, а затем смолкает и отстраняется от общественной деятельности. Посвятив себя медицине, он с 1895 года занимался только врачебной практикой. Умер Андзюлайтис в 1916 году.

СРЕДИ СВОИХ

В дивном крае довелось мне очутиться,
Там, где Арн струей кристальною искрится,
Темной зеленью олив покрыты горы,
Их вершины в поднебесье смотрят гордо.

Между гор лежат озера зеркалами,
Миллиарды звезд сверкают в них ночами,
Рощи путника скрывают от денницы,
На ветвях поют неведомые птицы,
В этих рощах благовонных днем — прохладно,
Тишина, дыханье мирт и олеандра,
И живут там люди, горюшка не зная, —
Их оставила в покое участь злая.
Но заслышал я листвы знакомый шорох,
Наших речек бег, несмелых и нескорых,
Драгоценные слова родимых песен —
Голос юношеский светел и чудесен,
И — не жаль мне стран полуденных нимало:
Я опять среди своих, где жил сначала.

<1884>

ДВЕ ЧЕРЕМУХИ

Холм на берегу Шешупе —
Черная могила.
Две черемухи там гнутся
Без ветра, уныло.
И никто-никто не знает,
К чему на могиле,
На открытом солнцепеке
Здесь их посадили.
Наши девушки — открою
Тайну вам впервые —
Два куста черемух белых,
Две сестры родные.
Полюбили две сестрицы
Парня молодого,
А тот, не будь дурень, слова
Не молвя худого,
Целовался, миловался
Потихоньку с каждой.
Да случилось всем под дубом
Встретиться однажды.
«Значит, так-то ты нас любишь?»
С сердцем нету сладу.

Извести его решили
И добыли яду.
Нашли зелья, и коренья,
Вырыв, отварили,
Да наутро тем варевом
Парня отравили.
Отравили — схоронили
Его в чистом поле,
У обрыва, где Шешупе
Плещется на воле.
Ну, а дальше? Ох и девки!
Каждый день ходили
Две сестрицы до рассвета
Плакать на могиле.
И до той поры рыдали,
Мучились, казнились,
Пока сами тем снадобьем
Обе отравились.
И чтоб люди не забыли
Сестер невезучих —
Два куста черемух белых
Бог взрастил на круче.
Ветерок над свежим дерном
Веет боязливо,
Два куста черемух белых
Клонит у обрыва.

<1885>

ВОСПОМИНАНИЕ О БЫЛЫХ ВРЕМЕНАХ

На Литве в былое время
Трубы рокотали;
В те поры мечи литовцев
Ясные сверкали.

Веселились наши деды —
То-то время было.
Всё пропало, а остались
Лишь в полях могилы.

А в могилах тех высоких
Глубоко зарыты
Кости славных наших предков,
Предков знаменитых.

И темнеют те курганы
Посреди равнины,
Шепчут ветру вековые
За полночь былины.

Ветер славу предков наших
Всюду разглашает:
Внук заслышит — сложит песню,
Трудясь, повторяет.

Были славные денечки.
Только их вспомянешь,
И, вздохнув, на мир окрестный
Веселее глянешь.

<1886>

ПРОЩАНИЕ

Собирайся в путь-дорогу,
Друг мой задушевный.
В путь отправимся, уедем,
Белый свет увидим.

Оглядимся на просторе —
Вон тут ширь какая!
И счастлива, и красива —
Вся в цветах сверкает.

Звездочка моя, поедем
Да взойдем на гору.
И откроются созвездья
Радостному взору;

Замерцает в темной ночи
Тихий свод небесный.
Проведем с тобой, подруга,
Мы там час чудесный.

Посидим с тобой, припомним
Отчий дом любимый,
И отправимся в дорогу,
В путь неутомимый,

В милый край за сине море,
За простор соленый —
Где приволье, где раздолье,
Где лужок зеленый.

<1887>

МАЛИНА

Я ль на горé не малина росла?
Я ли была не сладка, не красна?
Взяли меня поломали,
Охапками растаскали...
Тяжка моя доля,
Горька моя доля.
Я ли был в поле не свежий овес?
Я ль не кудрявей был русых волос?
Взяли меня порубали
Да снопами повязали...
Тяжка моя доля,
Горька моя доля.
Я ли была не травой на лугу?
Я ль не зеленой была на лугу?
Взяли меня да скосили,
В копны ровные скопнили...
Тяжка моя доля,
Горька моя доля.
Я ли была не девицей в дому?
Я ли была не любимой в дому?

Взяли меня обручили,
Юность-свежесть погубили.
Тяжка моя доля,
Горька моя доля.
Не утопиться ль в прохладе речной?
Или получше найдется другой?
Были речки — обмелели,
Были парни — охладели...
Тяжка моя доля,
Горька моя доля.

<1890>

КСАВЕРАС САКАЛАУСКАС

К. Сакалаускас, известный в Литве под псевдонимом Ванагелис, родился в 1863 году в деревне Калеснинкай (неподалеку от Симнаса). Учился он сначала в Симнасе, затем в Крокялаукисе и, наконец, в учительской семинарии в Вейверяй. В 1883 году он окончил ее вместе с Ю. Андзюлайтисом, который оказал на него большое влияние, пробудив в нем патриотические и демократические настроения.

В 1883 году Сакалаускас пишет первое свое стихотворение «Из далекой сторонушки», которое через некоторое время было напечатано в журнале «Аушра» и вскоре стало широко известной песней, которая и поныне пользуется популярностью. Учительствуя в Паевонисе и Бержининкай, Сакалаускас пишет ряд стихотворений, в которых горячо отзывается на страдания литовского народа.

Царское правительство сочло его пребывание в Литве нежелательным. В 1888 году Сакалаускас был выселен в Ломжскую губернию (Польша). Здесь, оторванный от родины, он прожил двадцать лет, занимаясь педагогической работой. Позже он переезжает в самую Ломжу, а в 1908 году — в Варшаву.

Находясь далеко от Литвы, Сакалаускас не прекратил творческой работы, но убеждения его теряют радикальный характер.

Умер он в 1938 году в Варшаве.

ЭХО ПРИЗЫВОВ

Хватит, братья дорогие, прозябать нам, жить без цели,
Хватит нам бродить слепцами, как бродили мы доселе.
Не позор ли нам, литовцы, что самих себя не знаем?
Срам великий: обучившись, мы народ свой забываем.

Отрекаемся бесславно от отцов, земли заветной.
Осознаем же сегодня, как живем мы беспросветно.
Наши праотцы отважно край родной обороняли,
А в любой беде друг другу безотказно помогали.

Мы же, сами просветившись, тьмы вокруг не замечаем,
С равнодушьем чужеземцев плачу родичей внимаем.
Сыновья такие были встарь у чехов: кто пробьется,
Кто обучится наукам, тот немедля отречется

От земли своей, от братьев, став во всем примерным
немцем,
Так что мало знали чехи сыновей с горячим сердцем.
Уж язык родной — «пастушьим» отщепенцы называли,
И презрен был, как ничтожный, он в любой лощеной
зале.

Но нашлись такие чехи, в ком огонь самосознанья
Не угас, они спешили передать народу знанья.
От своих сограждан темных им пришлось терпеть
немало,
И врагов тупая злоба их насмешками встречала:

«Как, язык презренный «кнехтов» возродить они
желают?
Пастухи и нечестивцы им лишь мысли выражают!»
Но с упорством, терпеливо продолжался труд тяжелый,
И взгляни — теперь у чехов письменность своя и
школы.

Просвещен народ их дружный, Чехия же процветает!
Песнь о том под звуки арфы свет бескрайний облетает.
Их слепцы, блуждая всюду, славят так сограждан
милых,
Что, внимая звонкой арфе, люди слез сдержать
не в силах.

Песня за́ сердце хватает, крикнуть хочется невольно:
Почему ж у нас, литовцев, нет таких, — обидно, больно!
Сыновья Литвы не знают — кто они и где их корни,
Речь бранят свою пред знатью, всякий раз клонясь
покорней.

О литовцы, к просвещенью путь осилившие долгий,
Захотевшие работать на чужих, забыв о долге,

Осознаем, кто мы, что мы, призывать друг друга будем,
Чтоб спасти несчастных братьев, чтоб помочь
бездольным людям.

Мы пойдем дорогой чехов все — рука с рукою, дружно,
И тогда всего достигнем, только сил жалеть не нужно.
Станем прочною опорой общества, народной жизни,
И никто пусть не боится тьмы и гибели отчизны.

Большинство детей литовских обрело уже сознанье,
Трудно им идти средь терний по крутой стезе
дерзанья.
Что ж досель мы дремлем, братья! В путь за ними
к цели правой,
Ради тонущих, несчастных, ради древней нашей славы!

Скорлупу нужды и мрака нам сломать пора приспела,
И пора догнать народы, что рванулись к свету смело.
Знанье — солнце и свобода, без него нам нет
спасенья,
Будем же усердно сеять средь литовцев просвещенье!

1884

ТРУД ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

Люди пашут, боронуют,
Сеют доброю весной,
Бог погоду им дарует,
И хлеба встают стеной.

Человеку видеть мило
Золотых полей разлив,
Любо жать, играя силой, —
Он поет средь спелых нив.

1884

СОМНЕВАЮЩИМСЯ

Немало лет погибло в тьме времен
И скрылось в медленной реке забвенья
С тех давних пор, как наш язык рожден
И как ему сулят уничтоженье.

А всё ж Литва родимая живет,
Язык ее не молк в веках ни разу;
Пускай нас враг и гонит и гнетет,
Сиять и дальше этому алмазу —

Пока земля вкруг солнца держит путь,
Пока растут на ней плоды и злаки,
Пока тепло ее вдыхает грудь,
Пока не грянет трубный глас во мраке!

Что я сказал?! Язык наш будет жить
И по скончаньи света, — в райских кущах
На нем по-свойски любят говорить
Тьмы предков наших, в радости живущих.

И все мы, умерев, их посетим...
И лишь увидимся пред ликом высшим,
И лишь любовно речь к ним обратим, —
Такой ответ из мудрых уст услышим:

«Родные дети! Честь вам и хвала
За то, что прах и кости наши чтите!
Старайтесь, чтоб надежда расцвела,
Не заблуждайтесь, родину любите!

Восславим же предвечного сейчас,
Здесь будем от нечестия свободны.
Навек остаться можете средь нас
Чисты в блаженстве полном и бесплотны...»

Пускай усталость сгинет без следа,
Долой унынье, слабость и сомненье!
Сюда, надежда, жажда дел, труда,
Души неугасимое горенье!

Хоть мало нас, не поддадимся, нет!
Пусть красный угол враг не занимает.
Услышит он пословицу в ответ:
«И кочка малая возы свергает!»

Давно ли одиноки были мы
Без книг своих и без поддержки дружной?
Теперь нас встали тысячи из тьмы,
И мы не так бедны и безоружны!

Так год от году будем всё сильней.
Сегодня мы унынье попираем!
Пусть убедится каждый из друзей,
Что дух литовцев жив и несгибаем.

Пусть сотни сотен против нас врагов, —
Не отречемся от земли родимой,
Служить идее избранной готов
Любой из нас, трудясь неутомимо.

С идеей этой двигаясь вперед,
Всё обретем, чего нам не хватает,
Пусть лишь сомненья ветер разнесет
И пусть усилье не ослабевает.

Гниют деревья, крошится гранит,
Съедает ржа железные крепленья...
Сынам Литвы великий срам и стыд
Твердить, что втуне гибнут их стремленья.

Не могут эти чувства умереть,
Пока в нас сердце радуется, любит,
Пока по жилам будет кровь звенеть
И смерти час суровый не наступит.

Тому же, кто заснет могильным сном,
Мы на холме простом посеем руту
И поминанье скорбное споем,
Чтоб вновь трудиться, постояв минуту.

Когда из сердца вырастут цветы —
Их запах ветер разнесет весенний,
Он пробудит любовь к земле, мечты
В груди литовской, жаждущей свершений.

Пусть озарит надежда труд любой,
Она ведь греет всякую идею,
И пусть она ведет нас в правый бой,
Хоть все враги сойдутся биться с нею!

Коль нет надежды, трудно проку ждать, —
Чего достигнешь? Что другим ответишь?
Так, сев в повозку, чтобы путь начать,
И вожжи выпустив, — куда уедешь?

26 октября 1885

ПЕСНЯ

Милый голубочек, ты лети в леса,
Где с кустов орешки рвет моя краса,
Принеси ей розу, молви на ушко,
Что я жив, спокоен, хоть и далеко.

Ты ее узнаешь сразу меж подруг,
Нет ее красивей, огляди весь круг, —
Лик открытый ясен, локоны темны,
Очи, как фиалки, нежности полны.

Тихие слезинки льются всё сильней,
Потому что горько одинокой ей.
Ждет меня давненько, извелась, поверь, —
Передай: недолго ей грустить теперь.

Скоро уж моею станет навсегда, —
Грусть былая наша сгинет без следа!

1886

ПЕРЕПЕЛКА

Юргис, дело, брат, не ждет,
Косу ты отбил, старик?
В поле, милый, поспеши!
Пит-пи-лик, пит-пи-лик!

Попроворней только будь,
Хлеб уж сыплется, поник,
Не оставь его ветрам.
Пит-пи-лик, пит-пи-лик!

Всё свези к себе в амбар.
Ты вставать чуть свет привык.
Молоти до темноты.
Пит-пи-лик, пит-пи-лик!

А потом быстрее сей
Озимь, — клин хоть невелик.
Да очисти семена!
Пит-пи-лик, пит-пи-лик!

1887

ДВЕ КАРТИНЫ

1

Ветер затих, посвежело,
Долы туманом одело,
Дремлет деревьев листва,
Озера смолкла молва.

Звездное небо струится,
Блещет луны колесница;
Поле пустынно; средь вод
Лодка неслышно плывет.

Двое, обнявшись счастливо,
В лодке сидят молчаливо,

Выпустив весла из рук, —
Лунный колеблется круг.

Став красоты этой частью,
Как они пьют свое счастье!
Свищет в кустах соловей,
Тешит их песней своей.

Где-то звучит в отдаленьи
Перепелиное пенье,
Всё позабыли они —
Озеро, лодку, огни.

Звездная тишь бесконечна.
Где они? В небе, конечно!..
Мир — красоты торжество,
Сладость безмерна его!

2

Слабого сильный терзает,
Тяжко его притесняет,
Правды не видит бедняк,
Нет ему счастья никак.

Лгут богатеи — от бога
Бедным такая дорога:
Спину на барина гнуть,
Чтобы в раю отдохнуть.

Пусть на земле не стремятся
К счастью, лишь бога боятся!
С голоду гибнут одни,
В битве — другие, взгляни,

Не отыскав своей доли,
Сил не раскрыв поневоле;
Третьих же холод гнетет...
Только богатый поет.

Мчат его быстро кареты,
Едет он, в шелк разодетый,

Шумно пирует с толпой,
Вкусные яства — горой;

Вина сладчайшие льются,
Гости танцуют, смеются...
Правду с огнем не найдешь,
Разум осилила ложь.

Лишь эгоизм процветает.
Слабого сильный терзает.
Слезы глотает бедняк,
Смерть ему друг, а не враг...

Доля собаки милее,
Вряд ли в аду тяжелее.
Мир — это зла торжество,
Горечь безмерна его!

<1892>

МОЯ ДОЛЯ

Как хотел бы милым братьям ныне правду я сказать,
Просветить, открыть им очи, путь надежный указать.
Но — несчастье! Крепки цепи темноты, невзгод лихих,
Как ни тщусь сломать их звенья — не хватает сил моих.

Ах вы мысли мои, мысли, тяжко с вами и без вас, —
Возникаете вы скоро, да и гибнете тотчас!
Вы — любви и света семя! Только негде вам цвести!
Стережет вас непогода — ветры злые и дожди.

Распахал бы я землицу, бросил зерна в мягкий дол,
А посеяв, терпеливо поливал бы и полол.
И ростки взялись бы дружно, в добрый час зазеленев,
Да безжалостные вихри погубили бы посев.

И пропал бы труд мой долгий, ничего б я не достиг,
Не собрав плодов, голодный, сам навеки бы затих.
Но без дела, без надежды во сто крат мне тяжелей, —
Я быстрей сойду в могилу, погублю себя быстрей.

О, политая слезами, доля тяжкая моя!
Ты горька и беспросветна, поседел от скорби я,
Дни мои уж на исходе, скоро я совсем уйду,
Не сказав народу правду, не открыв его беду.

10 ноября 1895

МУРАВЬИ И ПУТНИК

Средь пней сосновых путник утомленный
Увидел муравейник разоренный.
Кругом бедняги — муравьи трудились,
Тащили что попало, торопились.
Сказал прохожий муравью с поклажей:
«Ты — крошка, как и все в общине вашей,
И сколько ты ни мучайся, дружище,
Ты не построишь своего жилища».
Ответил муравей: «Здесь тихо было
И счастье в муравейнике царило,
Тепла хватало, корму, троп удобных,
И всё погибло от людей недобрых:
Коров прогнал пастух какой-то шалый,
Окрест повырубили бор немалый,
И дом наш рухнул, братьев погребая.
Но, раз постигла нас беда такая,
В труде упорном счастье мы находим
И заново свой общий дом возводим.
Один я, правда, город не построю,
Но с братьями и я чего-то стою!»

1904

МУЖИК И ДВОРОВЫЙ ПЕС

К барину с просьбой бедный шагал,
Псам его злобным корки бросал.
«Я не затрону», — пес прорычал.
Бедный ответил: «С палкой моей

Я не боюсь ни клыков, ни когтей.
Я тебе бросил побольше кусок,
Чтоб ты заткнулся и лаять не смог».

1906

НИЩИЙ И СОБАКА

Нищего старца увидев с котомкой,
Пес залился на цепи своей громко.
Пса напугавшись, молит убогий:
«Рыжик, не лай — со вчерашнего дня
Пуст мой желудок, а руки и ноги,
Видишь, от стужи свело у меня».
— «Добр мой хозяин, — пес отвечает, —
Лай мой заслышит — всем помогает».

1906

УМНЫЙ И ГЛУПЫЙ

Глупец разумного спросил: «Чем людям ум полезен?
На что он нужен, — не пойму, ответь мне, будь любезен».
И долго спрошенный молчал, насупившись сурово,
А глупый продолжал болтать и удивлялся снова.
Тогда разумный молвил так: «В нем польза та — не скрою, —
Что можно на вопрос глупца не отвечать порою».

1906

ЗАЙЧОНОК

Зайчонок по кустам скакал
И в чей-то огород попал.
Прикидываясь смельчаком,
Он ухо выставил торчком.

Глядит, как знающий старик,
Мол, не из робких я, — привык!
Меж тем повеял ветерок
И с ветки обронил листок.
Тут напугался наш герой —
Умчался в логово стрелой.

1909

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Раз к соловью, что сидел молчаливо,
Чиж обратился, надувшись спесиво:
«Жаль, коротки твои песни, ей-ей».
— «Что ж тут худого? — спросил соловей. —
Я исполняю природы веленье,
Нравится всем мое краткое пенье.
Хуже, коль длинным бы слух истязал,
Славы б себе никакой не стяжал».

1909

ОСЛИК

В стойле ослик топтался уныло,
Вдоволь вкусной еды ему было:
Тут сенцо, там овес непочатый, —
Не скупился хозяин богатый.
«Славно пахнет чудесное сено,
Да и зерна приятны отменно, —
Думал ослик, — с какого же края
Мне начать?» — и томился, вздыхая.
Зерна крупны, а сено прекрасно,
В том и в этом немало соблазна!
Схватит сена — овес его манит.
Так не ел он, сомненьями занят.
Наконец околел он, голодный.

1909

ПТИЦЫ-ПЛЕННИКИ

Чижики — старый и малый —
В клетке сидели одной;
Старый вздыхал и томился,
Весело пел молодой.

«Чем ты, отец, опечален?
Разве здесь мало еды?
В клетке тепло нам и сытно,
Нет ни зимы, ни нужды».

Застили старому очи
Слезы, всю ночь он молчал.
И наконец на рассвете
Горестно сыну сказал:

«Здесь ты родился и вырос,
Воли не зная, сынок, —
Ты не поймешь, отчего я
Скорбной душой изнемог.

Ты ведь не видел дубравы,
Не был в лугах никогда.
Я ж, на свободе взращенный,
Грежу о воле всегда».

10 июня 1910

ВЕСНА

Ах, как весело, светло,
Всё под солнцем зеленеет,
Ветер свежую листву
И колышет и лелеет.

Жаворонок в вышине
Распевает не смолкая,
Пахнут молодо луга,
Речки плещутся, сверкая.

Чертят ласточки простор,
А в лесу кричат кукушки.
И уже плетут венки
В поле юные подружки.

Долгожданная весна
Прогнала зиму, туманы,
Всё очнулось на земле,
Ожил мир благоуханный.

1910

БАРИН И СОБАКА

Ночь пролаял громко верный пес дворовый
И сберег от вора лошадь и корову.
Рассердился барин — не уснул до света,
И свою собаку наказал за это.
Снова ночь настала — Рыжий спать улегся.
Вор стащил что можно, пес шуметь стерегся.
И собаке бедной утром вновь попало,
Что добро от вора худо охраняла.

1910

ЯБЛОНЯ И ЕЛЬ

Яблонька однажды ели так сказала:
«Жаль, что я с тобою рядом вырастала.
Думаю я часто — как ты безобразна,
Я же краснощека, молода, прекрасна.
Глянь, как люди нежно яблоки срывают,
А твои вон шишки палками сшибают.
Всякою весною я полна цветами,
Осенью ж богата сладкими плодами».

Но минуло лето, яблоки собрали,
Листья на дорогу мокрую опали.
Увидав всё это, ель заговорила:
«Зря ты, дорогая, так себя хвалила,

Не разумно было предо мной гордиться,
И глядеть-то горько на тебя, сестрица, —
Завывает ветер между сучьев голых,
Близ тебя не видно сборщиков веселых.
Да и раньше люди не тебя любили, —
Яблоки им только душу веселили».

1910

ПТИЧКА

Ах, зачем ты прилетела,
Птичка, к нам в такую рань,
Сад от изморози белый,
Нет травинки свежей, глянь!

Небо пасмурно, невзрачно,
Ветер злой свистит в ветвях,
Всё насуплено и мрачно...
Пусто в поле, на лугах.

Вот и снова задождило,
Снова грязь месить иди,
Из-за слякоти постыла
И весна, — хоть не гляди!

«Не для солнца и отрады
Избрала я место тут,
Мне красот земных не надо,
Я нашла простой приют.

Здесь, под кровлею бедняцкой,
Поселюсь, гнездо совью,
Чтоб любить, покоить лаской
В мире добрую семью.

Кончив поздно труд тяжелый,
Все сойдутся за столом,
И под щебет мой веселый
Озарится бедный дом.

После лягут на соломе,
Я же их утешу сны —
Буду петь в затихшем доме
До утра под шум весны.

И пускай им всем приснится
Мир счастливей и светлей,
И душа их укрепится
Бодрой песнею моей.

Мир, где равенство людское,
Где для всех права одни,
Мир согласья и покоя
В снах своих узрят они».

ЛЮБИМОЙ МОЕЙ

Как люблю я тебя — даже молвить боюсь,
Слов таких не найду и, смущенный, таюсь,
Потому что, завидуя доле моей,
Ветер всем разгласит эту весть поскорей.

Как люблю я тебя — даже молвить боюсь,
Слов таких не найду и, смущенный, таюсь,
Потому что все звезды померкнут тогда
И бездонная ночь будет длиться года.

Как люблю я тебя — даже молвить боюсь,
Слов таких не найду и, смущенный, таюсь,
Потому что в груди моей сердце одно —
Разорвется от мук и от счастья оно.

МАТЬ

Огонек лучины светит еле-еле,
Мать стоит в тревоге возле колыбели;
Молнии над полем; ветер завывает,
Под окном деревья темные шатает.

Дождь всё гуще, гуще; гром грохочет яро;
Кажется, лачуга рухнет от удара;
Мать глядит с любовью на дитя родное,
Песнь ее печальна средь ночного воя.

«Ах, утихни, буря, не шумите, ели,
Дайте спать младенцу в тихой колыбели;
Не буди сыночка, смолкни, гром могучий,
Вы другой дороги поищите, тучи!

Спи же, спи, мой милый. Гром уже слабее,
Крепкий сон молитвой я тебе навею;
Утром чуть проснешься, встретишь маму снова,
Что, как солнце, нежит сына дорогого».

БОРОВ И КОНЬ

Боров увидел красавца коня
  И насмехаться пустился:
«Эй, кривоногий, смешишь ты меня,
  Где ты такой уродился?»

Коротко молвил красивый конек
(Боров честил его с гривы до ног):
«Тот, кто другого желает задеть,
Должен сперва на себя поглядеть!»

ДЯТЕЛ И ЧИЖ

В роще на кустике чижик сидел,
Сладкую песню заливисто пел.
А на стволе, добывая обед,
Дятел стучал, прилетевший чуть свет.
«Я заболел уж, — сказал ему чиж, —
Что ты без умолку носом стучишь!
Слушал бы молча меня в тишине
И насладился бы пеньем вполне».

Дятел ответил чижу: «Дорогой,
В сердце обиду свою успокой.
Ты забавляешься песней своей,
Я же ищу под корою червей».

ЙОНАС МАЧИС-КЕКШТАС

Выступавший под псевдонимом Кекштас, поэт И. Мачис родился в 1867 году в семье крестьян. В годы учения в мариампольской гимназии он вместе с несколькими товарищами занялся распространением нелегальной литовской литературы, интересовался политической экономией, читал Добролюбова и Чернышевского.

В 1884 году Кекштас начинает издавать рукописную газету, в 1885 году пишет несколько стихотворений, в которых выражает сочувствие беднякам и подвергает критике романтическую литературу журнала «Аушра». В том же году в «Аушре» появляется его статья «Наши беды», автор которой призывал соотечественников к практической деятельности на благо народа и осуждал пристрастие журнала к стихам, идеализирующим феодальное прошлое Литвы.

Не окончив гимназии, Кекштас некоторое время работал домашним учителем, затем переехал в Гарляву. Здесь он близко сошелся с писателем-демократом Ю. Андзюлайтисом и вскоре стал его единомышленником. В 1886 году, после того как Андзюлайтис бежал в Восточную Пруссию и стал редактировать «Аушру», Кекштас напечатал в ней еще одну свою статью «Дух и материя», в которой подверг критике консервативное направление журнала и его пренебрежение к социальным и политическим вопросам.

В 1886 году Кекштас исполняет обязанности волостного писаря, затем некоторое время работает бургомистром, а еще позже — в канцелярии уездного начальника. Всюду он непосредственно сталкивался с бюрократизмом царских учреждений, с недобросовестностью, взяточничеством, произволом. Все это вызывало у него протест, желание бороться.

Опасаясь преследования полиции за распространение нелегальных изданий, Кекштас бежит в Восточную Пруссию, а оттуда эмигрирует в Соединенные Штаты Америки.

В Соединенных Штатах Кекштас примкнул к левому крылу рабочего движения. В редактируемой им газете он энергично защищал интересы рабочих и особенно активно проявил себя во время забастовки углекопов в 1902 году в Пенсильвании, провозглашая уже

революционные лозунги. В это время Кекштас написал немало оригинальных стихотворений, в которых осуждал либерально-буржуазные иллюзии и выражал веру в грядущее социальное освобождение трудящихся.

У Кекштаса было много творческих замыслов, но он не успел их осуществить. Чахотка, которой он уже давно болел, надломила его силы, и в конце 1902 года он умер.

Первое издание стихотворений поэта вышло в 1910 году.

МУКИ ПОЭТА

Кое странное піянство
К пению мой глас бодрит?

Тредиаковский

1

Ах, мой бедный сочинитель, —
Духа своего мучитель!
Высох мозг от мук душевных,
От потуг весьма плачевных.
Время ли весенних почек,
Вьюга ль в поле завывает, —
Он стихи из звонких строчек
Рифмой-гвоздиком сбивает.
Сочинитель бледный, тощий,
Глянешь на тебя — и жутко!
Это ведь, друзья, не шутка —
Воспеванье, скажем, рощи.
Вот, перо мусоля немо
И наморщя лоб гармошкой,
Он глядит с тоской в окошко, —
Там должна сыскаться тема.

«Ну и ну, скажи на милость,
Уж опять весна явилась!
Соловей в саду томится,
Разная щебечет птица,
Ивы, нивы, взор чаруя... —

Это всё отображу я,
И весь мир с благоговеньем
Да узрит мой яркий гений!

„Уж весна пришла на землю,
Уж зиме душа не внемлет...“

Нет! Здесь нету сочетанья —
Разные, вишь, окончанья...

„Уж весна пришла на землю,
Уж зиме душой не внемлю.
Птички в небесах летают,
Песни радостно слагают“.

А, вот здесь выходит славно! —
Льется речь легко и плавно:

„Где стоял сугробушек,
Где чирикал воробушек...“

(Считает на пальцах)

Раз, два, три... седьмой,
Раз, два, три... восьмой...
Лишний слог втесался где-то» —

И озноб трясет поэта!

«„Где стоял сугробушек,
Щебетал воробушек, —
Травка в поле зеленеет,
А в траве цветы пестреют“.

Окончанья вновь хромают.

(Вычеркивает две последние)

„В поле травы зеленеют,
А в траве цветы пестреют...
Мужички ждут всходов хлеба,
Бог на них взирает с неба...“.

Нет, не то...

(Вычеркивает)

„Срубают... знают...
Обнимают... вырезают...

Дуб работнички срубают,
Кол из дуба вырезают!
Пахарь в полюшко выходит,
Конь его ушами водит.
Борозду берет глубоко,
Чтоб потом восславить бога..."»

Перечел. — Ах, что же это?! —
Вновь озноб трясет поэта!

. . . .

Долго, над столом согбенный,
Правил труд он вдохновенный,
Но, увы, молвой капризной
Мой поэт еще не признан,
Оттого, что плод поэта
В «Аушре» не увидел света.
(Подождем, ведь содержанье
В ней не то, что было ране:
Шлюпасу в ней нету места;
В каждом выпуске умело
Стихотворцы густо, тесно
Затыкают все пробелы...)

2

Ну-с, теперь, когда воспето
Благоденствие в природе,
Или что-то в этом роде, —
«Идеал» влечет поэта...
Идеал души и тела!
Есть ли что-нибудь священней?..
Нет. Ну что ж, пора за дело!
Но перо грызет в смущеньи
Сочинитель, тщетно ищет
Для ума высокой пищи:

«„Уж светит зарница,
Просыпается девица...“
Чтоб строка звучала строго,
Уберу два лишних слога.

„Уж светит зарница,
Проснулась девица...
Одевается, конечно,
И на двор бежит поспешно...“

Рифма ль это? Без сомненья.
Вижу два здесь разночтенья:
И «конечно», и «конешно».

„Одевается, конешно,
И на двор бежит поспешно...
Де́вица! Ты вся пылаешь,
Словно звездочка, сияешь.
На тебя глядеть опасно —
Ты, как лилия, прекрасна!
Завлекла меня, парнишку...“

Гм... гм... Здесь, пожалуй, дал я лишку!
Нет, да будь она неладна,
Рифмы, а звучанье складно.

(Вычеркивает последнюю строку.)

„Голову ты мне вскружила,
Глянула — заворожила,
Завлекла меня, парнишку...“.

Снова черт принес «парнишку»!
Шишку... пышку... коротышку...
Нет, не то, не се, не это» —
И озноб трясет поэта!

(Декламирует всё с начала.)

«Вот заело, так заело!

(Долго подбирая рифму)

Баста! К черту! Надоело!
Слишком долго я трудился,
Над стихом проклятым бился!
Не рифмуется — и ладно,
Как всё это ни досадно,
Но пора мне закругляться,
За другое надо взяться:
Воспою отчизне славу, —
Восхвалят меня по праву...»

3

Кудри надо лбом нависли,
Взор исполнен жгучей мысли, —
Наш поэт уже заране
Зрит всеобщее признанье.

«„Ты, Литва, мой край погожий,
Мне всего, всего дороже!“

Нет! тра... тра-та... тра-та... та-та...
Тра-та... тра-та... тра-та... та-та...

„Ах, увы, Литва страдает!
Кто Литвою помыкает?
Сердце этого не знает,
Сердце не подозревает!“

О, сквозная рифма, браво!
Если поразмыслить здраво:
Ни у Гейне, ни у Гёте
Вы такого не найдете!
Коль не я, никто б на свете,
Не придумал строки эти...

„Уголок ты мой несчастный..“

Чтоб эпитет был бы меток,
Сделаю не так, а этак:

„Уголок ты мой злосчастный,
Лишь недавно столь прекрасный,

Ты, увы, судьбой ужасной
Был повержен в день ненастный.

В старину ты был могучий, —
Не было сильней и лучше,
Но пришел день неминучий,
Над тобой сгустились тучи...

Уж тебя не воспевают,
Уж о прошлом забывают,
Мое сердце, ах! рыдает,
Грудь на части разрывает.

Всеми ты, Литва, отпета.
И скорбит душа поэта.
Жизни мне уж больше нету, —
Сжили матушку со свету!..“»

Этот плач души скорбящей
В «Аушру» сочинитель тащит, —
Рты разинув в изумленьи,
Мы прочтем стихотворенье

И подумаем уныло:
Тяжки горести поэта...
Стоило ль труда всё это?
Нет, увы, дружище милый:
Oleum et opera perdidi! [1]

<1885>

ПЕСНЬ БЕДНЯКОВ

В роще порхают беспечные птицы,
В поле свободные бродят стада,
Вольная лань на опушке резвится, —
Счастливы небо, земля и вода.

Нам же на долю досталась неволя,
Гнемся под грузом безрадостных дней.

---

[1] Зря истрачено столько олифы (масла) и трудов (лат.). — *Ред.*

В рабстве, в цепях прозябать нам доколе?
Жизнь с каждым часом трудней и трудней.

Вихрь закипит ли, гроза ль разъярится,
Землю сожжет ли безжалостный зной, —
В ветках — укрытье встревоженной птицы,
Кровля для бабочки — лист расписной.

Смотрим на это с немою тоскою, —
Мы не желаем за труд свой наград,
Крышу нам только бы над головою,
Чтобы укрыться в грозу или град.

Льву расскажи мы о наших невзгодах —
Жгучие слезы он станет ронять!
Лишь богатеев бездушных и гордых
Жалобы наши не могут пронять.

6 января 1885

КТО?

Кто с тобой, птица,
Вступит в бой?
Кто сможет взвиться
Над тобой?
В выси лазурной
Кто прервет
Пламенно-бурный
Твой полет?
В солнечной бездне
Гимн звенит, —
Кто твою песню
Заглушит?
Всё-таки кто же
Он, она? —
Только, быть может,
Смерть одна!

<1886>

БУРЯ

Сгибает ветер мачты злобно,
И волны руль в щепу дробят,
И так корабль швыряют, словно
Скорлупка это — не фрегат.

Корабль с волны съезжает в бездну,
Ликует, пляшет круговерть!
Спасенья нет, всё бесполезно.
Пришла к вам, люди, ваша смерть.

А там вдали, в насмешку будто,
Уже утихла ярость волн.
И к смертникам спешит из бухты
В лучах зари спасенья челн.

<1886>

КАЛНЕНАСУ

1

Печаль гнетет меня всё чаще:
На узкой жизненной тропе
Не видим друга по несчастью,
Теряем брата по борьбе.

Порой не ладим меж собою,
Междоусобицы ведя,
Враждою движимы слепою,
Своим товарищам вредя,

Да сгинет между нами, братья,
Борьба за медные гроши! —
Ей, гибельной, свое проклятье
Я шлю навек, от всей души!

2

Но слышу голос твой далече:
Что ждет нас? Будет ли исход?
Иль в этой ненасытной сече
Душа кончину обретет?

И пусть в бореньях блекнет воля,
Пусть опаляет гнет огнем,
Мы приютим свое бездолье —
В могиле тихой отдохнем.

Нам небеса даруют счастье —
Покой и вечность впереди.
И будет недруг наш не властен
Зажечь страдание в груди!

3

Печалишься? Ты ждал от жизни
Иной судьбы, иных даров?
Не прозябания в отчизне
Среди скопленья подлецов?

Ну что ж, товарищ мой усталый,
Тебе отвечу, не тая:
И мне ведь много обещала,
Едва начавшись, жизнь моя.

Но и сейчас я верить смею,
И думается, что не зря:
Она взойдет и тьму рассеет —
Свободы светлая заря!

<1886>

ПОКИНУТЫЙ

Вы удивляетесь наивно,
Меня жалея иногда:
«Он юноша, он очень молод,

А голова совсем седа».
Не удивляйтесь — небо так же
Меняет цвет перед грозой.
Уснул я ночью с черной болью,
Проснулся с белой головой!

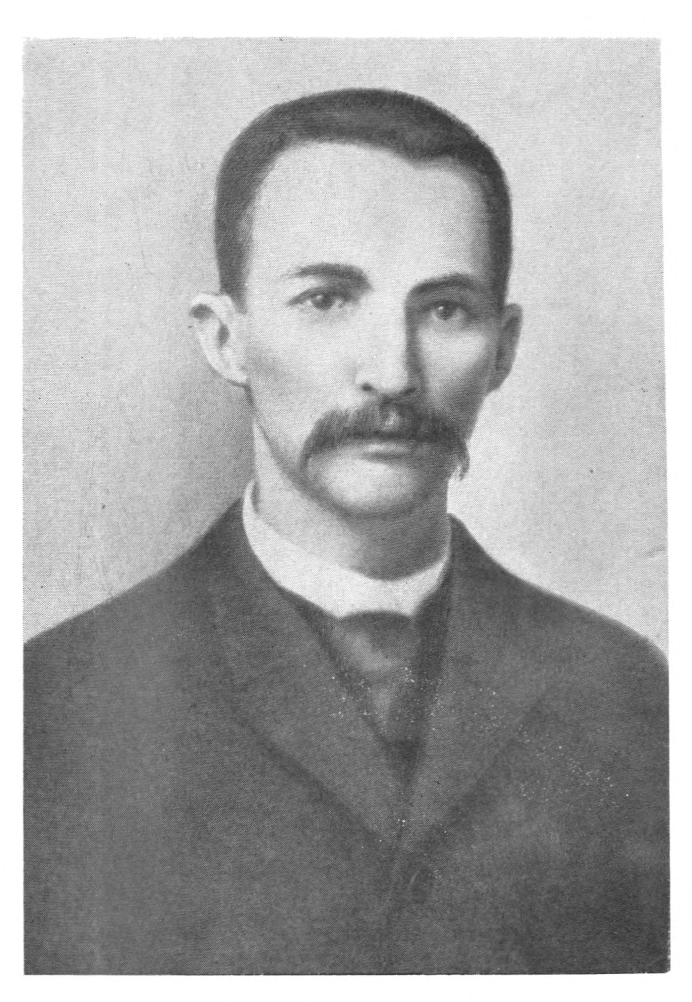
Отец, мечтавший о свободе,
Был сослан в зимние края;
Не пережив тоски и горя,
Угасла матушка моя.
Что ж, двух отцов обрел я ныне
В далекой звездной полумгле,
Две матери живут на небе,
И никого нет на земле.

Едва заря начнет под утро
На ободке небес пылать,
Молю я голубые дали
Мои мученья оборвать...
Ко мне летит прохладный ветер,
Он нежно ластится к груди,
И в небо, словно светлый ангел,
Меня зовет: «Пора, иди!»

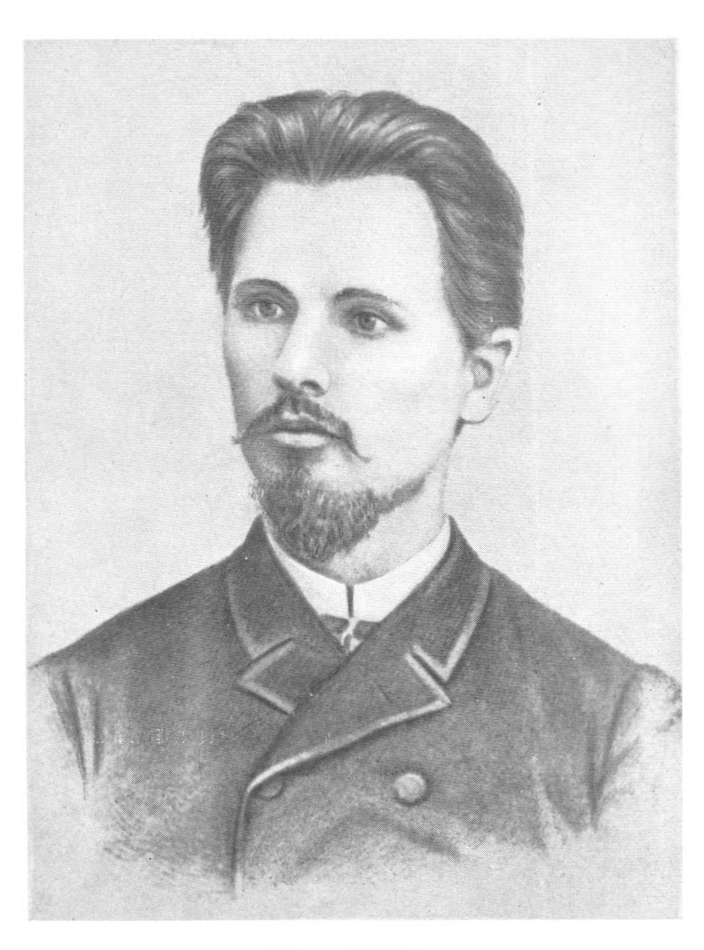
Воркуют голуби на крыше,
Они на диво хороши! —
А кто меня хоть раз обнимет
И приласкает от души?
Я не скорблю, что я покинут,
Не плачу в горькой тишине,
И не зову любовь земную, —
Одна лишь смерть невеста мне.

Вы удивляетесь наивно,
Меня жалея иногда:
«Он в пору юности беспечной
Всё увядает, вот беда!»
Затянут в бурю облаками
Простор, сверкавший синевой, —
Из черной западни несчастья
Я вышел с белой головой.

2 августа 1890

Йонас Мачис-Кекштас

Винцас Кудирка

МНЕ ВЕДОМ ПЛАЧ

Я плачу в безотрадной тишине,
Но — ни слезы. Рыдания беззвучны.
И небо не пошлет улыбки мне,
И сердце застилают скорби тучи.

Не видят. Каждый занят лишь собой.
Явясь из тьмы на светлый праздник жизни,
Довольны многие своей судьбой,
И вот — молчу. Что толку в укоризне?

Не надо слез и жалоб — никогда!
Покинутый, ни на кого не сетуй!
Уйди от них, счастливых, навсегда,
Один скитайся и блуждай по свету.

Я плачу в безотрадной тишине.
Участья жду, как ждет голодный хлеба.
И лишь земля порою внемлет мне,
И слезы рос роняет только небо.

1890 (?)

КАРА

Избранники слепой судьбы,
«Отцы» несчастного народа,
Клеймом неправды ваши лбы
Отметила печать природы!

Наш край под вами стал убог,
Потоки слез разлились в море,
И плещется у ваших ног
Страданье, нищета и горе!

Вы презираете народ,
Его обычаи и нравы.

Еще ни разу не был гнет
Таким жестоким, столь неправым!

Вы осквернили до конца
Всё, что нам дорого и близко,
И ваши черствые сердца
Не чувствуют, как это низко!

Лишив нас отдыха и сна,
Вы бередите наши раны.
Но бойтесь, грозная волна
На вас вздымается, тираны!

Ни палачи, ни их мечи
Не умертвят дыханье века!
Да! к Справедливости ключи
Сверкнут в ладонях человека!..

<1891>

МАЙРОНИСУ

С надеждой по струнам нетвердой рукой
Я вновь ударяю. Как прежде аккорды
В ответ прозвучат ли? И яркой строкой
Блеснет ли твой стих, благозвучный и гордый?

Швентойи и Миния спят, и сквозь сон
Тебя вопрошают: «Какая помеха
Замолкнуть заставила сладостный звон
Тех песен, которыми бредило эхо?»

Ты слышишь меня, домочадец Парнаса? —
И горы, и долы стихов твоих ждут,
Проснись же, взнуздай огневого Пегаса, —

Сам Винцас ценил твой возвышенный труд
И канклес тебе завещал не напрасно, —
Пусть мáстера снова они обретут.

<1900>

* * *

О, будь благословен, Литвы любимый уголок!
Меня, опустошенного, больного,
Ты, как ребенка, чутко приютил.
Душа была измучена сомненьем,
Угасла в сердце звездочка надежды, —
А здесь передо мной открылся рай:
И сердце снова любит,
В душе покой, сомнение исчезло.

Снадобьем лучшим было для меня
Общение с бесхитростным народом,
О матушка!
В твоем высоком сердце —
Величье истинное.
Скажи, о чем мечтаешь, дорогая?..
Когда ты завершишь свой долгий путь,
Откроется перед тобою небо?

Сестрица!
Святая, светлая моя!
Ты сердце нежным воспитала.
В любви взлелеяна, познаешь ты любовь,
И жизненный твой путь украшен будет
Венками руты.
Отец и братья!
Вам счастья не желаю —
И без того вы им наделены.
И напоследок: снова унося в далекий край
Воспоминанья — эхо жизни,
Я благодарен вам за то, что воскресили
Из мертвых мою душу.

<1900>

ВОТ КАК ПОРОЙ БЫВАЕТ

Чтоб раздобыть на пропитанье
Своей персоны — скажем прямо — скромной,
К дельцу пришел я как-то на свиданье
И терпеливо ожидал в приемной.

И вот, из чистой глуби кабинета
С недоуменьем смотрит пышный «благодетель».
Он весь — восьмое чудо света,
А ты — червяк, господь тому свидетель!

Заплат и дыр постыдный поединок —
Не платье — срам, едва скрывает тело!
Да, вижу дело дрянь: из-за худых ботинок
Придется голове торчать без дела!

<1900>

КОЛЛЕГЕ ЙОНАСУ В.

От всей души желаем мы тебе
Больших удач на жизненном пути,
Успеха и в работе и в борьбе
С соблазнами: сумей их обойти,
Не дай себя завлечь пустой хвалой, —
Как пух, легка людская болтовня!
Всегда ты должен быть самим собой,
К народу и друзьям любовь храня.
Коварному врагу не уступай,
С оружием встань на его тропе!
Когда же сбросим иго рабства, знай —
Твой труд воздвигнет памятник тебе.

24 июня 1900

НАДЕЖДА

Убого в природе — зима на пороге.
Листва отструилась в хрустящем лесу.
На веточках иней, колючий и синий,
Растаяв, напомнит собою слезу.

Но незачем плакать. Морозы и слякоть,
Вы знаете сами: не вечен ваш трон!

И снова растенья ковер свой расстелют.
Нет смерти в природе, а есть только сон.

Мятежная воля! Тяжка твоя доля.
Не мало ты ведаешь бурь и невзгод...
Но кончатся бури — и в нежной лазури
Горячее ясное солнце взойдет.

19 сентября 1900

ПЕСНЬ ЛЮДЕЙ ТРУДА

Нас плетью, цепью и ярмом
Связали рабства годы.
Единство — наш утес; на нем
Воздвигнем храм свободы.

Ведь для раба борьба —
Завидная судьба!
Так смело же вперед!
Священный бой грядет
За право жить под небом.

Зерно мы сеяли всегда,
А жрали жмых проклятый;
Мы воздвигали города
Киркою и лопатой.

По доброте души
Нам жалуют гроши!
Мрут дети, а жена
Бледна и голодна!
Ну как стерпеть всё это?!

Пусть, словно молния, сверкнет
Единое решенье.
Позор тому, кто не пойдет
В последнее сраженье!

Мы вместе — как утес,
Мы не страшимся гроз.
Так выступим в поход —
И меч нас приведет
В чудесный рай свободы!

О солнце, дай нам свет сюда,
Пролей свое сиянье!
Прочь нищета и темнота,
Слепое прозябанье!

Объединил нас враг —
Кромешный, черный мрак!
Сквозь жертвы и борьбу
Проложим мы тропу
К лучам свободы, к миру!

17 октября 1900

В ОКЕАНЕ

Седая Атлантика — ширь океана,
Над ней необъятный сквозит небосвод.
Европа исчезла. От ветра-буяна
Вскипает простор атлантических вод.

И вот нарастают валы постепенно,
И в кипени яростных белых седин
Отважно дерется с разгневанной пеной
Наш утлый кораблик, один-на-один.

Бортам корабельным приходится трудно,
А вантам надолго рыдать, а не петь...
Но, грудь выставляя, отважное судно
Не знает, что значит страдать и терпеть.

На палубе перед суровой судьбою
Стою я, охваченный горечью дум:

Всё прошлое вижу сейчас за собою —
Где душу сгубил, как растратил я ум?

И сам вопрошаю себя неустанно:
Зачем без надежды по свету мечусь?
Мечтанья ли гонят меня в океаны?
За новым ли сердцем куда-то я мчусь?

Очнуться... Подняться... С надеждой живою
Отбросить ненужную ношу свою...
Но как же мне встретиться снова с тобою,
О юность моя? И, как прежде, стою

На палубе шаткой. По-прежнему злится
Порывистый ветер меж белых зыбей.
Вдруг капелька пены, упав на ресницы,
Смешалась на миг со слезою моей.

И странное дело: увидел я в этом
Не малую каплю — весь Неман родной...
И вдруг озарился я внутренним светом,
Как будто Литва говорила со мной.

1900 или 1901

ЖАЖДА

Не ищешь встреч, всегда сурова...
Что ж, хоть во сне мне покажись,
За миг блаженства неземного
Я посвящу тебе всю жизнь.

Приди сегодня ночью мрачной,
Лишь сон закроет мне глаза,
Когда объятьям новобрачных
Согласно вторят небеса.

Проснусь под утро — по ресницам
Сбежит незваная слеза...
Но ты опять должна присниться!
Ведь слезы — вешняя роса.

Как птичьи гомон, щебет, пенье
Разбудят роз весенний дым,
Так пусть мелькнет твое виденье,
Святым молитвам вняв моим.

Всё, что гнетет меня, тревожит,
Исчезнет, лишь придешь ко мне.
А если наяву не можешь,
Я буду ждать тебя во сне.

<1901>

ПРАНАСУ ВАЙЧАЙТИСУ

Богини Парнаса тебя воспитали;
Лесные чащобы, излучины рек
Открылись тебе и в тиши нашептали,
О чем помышляет творец-человек.

И мир многоликий стал прост и чудесен!
Прилежным пером, ничего не тая,
Ты создал венок разноцветный из песен,
В которых восславил красу бытия.

Ты — мастер гармонии: чистый узор
Стихов твоих дивных наш слух услаждает...
Теперь ты в раю, и тебя восхваляет
В божественных гимнах архангелов хор.

Твой путь в этой жизни кремнист был и труден:
Родные тебя не дарили любовью,
Ты вынес все мелкие тяготы буден,
Хвалу отвергая, не внемля злословью.

А ныне известен ты стал повсеместно!
Венок мы тебе преподносим лавровый
За то, что литовскую нашу словесность
Твое неземное возвысило слово.

21 сентября 1901

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

Стремглав проносилось летящее время,
Но в наших трущобах года костенели!
О, как нищета навалилась на темя
Лачуг, погруженных в кромешную темень!
    Но солнце сверкнуло сквозь щели!

Веками над нами царили свирепо
Правители — банда ничтожеств отпетых,
Создавших с живого уродливый слепок —
Законы, — и мы поклонялись им слепо,
    Пока не увидели света!

1902

В ДОЛИНЕ ВАЙОМИНГА

Когда-то мальчуганом в знойной роще
Гонялся я за бабочкой; чиста
И солнечна она неслась — на ощупь,
Небесная, земному не чета!
За ней! Меня цеплял репейник тощий!
И вдруг она исчезла, как мечта...
Вернулась в небо радужная греза?..
Ах, вот она, здесь... в жижице навоза.

Вот так надежды жизни быстротечной,
Пока они задорны и свежи,
Тебя влекут: награды ждать не вечно,
Лишь идеалу преданно служи!
А тронешь это всё рукой беспечной
И ужаснешься — горстка голой лжи:
Там, где виднелся замок неприступный,
Теперь вползает в ноздри запах трупный.

<1902>

ВИНЦАС КУДИРКА

В. Кудирка родился в 1858 году в семье зажиточных крестьян. Окончив начальную школу в своей родной деревне, он начал посещать гимназию в Мариамполе, где особенно сильно было польское влияние, тон которому задавало местное дворянство.

В 1877 году по настоянию отца он определился в духовную семинарию, но через два года возвратился в мариампольскую гимназию, которую в 1881 году успешно заканчивает и уезжает в Варшаву, где поступает в университет. Здесь Кудирка сначала принялся изучать филологические науки, но через год переходит на медицинский факультет. В Варшаве же он завязывает отношения с партией «Пролетариат», переписывает краткий перевод «Капитала» К. Маркса, за что в 1885 году был арестован и исключен из университета.

Полный антицаристских настроений и желания бороться, Кудирка вернулся в университет только через два года. Не возобновляя связей с польскими революционерами, он в 1888 году активно включается в литовское национальное движение, вместе с единомышленниками издает в Восточной Пруссии нелегальный литовский журнал «Варпас» («Колокол»), пишет несколько стихотворений, в которых призывает к практической деятельности на благо отечества.

По окончании университета в 1889 году Кудирка поселяется в Шакяй, а затем в Науместис. Все свои силы он отдает журналу «Варпас» и делается его фактическим редактором.

В 1894 году Кудирка заболел чахоткой. Лишенный возможности из-за болезни заниматься врачебной практикой, он всецело отдается литературной деятельности, пишет стихотворения, в которых призывает соотечественников решительно бороться с царизмом, бичует литовскую интеллигенцию за пассивность и примиренчество, пропагандирует просвещение, пишет сатиры в прозе, направленные против политики царизма, переводит произведения Байрона, Шиллера, Мицкевича, Крылова и других поэтов. Это были лучшие по тому времени переводы.

В 1899 году вышел сборник стихотворений поэта, изданный под псевдонимом Винцас Капсас.

Кудирка скончался в Науместисе, в 1899 году.

ПРЕКРАСНО, ПРЕКРАСНЕЕ И ПРЕКРАСНЕЙ ВСЕГО

Прекрасно видеть средь чужих людей
Кружок литовцев, что, сходясь порою,
Душевность отдают стране своей,
Сливая память детства с ней, с родною.

Прекрасней, если их сердца от слов
Неотделимы, и к стране родимой
Обращены, как бы на зычный зов,
И ей всегда верны неколебимо.

Но видеть всё ж прекраснее всего,
Что слову тотчас отвечает дело
И что, веленьем сердца своего,
Отчизны честь они хранят умело.

<1888>

ЛАСТОЧКА

Песня

Еще подняться медлит солнце,
Как слышу щебет, и в оконце
Вперяю глаз.
Касатка с траурной головкой
Себе жилище строит ловко
В рассветный час.

Должно быть, сам господь такую
Послал мне гостью дорогую, —
Спасибо ей:
Как слышу песнь ее на воле,
Позабываю вмиг о доле
Лихой своей.

Так было грустно мне доселе:
Дни счастья, мнилось, отлетели
Навек. Но вот —
Поля оживлены весною,
И в небе снова предо мною —
Ее полет.

Былого горя нет в помине,
Ее напевами отныне
Я вдаль ведом.
Не улетай же в страны юга,
Нам будет веселей, пичуга,
С тобой вдвоем!

<1888>

КОЛОКОЛ

Лишь солнышко первым лучом возвестило
Приход свой земле из предела в предел,
Проснувшийся колокол медною силой,
Как будто бы голос людской, загудел.
Вставайте, вставайте, вставайте, вставайте...

И вот, копошась, как мурашки в тревоге,
Усердно по всем закоулкам земли
Работники, неутомимы и строги,
В жилищах и на поле труд повели.
Вставайте, вставайте, вставайте, вставайте...

Всё громче, настойчивей колокол дальный,
И голос его раздается, как стон.
Зачем не прервет он напев свой печальный? —
Поднять должен с ложа всех лодырей он!
Вставайте, вставайте, вставайте, вставайте...

Звони же, о колокол! Пусть не смолкая
Проходит твой гул по родимой стране!
Твой голос волнистый — от края до края —
Пускай не впустую звучит в вышине!
Вставайте, вставайте, вставайте, вставайте...

Кто может работать, пускай, издалёка
Твой голос услышав, берется за труд!
А если найдется кой-где лежебока,
Пусть будит его неустанно твой гуд:
Вставайте, вставайте, вставайте, вставайте...

<1889>

LABORA![1]

Сей зерна благие, покуда ты молод,
Ведь будет же поздно, как станешь негож
И в тело войдет омертвляющий холод, —
Чего не посеешь, того не пожнешь!

Покуда в груди вдохновенное пламя,
С которым, будь даже несилен и мал,
Ты, кажется, можешь ворочать горами, —
Работай, чтоб даром твой день не пропал!

Пока опьянен ты возвышенной целью,
Стремись к ней, — твои благородны труды.
Но только спеши. Ведь наступит похмелье —
Захочется золота, сладкой еды.

Читай повнимательней жизни страницы,
Чтоб, омутом лени засосан порой,
Ты выбраться мог бы и дальше пуститься,
И с честью пройти по дороге земной.

И если усталость почувствуешь всё же,
И грусть, и тревога начнут донимать,
Взгляни, полюбуйся на труд молодежи,
И прежняя бодрость вернется опять!

<1890>

НЕ ТОТ ВЕЛИК...

Велик не тиран, перед кем миллионы
Склоняются, помня про цепи и кнут,
Кого прославляют они умиленно,
А в сердце своем озлобленно клянут.

Лишь тот называться великим достоин,
Кто жизни для ближних вовек не жалел
И, стоя за правду как доблестный воин,
Являет величье поступков и дел.

---

[1] Трудись! (лат.). — *Ред.*

Не тот, кто ступает в крови по колени,
Прозванье могучего впрямь заслужил:
За ним — города в запустеньи и тлене,
За ним — вереницы несметных могил.

Могуч, кто не льет ни кровинки единой,
Кто братство и дружбу народам несет,
Прямит угнетенным усталые спины,
Снимая с них бремя житейских невзгод.

Смел вовсе не тот, кто в неистовстве яром
Хватает оружье и с диким лицом
На ближнего рушит удар за ударом, —
Он — зверь кровожадный в обличьи людском.

Лишь тот называется подлинно смелым,
Кто мысли свободной дорогу торит,
Готовый пред миром отстаивать целым
Ту правду, что твердо в глаза говорит.

<1890>

ВАЛЕРИИ

Когда, в борьбе с судьбой, душа моя устала
И в тине я погряз бесчисленных невзгод, —
Я руки опустил... Но твердо ты сказала:
«Нуждаются в тебе отчизна и народ!»

Неблагодарный свет глумился надо мною:
Был всё проклясть готов на каждом я шагу,
Но мне напомнила ты с твердостью мужскою
О том, что я еще у общества в долгу.

И я работать стал, забыв свои невзгоды,
Но, оклеветанный, лишился я свободы,
Меня терзал врагов злорадствующий рой...

Луч заронила ты в тюрьму, где тьма и тленье,
Как ангел, ты душе дала успокоенье, —
Благословенна будь, друг незабвенный мой!

<1895>

МОИМ СОБРАТЬЯМ

Когда налётом шквал скорежит столб
сосновый
Из тех, которые крепят жилья основы,
Дом не разрушится, — не убегайте прочь!
Взамен того столба вы лишь немедля новый
Поставьте столб — такой точь-в-точь!

Когда падет, сражен врагом или судьбою,
Один из тех, кто звал неутомимо к бою
И поднимал ваш дух, — не дрогните душой! —
Но доблести пример пускай, под стать герою,
Покажет кто-нибудь другой!

Когда лютует враг, неистовством объятый,
Литва любимая, быть гидрою должна ты,
Что, головы́ лишась, взамен плодила пять!
Тогда ты выживешь, хоть будут вновь утраты,
Хоть враг не спит, отчизна-мать!

<1896>

ПРОСВЕТИТЕЛЯМ ЛИТВЫ

Зачем вы без конца твердите, что наука —
Лекарство от невзгод, спасения порука?
Зачем красивыми словами всякий раз
В соблазны вводите вы легковерных нас?
Зачем любому вы сулите путь, который
Ведет, мол, в ясные, в раздольные просторы?
Трудом измождены и гнетом черной тьмы,
Спеша заполучить обещанное, мы
Сказали, протянув ладони с волдырями:
«Ну, что ж, наука где, расхваленная вами,
Ее давайте нам!» Тут оборвался вмиг
Многоголосый ваш и неуемный крик,
Куда-то скрылись вы, как праздные созданья,
Ветрами унесло все ваши обещанья!

Зачем тревогу нам вселили вы в сердца,
Напомнив о Литве, о том, что до конца
Исполнить перед ней свой долг необходимо?
Кричали вы: «Трудов для родины любимой
Не пожалеем мы! В обиду не дадим
Мы недругам народ! Борясь, покажем им,
Что жить и мы хотим! Ступайте же за нами,
Мы будем вашими достойными вождями!»
С огнем в сердцах, досель холодных, неживых,
Мы дружно поднялись на сонм обид своих.
Когда ж, нас окружив, терзала вражья стая,
Вы улизнули, всех ей в жертву оставляя!
Сажают в тюрьмы нас, в оковах гонят вдаль, —
Самоотверженность людская вам видна ль?

Иль укротите вы свой разум возбужденный,
Вновь потушив огонь, у нас в сердцах зажженный,
Иль просвещайте нас, как истые вожди,
Чтоб не заглох порыв! Но будьте впереди,
Пусть не пугает вас водоворот событий, —
Вождями назвались — вернитесь и ведите!

<1897>

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Ты, Литва, страна героев!
Славе прошлого верны,
В нем пускай живую силу
Черпают твои сыны.

Путь добра предпочитая,
Пусть прилежней и дружней
Трудятся на пользу края
И на благо всех людей!

Пусть под нашим солнцем тает
Тьма, пугающая глаз,

И пускай сопровождает
Неизменно правда нас.

Пусть любовь к Литве всё жарче
В нас горит, ведя вперед,
И во имя края предков
Пусть единство процветет.

<1898>

ГОЛУБОЧЕК

Голубочек сизокрылый,
Полети к желанной, к милой, —
Ждет со мною встречи
Милая далече.

Ты снеси ей весть в просторы,
Голубочек синеперый,
Что грущу давно я,
В сердце нет покоя.

Если б дал ты, голубочек,
Крылья мне хоть на денечек,
Я б, тоской томимый,
Полетел к любимой.

Я б узнал, полны ли муки
Для подруги дни в разлуке,
Я б спросил у милой —
Помнит иль забыла.

Так пустись же, поспешая,
К милой, пташка голубая, —
Прилетай с ответом,
С ласковым приветом.

<1899>

ВОРОБЬИ И ЧУЧЕЛО

Жить решили в дружбе воробьи.
Стыдно не держать слова свои, —
Так гурьбой они повылетали
Зерна поклевать среди полей.
Ну, и те, что были посмелей,
Хлопотать в колосьях спелых стали.

Но приметил вдруг один из них
Что-то черное в хлебах густых,
В голос зачирикал он с испуга.
Услыхав его тревожный крик,
В кучу воробьи слетелись вмиг.
«Что случилось?» — спрашивают друга.

Указал воробышек: «Торчит
Чудище в колосьях — страшный вид! —
Крылья, клюв, посмотришь — вроде птаха...».
— «Попадет в беду из нас любой», —
Воробьи толкуют меж собой,
Еле дух переводя от страха.

— «Это — царь-орел! Уж знаю я! —
Пропищал один. — Летим, друзья!
Может наш услышать разговор он...»
— «Это, брат, сова! Летим тотчас, —
Не она ли пожирает нас? ..»
— «Это — ястреб!» — «Нет, неправда, —
ворон!»

Между тем пролетный ветерок,
Как нарочно, по хлебам потек,
Шевельнув неведомую птицу.
Во мгновенье воробьи в луга
Пулями пустились от врага,
Позабыв про сладкую пшеницу.

Так и скрылись воробьи вдали,
Толком чудища не разглядели...
А в колосьях-то на самом деле
Только пугало они б нашли.

<1899>

САПОЖНИК И ПОДМАСТЕРЬЕ

Ка́псаса басню послушайте, дру́ги:
Жил-был сапожник, пьянчуга безбожный.
В строгий обычай вошло у пьянчуги —
На подмастерье ремень свой сапожный
Пробовать, чтобы в сердечном порыве
Брался потом он за дело ретивей.

Как-то, насев на питомца, пьянчуга
Левой рукой за вихры его сцапал,
Правой — ремень сжал, закрученный туго,
После ж, свалив горемычного на пол,
Стал ему с рвеньем отменным по заду
Сыпать удары, подобные граду.

Думал сапожник (свой взгляд у любого!),
Что за труды и за хлопоты эти
Должен ему благодарное слово
Молвить отхлестанный, ибо на свете
Так повелось, что дерут не жалея,
Только лишь тех, кто любимы нежнее.

Хлещет он, а подмастерье — ни звука,
Стал ему слать он проклятья без счета:
«Где же, скажи, твоя совесть, гадюка?
Иль о себе ты не видишь заботы,
Добросердечной, хозяйской? А ну-ка,
Живо целуй благодетелю руку!»

А подмастерье, избит и охаян,
Так же молчит, ибо чает, что скоро
Порке конец; но пьянчуга-хозяин
Пуще бушует, исполнен задора;
Тут у бедняги терпенья не стало,
Он истязателю молвил устало:

«Дядя, ты хочешь, чтоб был без конца я
За потасовку тебе благодарен,
Руку велишь целовать ты, как барин, —

Да, но какую, спросить я дерзаю:
Ведь занята же и та и другая!»

Долготерпенью не знает границы
Тот, кто неволею служит причуде
Злых самодуров. Но как не дивиться,
Коль благодарности ждет кровопийца!
Праведный свет! Справедливые люди!

<1899>

ПРАНАС ВАЙЧАЙТИС

Пранас Вайчайтис — один из выдающихся литовских поэтов конца XIX века. Жил он всего 25 лет, однако оставил довольно значительное по объему поэтическое наследие.

Вайчайтис родился в 1876 году в деревне близ Синтаутай. Окончив начальную школу, он в 1887 году поступил в мариампольскую гимназию. С тринадцати лет Вайчайтис уже начинает писать стихи. Вскоре он включается в нелегальную работу — распространение запрещенной литовской литературы, проникается передовыми идеями своего времени.

Изучая с 1895 года право в Петербургском университете, Вайчайтис продолжал интересоваться литературой, читал Донелайтиса, Кудирку, Венажиндиса, Баранаускаса, Майрониса, изучал народные песни и сказки. Тогда же он знакомится с творчеством ряда передовых русских и польских писателей XIX века, у которых учится мастерству, продолжает следить за нелегальной периодической печатью и общественной жизнью Литвы.

Окончив в 1900 году университет, Вайчайтис пытался получить работу в Литве, но это ему не удалось. Он вернулся в Петербург и поступил на службу в Библиотеку Академии наук. Поэт собирался отправиться в Бельгию для изучения коммерческих наук, но заболел скоротечной чахоткой и осенью 1901 года умер.

Еще в 1896 году три стихотворения Вайчайтиса были анонимно напечатаны в «Варпас», а в 1897 году в литовской газете «Венибе Летувнинку», выходившей в США, появилось довольно много его стихотворений, за подписью: Пранцишкус Сякупасака. Первый же сборник стихотворений Вайчайтиса был издан в 1903 году.

* * *

В мир пришел бедняк обычный
За другими следом.
Подрастал он, горемычный,
Никому не ведом.
А подрос — кормиться нужно,
А труды велики;

Ближним, верно, недосужно
    Знать о горемыке.
Людям кланялся бедняга,
    Угодить старался;
Зря старался, бедолага, —
    С ним никто не знался!
Горемычного терзали
    Горести да хвори, —
Парня беды да печали
    В гроб загнали вскоре.
Убивались, ох, как мало!
    В землю положили.
Горько матушка рыдала,
    Молчали чужие.
Горевали, только мало:
    Велико ли горе!
Только матушка рыдала,
    И скончалась вскоре.

<1896>

* * *

Дуйте, вихри ледяные,
Не страшитесь никого!
Ну-ка, выдуйте, шальные,
Боль из сердца моего!
Жизнь мою печали точат,
Такова судьба моя;
Смерть меня скосить не хочет,
Ждет, пока состарюсь я.
Ты ответь, ответь мне, вьюга,
Убиваться мне доколь?
Вправду ль нет на свете друга,
Что мою постигнет боль?
Бури, бури, голосите,
Мне в лицо пахните льдом,
Только муку угасите
В пылком сердце молодом!

<1896>

* * *

Брел я в город нелюдимый,
Непокорен и суров,
Покидая дом родимый
И родимый скромный кров.
Голосила мать в печали,
Я махал рукою ей,
Но меня не удержали
Слезы матушки моей.
На моей родной сторонке
Всё колышутся хлеба,
Песни ласковые звонки,
Видно, парню не судьба!
Горе гнет меня, сгибает,
Здесь я столько перенес,
Здесь никто не приласкает,
Не приметит тихих слез.
Лишь свирель меня порою
Веселила, хоть грустна,
Незатейливой игрою,
Но замолкла и она...
Ах, зачем душа в печали, —
С каждым днем я всё грустней,
Что ж меня не удержали
Слезы матушки моей?!

<1896>

ЕСТЬ СТРАНА

На свете есть одна страна —
И жаворонок там летает,
И, ветерком опьянена,
Река у берега блистает.

Там дудка поутру поет,
Там люди сеют, жнут и пашут,
Там трудовой соленый пот
Стекает по холсту рубашек.

А если вдруг проездом гость
В избу любую постучится,
Муки пусть в доме будет горсть,
Накормят и дадут напиться.

Как мне тех девушек забыть,
Что ярче золотого лета?
Мне там пришлось недолго быть,
Литвой страна зовется эта.

Там бедняки, на склоне дня
Устало возвращаясь с поля,
Везде и всюду, как родня,
Поют, поют о лучшей доле...

Как мне забыть, что в этот час
С цветами серебристых лилий,
С венками руты встретить нас,
Бывало, девушки ходили?

Как позабыть ее закат,
Когда пригорки остывают,
И вдаль уходят облака,
И люди песни запевают.

А дальний колокол гудит...
Давно уже заснули птицы.
Но месяц бодрствует, глядит,
А от него и мне не спится.

И думы льются как река,
Влекут меня к отчизне властно.
Где этих мыслей берега? —
Они в Литве моей прекрасной.

Литва моя! Родной земли
Уже давно не видят очи.
Как тяжко без тебя вдали,
Бессонные лишь знают ночи!

<1897>

* * *

Прелесть ночи,
Месяц ясный.
А она, потупив очи,
В сад идет тропой безгласной.
Ветер дремлет над долиной,
Он уснул во мгле глубокой,
Робкий голос соловьиный
Сладок сердцу одинокой.
Дуб на страже новолунья,
Меркнут облачные дымы,
Шепчет яблоня-горбунья:
«Все печали утолимы!»
Прелесть ночи,
Шелест ночи,
Счастья зов неповторимый!
Ждет она, потупив очи,
Скоро ли придет любимый.
Сердце чуткое трепещет,
Полное волшебной силой:
Скоро ль месяц вновь заблещет,
Скоро ль в сад заглянет милый?
На заре напевы звонки,
В небе вьются жаворонки,
На работу люди вышли,
А она всё ждет в затишье...
В прелесть ночи,
В шелест ночи
Вплетены рассвета розы,
А она, потупив очи,
Тихо утирает слезы.

<1897>

ЕЛИ

Ой вы, ели, с хвойной сенью!
Не возьму я, ели, в толк,
Отчего под вашей тенью
Отдыхает лютый волк?

Отчего под хвоей колкой
Свой таинственный приют
Диким хищникам и волкам
Пущи тихие дают?

Почему лесов боится
Запоздалый пешеход?
Отчего в лесах таится
Хищный зверь, что режет скот?

Старый лес шумит ответно:
«Есть и люди в городах,
Что, увы, пред целым светом
Бирюки о двух ногах.

Зверя дикого лютее,
Не уставшие жиреть,
Кровососы-лиходеи
Всё стремятся богатеть.

У иного, как во храме,
Не житье, а просто рай,
Он же щелкает клыками
На соседский каравай,

Грош последний отбирает,
Давит, мучает народ.
Отчего же так бывает?
Смерть их, что ли, не берет?»

<1897>

СОНЕТ

Мечтанья прежних дней исчисли:
Полна весенней чистоты,
Мне помнится, иные мысли
Тогда высказывала ты.

И в пику юношам прелестным,
Их искренности не ценя,

Ты награждала чувством лестным
Меня, лишь одного меня!

Теперь пошла иная мода, —
Теперь твоей душе сродни
Доход богатого урода;

Он стал твоей статьей дохода, —
Возьми его и обмани,
Как и меня в былые дни!

<1897>

* * *

Воитель отважно сражался,
Сковал его сон беспробудный:
Сраженный мечом, он остался
Лежать в мураве изумрудной.
Глаза ему выклевал ворон,
Сорочку дожди отстирали,
И ветер о нем, как о хвором,
Печется, исполнен печали.
Семья заждалась его дома,
Но он ей не будет защитой,
Вдали от родимого дома
Покоится ратник убитый.

<1897>

* * *

Оня́ле рыдала,
Горько изнывая:
Милому, как видно,
Нравится другая.
Слезыньки струятся,
Личико бледнеет,
И любовь былая
Вянет, холодеет.

Время всё залечит
Нежно и сурово!
Оняле полюбит
Паренька другого.

<1897>

* * *

Ой, как ветер ходит в жите,
Вихри ржицу закачали,
Ой, жнецы, повремените
С песней, полною печали!
И моих раздумий волны —
Словно песнь, что спета вами,
А в душе, раздумий полной,
Будто рожь идет кругами!
Вот сейчас падешь ты, ржица,
Скошена косой угрюмой, —
Голод мой угомонится,
Отшумят былые думы.
Рожь, гудеть повремени ты,
Хоть сейчас стоишь прямая, —
Ой, жнецы, не пойте в жите,
Хоть поля у вас без края.
Душу у меня доселе
Только скорби источали, —
Нет в ней места для веселья,
Пусть войдут в нее печали.
Ржица нынче посветлела,
Гром тележный на дорогах,
А мое худое тело
Повезут на черных дрогах.

<1897>

* * *

Волны морские
Плескались, галдели,
Сестры младые
На волны глядели.

Да не на волны,
А в дальние дали:
Милого брата
Они ожидали.
Море шумело,
Гудело, косматo;
Долго ли ждать
Ненаглядного брата?
Не ждите, кручинясь, —
Холодное тело
В пучине
Вам смерть опознать повелела.
Ваш братец почил
На волнах, словно в зыбке, —
Плывут за ним следом
Беспечные рыбки.

<1897>

* * *

Как этот полдень плодоносен,
И грустен, и туманно-мглист,
Когда с ветвей сгоняет осень
Тебя, увядший желтый лист!
Давно ль, зеленый и лукавый,
Ты лобызал живую твердь?
А нынче в некий саван ржавый
Тебя окутывает смерть!
Рассвет росой к тебе не прянет,
Луч солнца для тебя погас,
И с первым ветерком нагрянет
Твой смертный, твой последний час.
И станешь ты искать приюта
На побуревшей мураве,
Но, вихрями подхвачен круто,
Запляшешь в хладной синеве.
И ты, мой друг, цветешь пионом
Сейчас в родительском краю,
Но вскоре по морям бездонным
Направишь утлую ладью.
Ты понесешься в урагане,

Как лист, увядший и ничей,
Мечтая в гневном океане
О свете ласковых очей.
Теперь, счастливый и здоровый,
Ты как утес неколебим,
Но грозно взвоет вихрь суровый,
И станешь ты листком сухим.
Кораблик жалкий с вихрем в споре,
Окутан бесприютной мглой,
Ты не найдешь в житейском море
Блаженной лилии былой.
Недолог, хоть и плодоносен,
Расцвет твой, гордая душа:
Тебя с ветвей роняет осень,
Янтарным холодом дыша.

<1897>

* * *

Ой, то не буря в гневной яри
Корчует пущи глубину, —
То Витаутасовы бояре
Сзывают братьев на войну.
Войска на битву выступают,
Полков топочущих не счесть:
Сыны Литвы коней седлают,
Чтоб отстоять отчизны честь.
Скрипит сафьян на добрых седлах,
Сверкают светлые мечи, —
Пора смирить злодеев подлых,
За всё получат палачи.
Быть может, ветер с побережий
Шуршит железною листвой?
Быть может, это рев медвежий?
Быть может, это волчий вой?
То не ветров угрюмых рати,
Что завывают много дней, —
То звон мечей литовских братьев,
То ржанье их гнедых коней.

Холмы, увалы да болота,
Черна от всадников земля, —
Рукой до вражьего оплота
Подать — вот недругов поля...
Прощай, отчизна золотая,
Отчизна счастья и любви, —
Напевы радости сплетая,
Мужай, красуйся и живи!
Плутают дымы в горней сини,
Ждет знака конницы гурьба, —
И видит Ви́таутас, где ныне
Не спят крижаки-ястреба!
Нет, то не молнии пронзили
Ночную тучу, горячи, —
Литовцы недругов сразили,
Звенят их светлые мечи!
Молитвы, стоны и проклятья...
Литовцы славой дорожат:
Раскрыв кровавые объятья,
Крижаки мертвые лежат.
С Зеленой Пущи иль с востока,
Далёко, будто след беды,
Лежат, доколе емлет око,
Крижаков мертвые ряды.
А песня вольного литвина
Как птица рвется из груди, —
Седая мать, к доспехам сына
В час возвращенья припади!

<1897>

ЖАЛОБА УМИРАЮЩЕГО СОЛДАТА

Замолкли яростные пушки.
Поля черны. Леса дымят.
Среди убитых на опушке
Стонал израненный солдат.

И думал он: «Ну, что худого
Я сотворил? Чем грешен я,

Что вдруг меня лишили крова,
Солдатом сделали меня?

Зачем пригнали тьму народа,
Зачем их травят, как зверей?
Не битва ль это за свободу,
Мятеж измученных людей?

Но нет, свобода для богатых,
А бедноте во все года
Планида — погибать в солдатах,
Чтоб наслаждались господа.

Ведь мы, убогие крестьяне,
На то, видать, и рождены:
За барина на поле брани
Ложись и гибни в дни войны.

Ах, черный ворон, ворон-птица!
Лети ты в мой родимый дом:
Там горе черное ютится,
Но и надежда тлеет в нем.

Ах, конь мой, конь, скачи ты к дому!
Что мне чужая сторона?
Ты привезешь отцу родному
Мои пустые стремена.

Когда же ворон злой закрячет
Рыдальцем в маленьком окне,
Когда мой конь к двери прискачет, —
Там все узнают обо мне.

Там зарыдают и заплачут,
Но это только плач родни:
Солдатик — многого не значит,
Солдаты, дешевы они.

Сынки да братцы дорогие —
Всё это мусор для господ.

Убьют одних, придут другие, —
Так день за днем, из года в год.

Зачем нужна мне шашка эта?
К чему валиться на штыки?
Мне дороги в лучах рассвета
Мой плуг и чалые бычки.

Ах, люди честные, поверьте:
В глуши бывает счастье... Там
Никто не жаждет нашей смерти
В угоду важным господам.

Там ветер свежий, ветер росный
Колышет волосы едва,
Там руки подымают сосны,
Свои качая рукава.

Кукушка там часы кукует,
Там изнывает соловей,
Скворцы разумные толкуют
О вечной прибыли своей...

А нынче руки воздевает
Теперь не стройная сосна:
Там стонет, плачет и рыдает
Солдата милая жена.

Не старый дуб и не осина
Шумят-бушуют под бедой:
То мать клянет войну за сына,
Грозит отец полуседой.

Не яблонька, грустя, стеная,
Качает свой душистый плод, —
Жена солдата молодая
Над колыбелькою поет:

«Кричи, сынок мой ненаглядный,
Плачь до зари, отца зови!

Повоевал отец — и ладно,
Немало пролито крови.

Пускай дерутся богатеи,
Коли охота и не лень. . .»
А кровь течет. И всё темнее
В глазах солдата белый день.

<1897>

* * *

На горе Рамауя всё пламя горело,
И юная жрица на пламя глядела.
«Сверкай, огонек мой, во тьме непроглядной,
Смири мое сердце в груди моей жадной;
Венец мой пусть косы мои не терзает,
А сердце пусть нежного чувства не знает!
Веночек из руты с янтарным набором,
Ответь, где мой милый с пылающим взором?
Скажи, что хранит он коней быстроногих,
Скажи, что сражает он недругов многих,
Скажи его сердцу, что слишком сурово,
Что мне увидать его хочется снова!
Ему я сказала б — ты истинный грешник,
Люблю я взаправду, а ты лишь насмешник!
Прощай, молодец, милый цвет георгина,
И яркость пиона, и алость калины! .
Я буду любить тебя долгими днями,
С измученным сердцем беречь это пламя.
И только дубравы родной колыханье,
Да бедной зозули вдали кукованье,
Да месяц, так весело в небе плывущий,
Напомнят тебе о влюбленной и ждущей.
Любви ты не ищешь, доволен хвалою,
А имя мое покрывают хулою. . .»
Любовь вайделотки, неведомой жрицы,
Как светлое злато в пучине хранится.
Закрыла лицо вайделотка руками,
И тихо угасло беспечное пламя.

<1897>

* * *

Влажной кроной к небу прянув,
Посреди лесных полян,
Не страшился ураганов
Крепкоствольный великан.
Он меньшим деревьям застил
Солнца свет, рождая тьму;
Что ему чужое счастье,
Если рад он своему?
Дуб могучий в три обхвата,
Не боялся он вовек
Тучи, что дождем чревата
Иль несущей вихрь и снег.
Темной пущи запевала
С несгибаемой душой,
Вкруг себя сгубил немало
Бедной братии меньшой.
Но однажды вихрем горним
Посреди лесных земель
Исполин был вырван с корнем,
А дубки стоят досель!

<1897>

* * *

Дни мои перегорели
В очаге трудов и мук,
Но поет в моей свирели
Каждый шорох, каждый звук.
Пусть невзгодами измучен,
Ты со мной, свирель моя:
К посвистам твоим певучим
Всё прислушиваюсь я.
Ты мне сердце отогрела,
Растопила боль и грусть,
Ты проснулась, ты запела,
Я с печалью расстаюсь.
Ты мне душу пробудила

Нежной музыкой твоей, —
Знаешь, мне давно постыло
Пепелище юных дней!

<1897>

ПЕСНЯ

Я дубок перед рассветом
Посадил весною.
Ну, и тешился при этом
Песенкой такою:

«Ты расти, расти, дубочек,
Потянись спросонок,
Подымайся выше прочих
Сверстников зеленых!

Будь, дубочек, многоруким!
Развевайтесь, ветки!
Расскажите нашим внукам,
Как живали предки,

Зашумите, словно море,
Как подует ветер. . .
Расскажи, мой дуб, о горе
На всем белом свете.

И дубы от боли клонит,
Если рубят корни.
Кто ж из нас, скажи, не стонет
От недоли черной?»

<1897>

ЛЮДИ ТРУДЯТСЯ

Да, трудно быть простолюдином!
И сто потов с тебя сойдут,
Чтобы затем грошом единым
Твой был оплачен черный труд.

А здесь уж по́дать подоспела,
Но чем платить? Откуда взять?

Брось! Господам-то что за дело?
В дела не входит наша знать.

Как волк, что ухватил ягненка,
Урядник будет кровь тянуть,
И слезы твоего ребенка
Не тронут хищника ничуть.

Откуда ждать тебе спасенья?
Кто скажет слово за тебя?
Когда наступит день отмщенья,
Твоих грабителей губя?

Ты хочешь воли! Надоело
Влачить оковы целый век.
Но как начать такое дело?
Ведь ты же темный человек...

Забросив сразу все работы,
Покинув поле и семью,
Хотел бы ты зарю свободы
Добыть мечом в святом бою.

Но ты совсем иного нрава.
Нет, муравей не станет львом.
Бедняк! Ты не добьешься права.
Трудись же на поле чужом.

И плачь над ним, как плакал прежде,
Как плакали отец и дед,
Вздыхай и прозябай в надежде,
Которой воплощенья нет.

Вот день прошел, и новый прожит,
А там и оборвется нить...
Где ж тот родник, который сможет
Тебя отрадой напоить?

Он здесь! Он в жилах разольется.
Он утешает нищий мир.
Он водкой издавна зовется,
Сей справедливый эликсир.

<1897>

* * *

Не всех крижаки в домовину
Втоптали с яростью слепой:
Окровавленных на чужбину
Погнали скорбною толпой.
Смакуя нашу долю злую
И занеся над нами плеть,
Они запели аллилуйю
И пруссам повелели петь.
«Запойте, что вам жить в печали!» —
Они орали всякий час,
И наших братьев истязали,
Чтоб пробудить покорность в нас.
Но нет, доселе свято эхо
Былых страданий, прежних мук, —
Наш горький плач для них потеха,
Смешон им нашей песни звук.
Пускай язык окостенеет
В устах того, кто столь горласт,
Что вражью песню возлелеет,
Кто брата кровного предаст!
Счастлив, кто рабского удела
Не снес в объятьях палача, —
Ведь кровь героя заалела,
Светла, чиста и горяча.
Счастлив, кто в праведных когортах
Идет, чтоб недругам отмстить,
Кто храбро внидет в царство мертвых,
Чтоб свыше нас благословить,
Неся надежду братьям ратным.
Но всех счастливее стократ
Тот, кто в огне, с мечом булатным
Воспрянет у кровавых врат.
Кто, словно буря, без пощады
Гнездо грабителей сметет,
Кто отомстит за муки ада,
За вековой зловещий гнет!

<1897>

СОНЕТ

Ах, соловей, свою истому
Ты под моим окном не пой,
Ты полети к родному дому,
Домашним сердце успокой.

И матушке седоголовой,
Когда не спит она в ночи,
Ты обо мне скажи хоть слово,
Иль хоть без слов прощебечи!

Ветвями темными качая,
Там липа нагоняет грусть,
Там стонет матушка седая, —

Прощебечи: не плачет пусть!
Она томится, ожидая.
Скажи, что скоро я вернусь.

<1897>

СОНЕТ

Теплынь. И ветвей колыханье.
И стрекот цикад, и возня.
И всякое славит дыханье
Приход жизненосного дня.

За стайками песен веселых
Летит мое сердце домой,
Туда, где всё вьется проселок,
Точь-в-точь как червяк дождевой.

Там пьют на дожинках родные. . .
Пусть вспомнят они обо мне,
Закончив труды полевые.

Там ветер шуршит на стерне,
Там зреют напевы иные
В народе, в земной глубине.

<1897>

* * *

В саду родительском вишневом
Однажды жаворонок пел,
Без отдыха под вешним кровом
Отважный жаворонок пел:
«Нежданно расцвели пионы
В еще не полотом саду;
Никто в саду забытом, сонном
Не шел смотреть на их беду.
Но солнце те цветы согрело,
Как только расточилась ночь, —
Оно над ними пламенело
И сорняки исторгло прочь.
Но травы сорные душили
Живую жизнь в саду глухом,
Они пионы заглушили,
И всё в нем умерло потом.
И всё ж нарушен был сурово
Зловещих сорняков покой,
И расцвели пионы снова,
Благословляя труд людской».

<1897>

* * *

Ребенок в лохмотьях глядел сквозь ограду,
Малыш худосочный смотрел как в чаду,
Как носятся барские дети по саду,
Какое веселье в заветном саду.

Должно быть, там груши и яблоки сладки,
До ночи смотри, не натешится взгляд!
Звенят стремена деревянной лошадки,
Сверкают штыки оловянных солдат!

Там дудок не счесть и корзинок плетеных,
И чудных сластей в тех корзинках не счесть,
И горько задумался нищий ребенок:

«О, боже! Хоть раз бы забор перелезть,
В траве поутру поваляться спросонок
И яблок румяных без спроса поесть!»

<1897>

* * *

Счастьем будь взыскан,
Край наш родимый, —
Господом данный,
Самый желанный,
Самый любимый!

Братья, согбенные
Горем великим,
Слезы утрите,
Ввысь посмотрите,
Стоны забудьте.

Руте зеленой,
Лилии белой,
Милой, девицам,
Нашим сестрицам, —
Вечно цвести.

Лесу да бору,
Пущам столетним,
Солнцем взращенным,
Шумным, зеленым,
Вечно стоять.

Вы ли под ветром
Дышите тяжко?
Дышите тяжко,
Ту́жите горько?
Вы нам друзья!

Наших героев,
Витязей наших,
Вы укрывали,
Кров им давали,
Дайте и нам.

Их усыпляли
Светом Плеяды,
Витязей наших;
Быстро будил их
Свет заревой.

Дождь умывал их,
Ветер им веял,
Леса певали им,
Пищу искали им
Дикие звери.

Так вот и нынче
Вы зеленейте,
О нас радейте
И насаждайте
Мир меж людьми.

<1897>

СОНЕТ

В чужом краю не мог я наглядеться
На прелесть лилий, руты, георгин, —
Цветенье их меня пленяло с детства,
Но думал я про цвет иных долин.

Я вспоминал о милых георгинах
И о венках на гордой голове.
Из нежной руты, из цветов невинных
Плетут венки невесты на Литве.

А георгины в садиках укромных
Отважны, и прекрасны, и ярки,
Как в сонме девушек блаженно-скромных
Веселые литвины-пареньки.

Исполненные свежести льняной,
Цветите девы на Литве родной.

<1897>

* * *

Пранас Стонялис женой обзавелся зело плодовитой;
Право, смешно и сказать, но случалось, поверьте,
по сотне
Детушек милых она производила на свет.
Муж, поначалу, смеялся, увидев, что множатся чада,
Ну, а потом он, бедняга, взмолился, едва не заплакав:
«Помилосердствуй, и свиньи, ей-ей, не плодят
поросяток
Сотнями в год, так уймись ты хоть раз, а не то
Взбучку получишь, — ведь в толк не возьму, кто их
будет,
Малых, кормить, где так много я хлеба достану?»
Ну, а жена, что ни день, разрешалась от бремени
чадом.
А между тем мать-земля начала к Пранаса женке
Зависть питать, а потом возненавидела вовсе:
«Что ей неладно, негоднице, я плодовита безмерно,
Ну, а она, негодяйка, хочет меня обогнать?!»
Мигом на землю сойдя, негодяйку взманила богиня
В чистое поле и молвила: «Ладно, скорей превращайся
В иву, и больше таких не выделывай шуток».
Затрепетала жена, будто овца перед волком:
Плачет она и рыдает, стоя пред злою богиней,
Только вот ноженьки стали в сырой земле корениться,
Громко вскричала она и было хотела бежать,
Но земля, как дракон, несчастную всё поглощает.
«Боже, Перкунас, ответь, чем я пред тобой
провинилась?
Разве не чтила тебя, жертв не носила тебе?
Что же меня ты отверг, словно цветочек увядший?
Дай мне немного пожить, дай мне вскормить моих
деток,
Кто без меня их взрастит, кто их пригреет как
должно?»
Слезы ее увидав, престарелый Перкунас премного
Горестным сердцем скорбел, что такая случилась беда,
Но не хотел он препятствовать злому желанью богини.
Молвил: «Смирись и терпи, но слушайся только меня:
В дерево ты превратишься, однако же в древо благое,

Будешь ты деревом тем, что в песнях воспето всегда,
Будешь помянута ты человеком в лесу или в поле,
Вспомнит тебя человек, что гонит гнедого коня».
А уж ноги жены превращаются в ствол нерушимый,
Губы еще шевелятся, но их одевает кора,
Соки текут из очей, а не слезы, блаженные слезы.
Руки (она их воздела, жарко моля всеблагого)
Тут же стали ветвями, а гроздьями — тонкие пальцы.
«Ты уж прости, белый свет, — с детьми говорить я не буду,
В лес не сведу их уже, чтоб сбирать землянику с малиной,
Брошена на произвол зноя, и стужи, и ливня,
Буду терпеть я за пращуров ваших, литовцы,
За прародителей ваших и за их поздних потомков, —
Стало быть, стану, литовцы, терпеть я за них и за вас».

<1897>

ПЕСНЯ УЗНИКА

Вновь солнце шлет охапки света
И жаждет радости людской:
Им нынче вся земля согрета,
Нарушен снеговой покой.
А в камере дыханье стужи, —
Мне, хоть сквозь прутья как-нибудь,
Не смеет солнышко снаружи
Хоть малый лучик протянуть!
Но я безропотно страдаю,
Собою я не дорожу,
Порою мирно напеваю,
Сквозь влагу слез на мир гляжу.
Свои благословляю муки,
И тот печальный миг люблю,
Когда мне оковали руки:
Ведь я за родину терплю!
И мне сочувствия не надо,
Друзей прошу я не о нем:
Ведь тот, чье сердце правде радо,

Не знает горести ни в чем!
Живет он, веры не утратив, —
В нем не померкнет счастья свет:
Ведь тот, кто жив любовью братьев,
Тот упованием согрет!
Но я б желал всем сердцем сына
Узнать, проведать вот сейчас:
Вы сознаете ли, литвины,
Что я страдаю лишь за вас?

<1898>

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я выбежал в мир предвечернего гула,
Где будто шипит остывающий день,
Где вдумчивый месяц склонился сутуло
Над сумраком, впутанным в сад и сирень.
Домой возвращаются люди с работы,
Жучков загудела крылатая рать,
И песенки здешней сплетенные ноты
По-своему славят земли благодать.
Ну что ж — я в ладу с этой тихою песней:
Внимаю, блаженство в душе узнаю, —
Гляжу, созерцаю... и всё же чудесней
Родные напевы в литовском краю...
На родине слаще соловушка милый,
Приятнее сумрак в родимом саду,
А здесь я как лебедь, как пойманный силой
Кликун, обреченный метаться в пруду!
Хоть сыпь ему полные пригоршни корму,
Он чахнет, летун, он еды не берет,
Он в море стремится, к порыву и шторму,
Чтоб в дальние-дали направить полет.
И мне на чужбине в мгновенье такое
Пора бы желанный покой обрести, —
Но щедрое сердце не ищет покоя,
Ведь родина мне — словно солнце в пути!

<1898>

ВЕСНА

Уже заневестились юные вишни,
Апрель их в цветущие ризы облек,
Так девушки смотрят на руту в затишье,
Готовясь вплести ее в свежий венок.
Апрель животворный в округе бродяжит;
Как вишни весною цветут и глядят,
И как непритворно любовь свою кажут
Над рутой, над нежностью девственных гряд!
Полны этой страстью желанной, влюбленной,
Они, или тени их, в светлые дни
Всё тянутся, тянутся к руте зеленой,
И всё дотянуться не могут они.
К цветку приникает пчела-хлопотунья,
О чем-то поет ему в вешнюю рань,
А после в свой улей вернется вещунья,
С цветенья собрав свою сладкую дань.
А яблони, добрые наши старушки,
На вишенье смотрят из темных шатров,
И ветви нахохленной скрюченной груши
Наш сад берегут от студеных ветров.
А груша цветет, к небу ветви воздевши,
Да ей не дождаться уже соловья,
Вот разве что явится дрозд овдовевший
Иль вдруг воробьев приблудится семья!
А ночью, лишь месяц прорежется только
Да вспыхнет созвездий далеких каскад,
Весь вишенник пляшет веселую польку,
Отслушав разлив соловьиных рулад.
С утра только щебеты вьются, крылаты,
То птичье веселье, лазурь и цветы, —
Как будто со свадьбы в янтарную хату
Невесту ведут, распевая, сваты!
И только певца одолела невзгода,
Давно истомившись, сомкнулись уста, —
На родине милой гудит непогода
И застит собратьям глаза темнота.
Когда же весна твоя к людям прорвется,
Отчизна моих упований и слез?
Какие тебя омрачили уродцы,
Какой оковал тебя лютый мороз?

Весна наша нынче еще в колыбели,
Еще земляки мои бремя влекут,
И многие братья еще не прозрели,
К лицу ли нам песня веселая тут?
Насмешкой отчизне б она показалась,
Ее бы отчизна принять не могла, —
Ведь храбрых ее оковала усталость
И раны покрыли героев тела.
И пусть бы запел я и весело, право,
Как в вишенье белом поет соловей, —
Мне губы сковала б рыданья отрава,
Рыданья б послышались в песне моей.
Когда же от сердца промолвит литовец:
«Веселье настало, жизнь снова ясна», —
Возрадуйтесь, братья, к прибытью готовясь,
Явилась и к нам золотая весна!
Печатное слово и разума рвенье
Повсюду — мы живы, и свет не погас, —
Поет по весне соловей единенья,
Настал пробужденья торжественный час!
Уже не свирепствует гнусное пьянство.
Вся в вишенье белом, вдоль вешних долин,
Отчизна весеннее славит убранство,
И духом окреп пробужденный литвин!

<1898>

* * *

Хотел зачерпнуть я алмазы ладонью,
А снял лишь росу с предрассветных полян.
Хотел я привадить счастливую долю —
Достались мне только осот да бурьян.
Хотел я привлечь к благородному делу,
К труду исполинскому толпы людей,
Но сердце, видать, у людей охладело,
И глухи они к пылкой речи моей.
И всё же мне мнится еще и доныне,
Что в душах простого народа живет
Великое чувство, как жемчуг в пучине,
Как перлы в глубинах таинственных вод.

<1900>

ПЕСНЯ ЗАПИВОХИ

У кота под боком киска,
У гуся гусыня близко,
У помещика — супруга,
У прислужника — прислуга,
У меня ж — туды ль, сюды ль —
Только утлая бутыль!

Котофея кошки бьют,
Утки селезня клюют,
Парня цукают девчата,
А мамзель честит магната.
Я ж счастливей всех вокруг:
Водка — мой первейший друг!

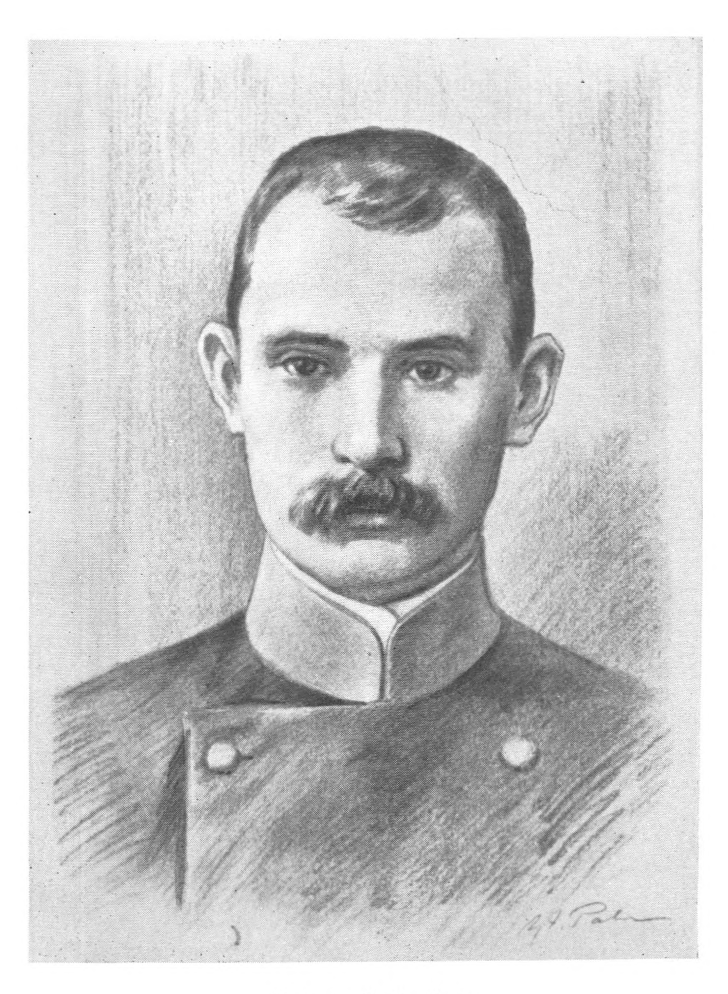
Я в карман посуду суну,
А потом на пробку дуну,
Вырву прочь — и улюлю! —
Полбутылки в рот волью, —
При оказии такой
Горе снимет как рукой!

Мы не ведали бы грусти,
Если б Неман в славном русле,
Вместо вод и вместо слез,
Лишь одну б водчонку нес, —
Коль от берега до дна
Только б горькая одна!

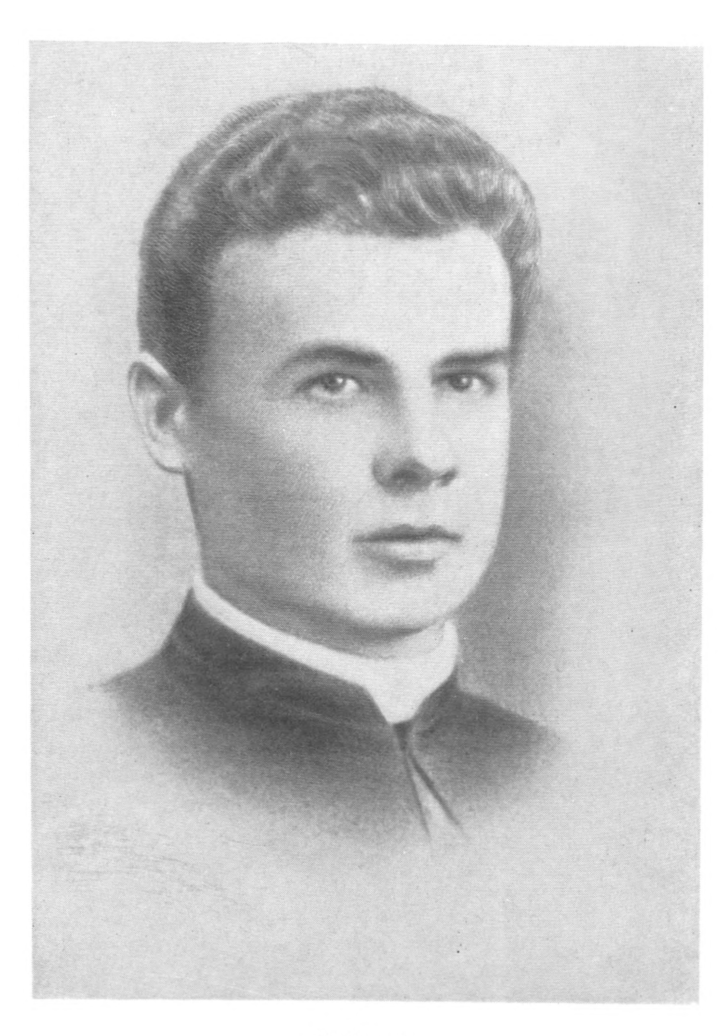
Вот отрада-то была бы,
Вот гульба тогда пошла бы,
То-то б рыбы, люди, пташки
И зверушки-замарашки
К Неману б за полземли
На карачках поползли!

Рыбки б водочку лакали,
Люди б радостно икали, —
Всё зверье — ни дать ни взять —
Стало б горькую хлестать, —
Мать сыра-земля вверх дном
Заходила б ходуном!

<1901>

Пранас Вайчайтис

Майронис

МНЕ ВСЁ РАВНО

(На мотив Венажиндиса)

Я опоен горчайшей желчью,
Но свет надежды не угас;
Нет, горя мы не стерпим молча,
Воспрянет солнце и для нас.
Как счастлив тот, кто равнодушен:
Хула, хвала — не всё ль одно?!
Он благодушен и бездушен
И знай бубнит: «Мне всё равно».
Что для такого радость брата
Иль наша общая печаль?
«Мне всё равно» — и с краю хата,
И никого ему не жаль!
Такой гляделки пялит бодро,
Не различая свет и тьму, —
Что там? Ненастье или вёдро?
И плачут братья почему?
«Мне всё равно» — твердит рассудок
И умеряет сердца прыть.
Одна заботушка — желудок
Поаккуратнее набить.
Но я не так живу на свете,
И мне не всё равно, друзья,
Клянут меня отчизны дети
Иль славят то, что сделал я.
Лишь дайте честную работу:
Готов любую тяжесть снесть,
Трудиться до седьмого пота,
Чтоб пользу родине принесть.
Чтоб сердце вновь не замирало
От горя и невзгод в ночи,
Чтобы работа ободряла,
Как солнца яркие лучи.
Чтобы за гранью гробовою
Мне довелось наверняка
Остаться памятью живою
В душе любого земляка.

<1901>

ЖАЛЬ!

Жаль мне дней моих кипучих,
Счастья жизни молодой,
Жаль жемчужных влажных тучек,
Поразвеянных бедой;
Жаль труда и вдохновенья,
Не сломивших тяжкий гнет,
Жалко воодушевленья,
Превратившегося в лед;
Жаль мне чувств, святых и страстных,
Что смогли растаять вмиг,
Жаль мне слов людских прекрасных
И глухих ушей людских.
Жаль мне детских слез невинных,
Жалко мне небесных птах:
Быть в когтях им ястребиных,
Иль запутаться в силках!
Жалко матери печальной,
Нищей родины моей, —
Жалко мне земли опальной,
Сын ее не служит ей.

<1901>

МАЙРОНИС

Майронис — псевдоним Йонаса Мачюлиса, одного из самых крупных литовских поэтов.

Родился Майронис в 1862 году в семье свободных крестьян. В 1873 году он поступает в каунасскую гимназию. В это время он живо интересовался русскими поэтами — Пушкиным, Лермонтовым, а также польскими — А. Мицкевичем, Ю. Словацким и Ю. Крашевским. Вскоре он и сам начинает писать стихи.

Окончив гимназию, Майронис поступает в Киевский университет. Однако через год под влиянием своего очень близкого друга А. Витартаса он переходит в каунасскую духовную семинарию, окончив которую, поступает в Петербургскую духовную академию.

Занятия в академии мешали ему заниматься поэзией. Только начиная с 1892 года, после того как он окончил академию и уже занимал должность профессора в тех же учебных заведениях, в которых учился сам, Майронис вступает в период подлинной творческой зрелости.

В 1895 году он издал сборник своих стихотворений «Голоса весны». Эта книга при жизни поэта переиздавалась шесть раз, причем трижды состав ее пополнялся новыми стихотворениями. В том же году вышла из печати и его первая поэма «Через страдания к славе», которая позже, в 1907 году, была им радикально переработана и переиздана под названием «Молодая Литва».

После революции 1905—1907 годов и до самой своей кончины в 1932 году Майронис отзывался на многие события в жизни литовского народа, писал не менее интенсивно, чем в первый период своего творчества. Однако его поздняя поэзия утрачивает романтическую возвышенность и оптимизм, все чаще в ней слышатся сожаления о незаметно пробежавшей жизни, о приближающейся смерти. В эту эпоху своей деятельности — особенно после первой мировой войны — Майронис обращается к крупным литературным жанрам, пишет поэмы: «Расейняйская Магде», «Наши беды» и баллады. Но ни эпическое, ни драматическое творчество уже не достигает тех художественных вершин, которых он достиг в качестве поэта-лирика.

ЛЕС ШУМИТ...

Лес шумит, гудит тревожно,
Ветер дерево ломает;
И тоска мне сердце гложет,
Как в тисках его сжимает.

Где вы, славные дубравы?
Вы теперь другими стали.
Дни былой великой славы,
Вы куда, куда пропали?

Плачет о дубах дубрава, —
Топоры их порубили;
Да, видать, былую славу
Не найти в могильной пыли.

Кто же нам вернет былое,
Мощь, которой мы владели?
Кто поднимет тех героев,
Что в земле давно истлели?

<1885>

* * *

Славный лес ты, лес зеленый,
Годы мощь твою сломили.
Братья, слышу ваши стоны, —
Вы бы прошлое забыли!

Но холодный лютый ветер
И людей и лес ломает,
И порывы злые эти
Нас от дремы пробуждают.

Перемены в мире снова:
Слабый встанет, сильный рухнет;
Но без муки, горя злого
Так слабеет сильный духом.

Вспомнив славное былое,
Родины сыны проснутся:
Горе породит героев, —
Их сердца огнем зажгутся!

<1885>

НАВЕКИ ТЕБЯ ПОЛЮБИЛ ТВОЙ ПОЭТ...

Навеки тебя полюбил твой поэт,
Певец твой, печалью томимый,
Что вынес мучения тягостных лет —
И всё для тебя, для любимой.

Любимая, кто же тебя наделил
Чудесною тайною силой,
Что в сердце раздула угаснувший пыл
И дух в небеса устремила?

Немало прекрасных земных дочерей
За дайны, за стих величавый
Пытались пленить его страстью своей,
Сулили богатство и славу.

Пускай не окутан шелками твой стан,
Красой не отнимешь ты воли,
Но к сердцу поэта был ключ тебе дан
Одной глубиной твоей боли.

Хоть юное сердце не ведало мук,
Не жаль ему юности ясной.
Ты ликом рассвета сияла вокруг,
И мир он увидел прекрасный.

И первая песня была рождена
Печальнее шума лесного.
Звездою светила певцу ты одна,
Будя вдохновенное слово.

Где светлого Немана воды бегут,
Там песня разносится гулко.

И свято заветную песнь берегут
   В дворцах и в глухих закоулках.

Дарили подруги поэтам цветы
   И лавры с улыбкой привета...
А ты, о любимая родина, ты
   Когда-нибудь вспомнишь поэта?

<1892>

ТРАКАЙСКИЙ ЗАМОК

Вот замок тракайский в дремоте, во мхах,
   Столетнею славой окутан;
Его именитых властителей прах
   Истлел и покоится тут он.
Столетья несутся. Развалины спят.
И всё неизбежней, всё глуше распад.

Смущает ли ветер озерную гладь,
   Стихают ли сонные волны, —
Крошатся размытые стены и — глядь! —
   Срывается камень безмолвный.
А замок темней и темней с каждым днем.
И чуткое сердце горюет о нем.

Но сколько столетий он прожил светло,
   Но скольких он рыцарей славил!
Здесь Ви́таутас храбрый садился в седло
   И ратной дружиною правил.
Где славная, грозная та старина?
Где наши преданья? — погибли сполна.

Вы, мертвые стены, вы, черные рвы,
   И вы, безоружные башни,
Ответьте, о чем вспоминаете вы,
   Что снится вам в дреме всегдашней?
Вернется ли прошлое, иль навсегда,
Как юность, исчезло оно без следа?

Я часто у грустных развалин бродил.
   Слезами туманились очи.

И сердце горело, пока я следил
За шествием сумрачной ночи.
И сердцу напрасно хотел я помочь.
Вокруг расстилалась безмолвная ночь.

1892

ЛИТОВЕЦ И ЛЕС

Лес литовский, лес зеленый,
Что ты плачешься, бессонный?
Ветер листья обрывает?
Или ты, по божьей воле,
Стал причастен нашей доле,
Что, коснувшись, убивает?

Как литовец, так дубрава —
Заколдованные, право!
Не ответят на вопросы,
Ничего не скажут толком,
Только плачут тихомолком,
Слезы сыплются, как росы.

А когда в листве весенней
Соловья раздастся пенье
И подснежник забелеет, —
Как литовец, лес дубовый
Промолчит, не скажет слова,
Только сердце потеплеет.

<1895>

ОЙ ТЫ, МАТЬ, НЕ РЫДАЙ!

Ой ты, мать, не рыдай, что твой сын молодой
Пойдет за отчизну сражаться
И, повержен, как дуб горделивый лесной,
Будет судного дня дожидаться!

Не ломай свои руки, как ветви берез
Ломает ветрище суровый.
Потерявший отчизну, потоками слез
Не вымолит родины новой.

За широкими реками наши полки,
Там славу Литвы они множат.
Будет ангел плести из алмазов венки
Героям, что головы сложат...

Сколько храбрых осенней листвой полегло!
А какой их дарили любовью...
В нашем Немане меньше воды утекло,
Чем пролито вражеской крови.

Вел там Витаутас смело на битву бойцов,
Вражью спесь он крушил без пощады.
За девять морей и за девять лесов
Прогнал крестоносцев отряды.

И багровое солнце садилось во мгле
Над вильнюсским кладбищем строгим —
Предавали солдаты героев земле,
А души их встречены богом...

Ой ты, мать, не рыдай, что сынок молодой
Пойдет за отчизну сражаться
И, повержен, как дуб горделивый лесной,
Будет судного дня дожидаться.

<1895>

С ГОРЫ БИРУТЕ

Разливаясь широкой волной в час зари,
Грудь мою своим бурным приливом залей,
Голос гордой стихии своей подари,
Одари меня, Балтика, силой своей.

Мне тоски о тебе не прогнать, не унять.
Если б вновь услыхать твой таинственный шум!
Ты одна только можешь поэта понять.
Волн твоих вековых не избыть — словно дум.

Грустно мне и тебе, — отчего, не пойму,
Ты не знаешь забвения даже во сне.
Только б волны завыли грознее сквозь тьму,
Только б море придвинулось ближе ко мне.

Друг мой, где ты? Тебе лишь открыться б я мог.
Ты, как море, поймешь, что печаль велика.
Для тебя мою тайну я долго берег,
Сохранишь ее ты, как хранил я века.

<1895>

МИНИЯ

Что Минии волны темны и печальны
И в сумерках тихо текут среди нив?
Иль солнца им жаль, что за чащею дальней
Скрывается, землю во тьму погрузив?

О милая Миния, к синему морю
Спеши, коль тоскуешь о солнечном дне:
Небес королева с улыбкой во взоре,
Краснея, купается в светлой волне.

Но Миния наша томится тоскою,
Печальна, как прежде, неслышно бежит,
Не жаль ей, что солнце зашло золотое,
Что тьма на лугах и деревьях лежит.

Ей жаль берегов, что пестрели венками,
И песен веселых и звонких ей жаль,
И дуба, что пел о любви ей ночами,
Когда засыпала зеленая даль.

Я Минии грустной, бродя у излучин,
Хотел бы сказать, что она не одна,
Но кто-то с ней вместе тоскою измучен...
Но тайну от звезд пусть узнает она.

<1895>

ТАК МАЛО ОПОРЫ...

Так мало на земле опоры —
Мир полон болью и бедой!
Не часто вы, небес просторы,
Светлы над вдовьей головой.

Но кто изведал вдохновенье,
Небесных чувств высокий строй,
В ком живы прежних дней виденья, —
Уже не станет сиротой.

Ему звезда во мраке светит,
Он с нею будет говорить...
Хоть люди сердцу не ответят —
Он их не сможет не любить.

Прекрасной песней он согреет
Свою измученную грудь,
В его глазах любовь сумеет
Слезой серебряной блеснуть.

<1895>

ЯСЕНЬ И ЧЕЛОВЕК

Много лет, много дней
Становясь всё стройней,
Рос ясень — зеленый, красивый,
Средь широких долин,
Средь берез и осин
Вершины не гнул горделивой.
Если вихрь налетал —
Он стоял, не дрожал,
Смотрел величаво и смело.

Сколько ясных ночей
В свете звездных лучей
Листва о любви шелестела!
Как-то глянул он вниз:
Там, где корни сплелись,
Рос маленький ясень зеленый.
Новым чувством томим,
Старый ясень над ним
Покачивал радостно кроной.
Он уж в лес не глядит,
Гордый вид позабыт, —
Лишь сына к себе прижимает;
Ветер северный мчит, —
Он за сына дрожит,
Удел свой печальный он знает. . .
Мягок ветер лесной;
Ясень рос молодой —
Гордился он, сил набирался.
А вот ясень-старик
Ослабел и поник,
Всё меньше листвой покрывался. . .
Вскоре люди пришли,
Топоры занесли —
И рухнул подрубленный ясень;
Молодой задрожал,
Но упасть — не упал,
Он высится — зелен, прекрасен!
Ствол распилят прямой,
Гроб сколотят большой:
Отец постарел не на шутку. . .
А из верхних частей —
Колыбель для детей,
Кричать уже начал малютка.

Дни идут. Склонена
Над ребенком жена,
Поет она первенцу-сыну:
«Ты расти, мой сынок,
Так красив и высок,
Как ясень у края долины».

<1895>

РОСЛА КАЛИНА...

На калине листы зеленели,
Раскрывались под солнцем цветы;
Гроздья ягод от песен звенели,
Соком алым, как кровь, налиты.

Для кого ж они зрели
И на ветках алели?
Кто их первый найдет,
Кто сорвет,
Ожерельем себя обовьет?

У Дубисы, где берег высокий,
Там красавицы песни поют;
Словно ягоды, рдеют их щеки;
Над водою венки они вьют.

Так звучат эти песни,
Будто в сердце им тесно.
Кто ж калину найдет,
Кто сорвет?
И кому она сердце зажжет?

Все красавицы звонкоголосы,
И румянец на лицах у них,
И у всех светло-русые косы,
Но Марите прекрасней других.

Все девицы в округе
Льнут к прекрасной подруге;
Отчего же она,
Лишь одна,
Неспокойна, печальна, бледна?

Словно роза, она расцветала,
А сегодня печально глядит;
Как цветочек от стужи, увяла
И ночами подолгу не спит.

Уж не этот ли парень,
Танцевавший с ней в паре,

Неспокойный такой,
Что тоской
Отнял сон у нее и покой?

Ой, сердца берегите, подружки,
Надевая на косы цветы;
Может слово, запавшее в душу,
Растревожить девичьи мечты.

Блеск нарядов ничтожен, —
Чистота вам дороже;
Жизнь давая листам
И цветам,
Пусть калина завидует вам.

<1895>

КОГДА-НИБУДЬ ЦЕПИ СПАДУТ...

Пусть когда-нибудь ржавые цепи спадут
И забрезжит заря нашим детям и внукам,
Но какое они объясненье найдут
Нашим долгим ночам, нашим мукам?

Что нас ждет? Если можешь, надейся и верь, —
Разве иначе вынесешь эти несчастья?
Сам господь нас забыл, и от ближних теперь
Не дождаться, как видно, участья.

Ни росинки в полях, ни звезды в небесах.
Воспалились от крови глаза голубые.
Лишь у мертвых покой в их смеженных глазах, —
О страданьях они позабыли.

Мы безропотно тяжкое иго несем,
Без ночлега скитаемся, пó свету кружим.
Пусть гуляет гроза и смятенье во всем, —
Мы смиренно всевышнему служим.

И от слез и стенаний отвыкнув навек,
Подставляем ударам согбенные плечи.

Истуканом как будто бы стал человек, —
Не проймут его смелые речи.

Стоит глубже вздохнуть, — сколько силы в груди
Неистраченной, сколько в ней чувства осталось...
Неужели одна только смерть впереди?
Неужели такая усталость?

Кто поймет? Кто укажет удел тяжелей?
Хватит жалоб! Оставим хоть честное имя.
Так мужайтесь же, братья, споем веселей,
В путь-дорогу с мечтами своими!

А когда-нибудь ржавые цепи спадут
И забрезжит заря нашим детям иль внукам.
И, быть может, они объясненье найдут
Нашим долгим ночам, нашим мукам.

<1895>

МЫ ПЕСНЮ НОВУЮ ЗАТЯНЕМ...

Мы песню новую затянем —
Лишь молодежь ее поймет!
Не по старинке петь мы станем —
Для дум иных пришел черед.

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Зарею новой встанут годы,
Взойдет и солнышко в зенит!
В душе предчувствие свободы
Так ясно, сладостно звенит.

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:

Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Скинь, край мой, старые одежды,
Чужую рвань не береги. . .
Огнем возмездья и надежды
Ее безжалостно сожги!

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Возьмемся, братья, мы за дело!
Рассвет с отчизны сон стряхнет, —
Любовь преграды рушит смело,
Она растопит зимний лед.

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Нас гнет рукой железной давит
И в лед заковывает грудь. . .
Так пусть душа отчизну славит,
На богатырский встанем путь!

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Тот не литовец, кто трусливо
Свой край оставит в трудный год,

Кто предков дух вольнолюбивый,
Их долгий подвиг предает.

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Тот не литовец, кто не любит
Напевов милой стороны,
Кто смотрит холодно, как губят
Отчизну-мать ее ж сыны...

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Тот не литовец, кто не может
Отречься от спокойных снов,
Кто отчих подвигов не множит,
К трудам великим не готов.

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:
Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

Плечом к плечу, за дело, други!
Тянитесь к знаньям всей душой, —
Пусть наши лиры, книги, плуги
Несут добро Литве родной!

Хотим, чтоб ввысь
Слова неслись:

Придет пора другая!
Для смелых дел
Твой дух созрел,
Отчизна молодая!

<1895>

ДЕВУШКА

Покрылись цветами луга и поля,
Трава голуба и бела;
И мне подарила соцветья земля,
Чтоб я, как поля, зацвела.

Сверкая в лучах, меж холмами бежит
Под небом цветным ручеек;
Я буду смотреть, как от ветра дрожит,
В воде отражаясь, венок.

Веселые птицы запели в лесах
Весеннюю песню свою;
Зеленый венок на моих волосах,
И я, королева, пою.

Вот конь вдалеке захрапел и заржал, —
То милый отправился в путь;
Я спрячусь, поближе к нему подбежав,
Решусь лишь украдкой взглянуть.

<1895>

ЗЕМЛЯ УСНУЛА...

Земля уснула. Тишина.
Лишь звезды яркие сияют.
Лишь крылья сладостного сна
Моей тоски не усыпляют.

Нет сна для звездной высоты,
Успокоенья — для желаний.

Скажи, чего же ищешь ты,
Душа, в глуби воспоминаний?

Но звезды, чуть блеснет восход,
Дремотные закроют вежды, —
Лишь сердце мира не найдет,
Ни сна обманчивой надежды.

<1895>

ПЕСНЯ

Горюет ли сердце: «Ой, нет! Ой, нет!»
Кукушка в лесу кукует чуть свет.
Кукует-тоскует и сердце мне точит,
Как будто зазвать меня в рощицу хочет,
Как будто дает мне совет.

Безжалостны люди, подальше будь!
Без них, одна проживи как-нибудь!
Но жалко мне руту в саду дорогую,
И статного парня забыть не могу я,
Печален житейский мой путь!

Блестит ли трава от весенних рос,
Глаза ль затуманило радугой слез,
Ни золота мне, ни нарядов не надо,
Так что ж со слезами всё нету мне слада,
Унять их всё не довелось.

Дай, птица-сестрица, совет-ответ,
Услышу ли завтра в лесу привет?
Стонать ли с тобою мы будем, кукушка,
А может быть, юноша вспомнит подружку,
Одна я вернусь, или нет?

<1895>

НЕЗАБУДКА

Люблю тебя, нежный цветок у реки,
Глядящийся в водную просинь.
Неяркой окраски твои лепестки,
Тебя не пугает и осень.

Гвоздики краснее старинных грошей
(Грошей и скупому не надо),
И пышные розы постыли душе,
Они не прельщают и взгляда.

А ты расцветаешь и радуешь нас,
Как ясное небо невинный,
Прозрачней, чем воздух в безоблачный час,
Синее, чем глаз голубиный.

Средь пестрого мира цветочных имен,
Пленяющих сердце названий,
Твое для меня — как волнующий сон,
Как цвет моих воспоминаний.

<1895>

НЕ ХОЧУ СНОВ

Лишь правдивых трудов
Я хочу, а не снов,
Передышки в борьбе — не желаю.
Если вихрь налетит
И гроза засвистит,
Полной грудью тогда я вздыхаю.

Но случится тоска,
Сердце словно в тисках,
И гнетет его бремя печали.
И звезда ль задрожит,
Или песнь зазвучит, —
Всё зовет меня в дальние дали.

Мысль, куда ты летишь?
Взор, зачем ты горишь?

Почему не сдержать мне рыданья?
И не знаю я сам,
Но молюсь небесам
Укрепить мою лиру в страданьи.

В час, когда я грущу,
Краем уст я ропщу,
Для чего же мне сердцем томиться?
Но на горькой земле
Без него в этой мгле
Невозможно поэтом родиться.

<1895>

ЧЕГО ДОБИВАЮСЬ И ЖАЖДУ

Покоя, покоя и сладкого сна, —
Так жаждут все бедные люди.
Мне призрачность этих желаний ясна,
Мне битвы нужны в вихре буден.

Лишь только простонет морская волна —
И грудь моя дышит полнее,
И хочет объять бесконечность она,
И глазу все дали виднее.

Любовь не нужна мне, что бродит за мной,
Как будто ей некуда деться,
Лишь может пленить и увлечь за собой
Бездонно глубокое сердце.

Не понят, один по дороге бреду;
Без друга надежного рядом.
Пусть сердце в слезах, но смеюсь сквозь беду
И зависть читаю по взглядам.

И лишь одного, как чумы, я страшусь, —
Боюсь, чтоб желанья утихли.
Покоя, покоя, покоя боюсь,
Зовут меня битвы и вихри!

<1895>

ВЕРА В СЕБЯ

Пробежала, кипя, как морская волна,
Моя юность и скрылась в былом.
И была, как мне кажется ныне, она
Лишь прекрасным сияющим сном.

Но не жаль мне теперь несказанных тех дней,
Когда, мрачно покинув друзей,
Погружался я в грусть, упивался мечтой
И страдал, сам не зная за что.

Не тоскую по юным причудам моим,
Ранней смерти не жажду венца.
Не хочу, чтоб над камнем моим гробовым
Разрывались любимых сердца.

Нет, любая мне тяжесть теперь по плечу!
Нет, я жить и бороться хочу!
Неисчерпанных сил мне дана благодать
Не затем, чтоб бесплодно рыдать.

На борьбу! — пока смерть над моей головой
Грозным не замахнулась мечом.
Ведь уносятся дни, как волна за волной,
В безудержном стремленьи своем.

Я пройду как клокочущий водоворот,
Что в пути все преграды крушит.
Пусть меня современник слепой не поймет, —
Мне грядущее принадлежит!

<1895>

МОИ ШКОЛЬНЫЕ ОДНОКАШНИКИ

Рассудительны стали они и весьма
Одобряют премудрость мирскую.
И мечта изменила, и юность сама
Улетела, напрасно тоскуя.

Всё меняется! Слишком я долго живу.
А как будто вчера это было, —
Распевали мы песни про нашу Литву,
Горло сохло от юного пыла.

Как мы смело мечтали, как жадно рвались
Сделать родину выше и краше,
Пострадать за нее и служить ей клялись, —
Это лозунг всей юности нашей.

А теперь? А теперь, здравым смыслом сильны,
Заседают в салоне иль в клубе,
Бескорыстно рубля не возьмут из мошны,
Злы, надменны, полны себялюбья.

И крошатся мелки на игорном столе,
И легко им на свете живется.
А когда молодые проснутся во мгле, —
«Литвоманией» юность зовется.

Рассудительны стали они и весьма
Уповают на мудрость мирскую.
И мечта изменила, и юность сама
Улетела, о прошлом тоскуя.

<1895>

ПЛЮНЬ, ДРУЖИЩЕ, НА ВСЁ!..

Плюнь, дружище, на всё, что блестит и сверкает,
Не горюй, перекатная голь!
Погоди, подрастешь, — срок уже подступает, —
Записаться в невежды изволь!

Что волнуется глупая молодость? Где там
Во всю ширь целину поднимать,
Перечитывать книги и верить поэтам,
Путь прокладывать, дебри ломать!..

Жди, простак! Не бывать тебе смелым и мудрым.
Ты остынешь от юных затей
И совьешь себе теплое гнездышко утром,
Чтобы вечером встретить гостей.

Устыдишься когда-нибудь бедного друга,
На сермяжных грошах раздобрев.
Ведь сигара и толстое брюхо — порука,
Что рассеялся начисто бред!

Ты застелешь паркет дорогими коврами,
В мягком кресле усядешься ты.
В пыльном бархате, в отблесках бронзы, как в раме,
Невысоко порхают мечты.

День пройдет незаметно. Осилив зевоту,
Ты заснешь, ни о чем не скорбя.
Может быть, и почувствуешь в сердце заботу —
Небольшую, не больше себя.

Плюнь, дружище, на всё, что блестит и сверкает,
Не горюй, перекатная голь!
Погоди, подрастешь, — срок уже подступает, —
Записаться в невежды изволь!

<1895>

МОГИЛЫ БОГАТЫРЕЙ

Где дремлют леса,
Где спят небеса,
Литовцы там глаз не смыкают.
Готовя мечи,
В суровой ночи
Коней темногривых седлают.

Навесом густым
Стелет по небу дым
От пруссов примчавшийся ветер.

Пожары кругом;
Полыхают огнем
Дворцы и леса на рассвете.

Не вопли зверей
Средь широких степей, —
То горем литовки убиты.
Когда сражены
Мужья и сыны,
То в ком же искать им защиты?

Идут на пиры,
Прихватив топоры,
Крестоносцами званные гости.
Лишь займется заря,
Честолюбцев коря,
Осветит не пиры, а погосты.

Литовцев полки
Собрались у реки
И Неман уже переплыли.
Глашатай зовет
Литовцев вперед,
Измученный конь его в мыле.

А в чаще лесов
Стенания сов,
Да в молниях небо блестело.
Дорог не найти,
Не сбиться б с пути,
Блуждать здесь гостям надоело.

Вдруг лес загудел,
Как гром загремел,
Литовцы гостей окружили.
Пошел меч на меч,
Внезапно, как смерч,
Полки крестоносцев разбили.

О, битва была!
Даже ночь не могла
Без страха открыть ее свету.

И трупы легли —
На лоно земли
И звали живущих к ответу.

А ныне там мгла
Повсюду легла,
И люди места те обходят.
Никто не забыл
Богатырских могил, —
Там странные призраки бродят.

<1895>

ЖЕЛАНИЯ

Ненасытный, неистовый дух,
Где витаешь ты, вечно крылатый?
Отвечай мне, стремишься куда ты,
Может, юность встревожила слух?

К эху прошлого сердцем не глух,
Давних гроз различаю раскаты.
Звезд вечерних дыханьем объятый,
Твой огонь до сих пор не потух.

Ненасытный! Тебя не унять, —
Всё не можешь на жизнь насмотреться
И страданий не хочешь отдать!

Необъятное жаждешь объять!
Как моря, так желания сердца
Будут вечно в тебе бушевать!

<1895>

ВИНТЁРЫ

Чтоб в лучшее общество смело войти,
Поигрывай в карты сперва,
Винтуй! На проторенном этом пути
Достигнешь легко мастерства.

Винтуй! Красноречья напрасно не трать:
В почете иное теперь.
Чтоб ночь напролет до зари проиграть,
Трех слов тебе хватит, поверь!

Почтенные дамы, что вечно трещат
И сплетничают мастерски,
Усевшись играть, исступленно молчат —
Молчат, прикусив языки.

Винтёру не надо большого ума.
Зáдача его не сложна.
Его не тревожит одышка сама.
Его не ревнует жена.

А кто не играет, — тот, видно, не чист
И в обществе еле терпим,
Пускай рассудителен он и речист
И в дружбе с талмудом самим.

Зато у винтёра в гостиной любой
Почет, уваженье и честь.
Он вступит с фельдмаршалом в карточный бой,
Он вправе с ним рядышком сесть.

Чтоб дельце сварганить какое-нибудь,
Играй, не зевай до зари, —
Подмажешь — поедешь, но ты не забудь:
Партнера умней подбери!

Всучить ему сотню — опасно порой,
А проигрыш — сущий пустяк:
Так слажено дело твое за игрой,
И руки чисты при гостях.

А если не густо в кармане, — молчи!
Партнеры зато в барыше.
Без помощи их не пролезть в богачи,
И, значит, легко на душе.

Винтёр не напрасно на свете живет.
Винтёр не откажет помочь.
Его тунеядцем никто не зовет.
Как быстро кончается ночь!

<1898>

ГДЕ НЕМАН СИНЕЕТ...

Где Неман синеет, Шешупе струится,
Там наша отчизна — родная Литва.
Литовская речь там звенит над пшеницей
И песнь о Бируте доныне жива.
Разольются наши реки синим океаном,
Разнесутся наши песни по далеким странам.

Где зелень одела лесные опушки
И рута украсила косы сестер,
Где в тихом саду кукованье кукушки,
Там встретят усадьбы прохожего взор.
Где немолчный гомон леса, где кукушки, рута,
Там литовские усадьбы ждут меня как будто.

Восходят ли ранние вешние зори,
Ложатся ль под острой косою цветы,
Иль зябнут колосья, — но в счастье и в горе
Всех в мире прекраснее, родина, ты!
В злой печали или в счастье ты всегда любима, —
Как душа народа, нами ты боготворима.

Сияет ли солнце, ненастна ль погода,
То праотцев наших родная страна;
Земля, орошенная потом народа,
Ты отклики в сердце рождаешь одна.
И весной, и поздним летом нет на свете лучше
Матери Литвы желанной, нежной и могучей.

<1902>

ПОЭТ

«Прощай!» Как часто слово это
Позабывал я без труда,
И лишь одно в душе поэта
Твое «прощай» звучит всегда.

Ни слез, ни стонов, ни рыданий,
О нет, всё замерло во мне. . .
И мир в нахлынувшем тумане
Казался только сном во сне.

Беспечный смех утрачен мною,
Нет сил мученья превозмочь,
Друзья обходят стороною,
И дети убегают прочь.

Я лиру взял, и, сердцу вторя,
Рыдает эхо мне в ответ,
А люди слышат голос горя,
Смеясь: чувствительный поэт!

Но им самим невмочь с тоскою,
А я зову их в мир иной —
В просторы ясного покоя,
Навек утраченного мной.

<1905>

СТАРОСТЬ

Из друзей стародавних нас осталось немного:
Спят родные в могиле сырой.
Ветхий крест без убранства покосился убого,
Только звезды им светят порой.

Непонятны мы стали чуждой нам молодежи, —
Что им давние наши бои?

Мы безмолвно уносим на холодное ложе
Свои раны и тайны свои.

А когда-то гостьми мы желанными были,
Как звенели у нас голоса!
В благородном пылу вдохновенных усилий,
Словно звезды, сияли глаза.

Растекались надежды широчайшим потоком,
Нас тогда понимал и простак.
А теперь всё вместится в ручейке неглубоком,
Да и то не поймут нас никак.

Среди поросли шумной дуб стоит одинокий,
Тихо ропщет на бремя свое.
Иссякают с годами одряхлевшие соки,
Что ни день, всё тяжеле житье.

Как проносятся годы! Словно молнии в небе,
Загораются, гаснут они. . .
От всего дорогого, что сулил тебе жребий,
Остаются могилы одни.

Не горюй о минувшем: не вернется из тлена.
Пусть горит над могилой звезда.
Мы отжили свой век. Вот и юная смена.
Уступи свой черед навсегда.

В этой жизни случайной безымянные гости, —
Что мы внукам оставим в наказ?
Неужель никому наши бренные кости
Ничего не расскажут о нас?!

Или наши мечты, наши битвы бесплодны?
И напрасна всей жизни страда?
Неужели наш путь, как у птиц перелетных,
Промелькнет, не оставив следа?!

<1905>

МОЛОДЫЕ ДНИ

Моло́дые дни — лихие,
Неразумные, слепые,
Не идут они — бегут,
И слезами их не тронешь,
Не окликнешь, не нагонишь.
Глядь: а старость тут как тут.

Ах, зачем тех дней весенних
Не вернуть, — хоть на коленях
Умоляй бездушный рок.
Сам с собой не век лукавишь:
Так порой себя растравишь,
Что и мужество не впрок.

Седина — и здраво судит,
И любой соблазн избудет, —
Слишком поздно, боже мой.
Нет у ней огня былого,
Нет задора молодого,
Робок шаг ее любой.

Кабы молодость да знала,
Кабы старость да дерзала, —
Мы и пели бы стройней.
А сейчас — у всех готово
Осуждающее слово
Безрассудству юных дней.

Всё ж люблю вас, молодые
Дни, зажегшие впервые
Золотой рассветный час.
Радость первого боренья,
Сладость первого томленья —
Что душе заменит вас?

<1905>

МУЗЫ В ОПАСНОСТИ

С вершины Парнаса бессмертные боги
На Немана край покосились в тревоге, —
Забот им, как видно, немало:
Там столько плодится певцов ежеденно,
Что хлеба лишиться рискуют камены, —
Ведь вот что за время настало.

И, тесным кольцом окружив Аполлона,
Камены вопить принялись возмущенно:
«Чем эта заслужена кара?»
Ты, дескать, талантов насеял чрезмерно, —
Ведь рифмы плетут даже те, кто, наверно,
Годны лишь мести тротуары.

Твердил Аполлон, что, напротив, немногих
Сподобил он песен, высоких и строгих.
Он клялся бровями Зевеса,
Но всё-таки не унимались камены, —
Вспылил Аполлон — на Афины мгновенно
Надвинулась бури завеса.

«Не дам я цвести этой дряни спокойно,
Ни вкуса, ни чувства, ни мысли пристойной,
Созвучья и ритмы убоги.
Чего же ты медлишь? Ведь уйма работы.
Пора бы свести с этой бандою счеты —
Клейми их, сатир козлоногий».

Сатир-то на лире и сам не впервые
Бренчит. . . Оживают леса вековые,
Как струны с досады настроит. . .
Но — тщетной задача ль ему показалась,
Иль к юным поэтам проснулась в нем жалость, —
Сказал он, поморщась: «Не стоит!»

<1907>

МОЛОДАЯ ЛИТВА

<Отрывки из поэмы>

ВСТУПЛЕНИЕ

Где Литва прежних лет?
Старых витязей нет —
Отдыхают они в курганах.
Так, очнувшись от бурь,
Отражая лазурь,
Умолкает волна в океанах.

Дремлет предков страна.
Ночь над нею черна,
Нависает печаль — веками,
Солнце ищешь ты зря:
Не восходит заря,
И глаза застилает слезами.

И рассеян в веках
Гедими́наса прах.
Вайделутис, твой склеп безвестен.
Канклес, где же ваш звон,
Он — как канувший сон...
И осталось немного песен.

Но очнется Литва,
Будет снова жива
И воскреснет для радостной доли.
Голос канклес опять
Будет кровь зажигать,
Верно, счастье родится из боли.

В муках силы растут.
Дни расцвета грядут,
Наше небо опять прояснится.
Землю вспашем мы вновь,
Возродится любовь,
И для счастья земля возродится.

ИЗ ПЕРВОЙ ПЕСНИ

1

Сколько, сколько годов пронеслось, прошумело,
Сколько в дальнее море воды утекло
С той поры, как, не ведав про горе и зло,
Мальчуганом Юозас пустился несмело
В край безвестный, родное покинув село.
Как тревожилась мать! Сколько вынесла боли!
Но сквозь слезы, что взор застилали, тогда
Ей надежда светила — хоть через года
Той минуты дождаться, когда он в костеле
Мессу будет впервые служить, и народ
Умилится, увидевши, как обоймет,
Как прижмет он к сыновнему сердцу, лаская,
Постаревшую, седоголовую мать,
И завистливо скажет соседка иная:
«Вот счастливица! Горя вовек ей не знать!»
А теперь! Лишь один Лауринас, быть может,
Ей закроет глаза, накрест руки ей сложит...

2

Дни лениво ползут, лет стремителен бег,
Расцветает, растет на глазах человек, —
Вдруг, глядишь, бытия распадаются звенья,
Подбирается смерть, беспощадна, груба,
И, беднягу скогтив, увлекает в забвенье, —
Такова на земле человека судьба.
Ездил Райнис к заутрене прошлой зимою,
Нынче грудь ему плотно придавят землею,
На могилу по горсточке глины сырой
Бросят родичи скорбные — тихо и чинно.
Подозвал он Юозаса перед кончиной
И, свечу восковую взяв слабой рукой,
С глазу на глаз шепнул ему: «Сын дорогой,
Не дождался того я, что некогда свято
Возлелеял в мечтах... Так смотри ж, не забудь:
Доберешься в гимназии до аттестата,
А потом... Сам ведь знаешь... дальнейший свой
путь...»

То ли сердце зашлось, — только больше ни слова
Не сказал он Юозасу перед концом...
Но понять было просто желанье отцово,
Мог бы всякий тотчас догадаться о нем.

3

Перешедши в шестой гимназический класс,
Познакомился с Глинскисом Райнис Юозас.
Подружиться пытался с ним Глинскис не раз,
Но хотя одинаков был юношей возраст,
Да различен по нраву был каждый из них.
Тот — прямой, с сердцем, полным порывов живых,
Этот — замкнутый, с детства привыкший сурово
Подавлять свои чувства, рассчитывать слово.
Кто сказал бы, что, узел вражды разрубя,
Вдруг сойдутся они как ни в чем не бывало.
Но приходит пора, когда только себя
Человеку внезапно становится мало, —
Ищет друга меж близких он в эти лета!
О, прекрасна сердец непорочных чета,
Чьи мечты первородные дружба святая
Воедино связует, как нить золотая,
Идеалами светлыми их расписав.
О, мечты с прихотливостью их кружевною,
Первоцветы весны, стебли нежные трав,
Что, ненастья и стужи еще не видав,
К небу тянутся, бредят его синевою.
Да, счастлива пора, когда в юных сердцах
Дружба, словно иглой на дощечке вощеной,
Идеалы выводит свои, как законы,
Чтоб и старости путь озаряли впотьмах!

4

И когда неразлучны товарищи стали,
Их сердца, столь чужие друг другу, слились
Гармонически стройно, как звуки рояля,
От земли уносящие в вольную высь.
Петухи запевают, бывало, в селеньях,
Над Зеленой горою бледнеет луна,
А еще о заветных мечтах и стремленьях

У друзей не исчерпаны речи до дна.
Алексотас их влек, в чьи зеленые дали
Неман древний протягивает рукава.
Здесь полуночи летние им возвещали
О могуществе и красоте божества.
Здесь, в кустах затаившись, в закатную пору
Голос пробуя, вестник весны — соловей —
Им сердца завораживал песней своей, —
Поднимались друзья на Веселую гору,
И, как Неман, там Глинскиса речи текли.
И в лугах самоцветных Юозаса взору
Представала вечерница в ясной дали.
Там клялись они дружбу хранить до могилы,
Исповедавшись в тайнах священных своих
И узнав, что одно их призванье прельстило,
Что стремленья одни окрыляются в них.

ИЗ ВТОРОЙ ПЕСНИ

1

Настала весна. Просветлели просторы,
Земля пробудилась от спячки глухой.
Вот саваны снежные сбросили боры
И просят у неба одежды другой.
Вента́ полноводная, радостно зыбясь,
Ласкается, льнет к берегам голубым.
Ее на рассвете приветствует чибис
И пахарь, бредущий за плугом своим.
Погожие дни всё теплей и лучистей,
Зовут ребятишек они на припек.
Леса облачаются в свежие листья,
В лугах прорезается первый цветок.
Кто, Пасха, не ждал тебя в каждом селеньи,
Как дети яичек раскрашенных ждут?
Но ты запоздала. Одеждой весенней
Тебе захотелось порадовать люд.
Ну вот и дождались! Пасхальная песня
Взвилась в необъятное небо весны,
Застывшей душе возвестила: воскресни!

Тоскою о счастье наполнила сны.
Но счастье не часто дарит нас приветом,
Оно своенравно, как солнце весной.
Любовь то сверкнет ослепительным светом,
То вдруг обернется угрюмою тьмой.

2

Над Вентой виднеется дом среди елок...
Высокие стены крепки и чисты.
Аллеи, куртины... И даже проселок
Везде окаймляют рябины кусты.
И дом, и пристройки в отменном порядке.
На что ни посмотришь, любуется взгляд!
Распахано поле, прополоты грядки,
Гордится столетними липами сад.
Хозяин там — Гоштаутас. Нравом тяжелый,
Он прост и рачителен... Даже пастух —
И тот у него надевает постолы,
Когда со скотиной выходит на луг.
Но требует он от людей послушанья,
И тут-то бывает особенно крут.
В обширном поместье его спозаранья
Назначены каждому место и труд.

3

Ядвига, любимая дочь господина,
Не ленится тоже: в своем цветнике
С прислугой рассаживает георгины,
То лейка, то грабли в девичьей руке.
Глаза — как зарей на фиалках росинки,
Шелко́вою лентой коса обвита.
Прекрасна Ядвига, как мая первинки,
Но вечно печальна ее красота.
Отец ее любит, но ласковым словом
Балует не часто — заботы, дела...
К тому же и нравом известен суровым, —
Покойница мать не такою была.
Твердили, что сердце у ней золотое,
Что кротостью ангельской наделена...
Знавала ли счастье? Страдала ль душою —

Кто знает? Угасла, как свечка, она...
Бывало, часами, как резвая птица,
Щебечет Ядвига с родимой своей,
А нынче ей не с кем мечтой поделиться,
Чтоб думу поверить — нет друга у ней...

4

Вернулся из Вильнюса братец Мотеюс, —
Уж скоро студент, а еще ветрогон:
Чуть утро забрезжит, сквозь ставню белеясь,
С двустволкой он в сад — на грачей и ворон.
Как быть? Ведь словцом перекинуться не с кем...
А солнце так светит! Так веет весной
С полей! Так призывно шумят перелески!
Так на сердце ясно! Волна за волной
Мечты набегают, блаженные миги!
Но некогда грезить прекрасной Ядвиге —
По горло у девушки всяких забот:
Прислугу кормить, выдавать ей одежду,
Сидеть за счетами, чуть кончится год.
Тускнеют мечты, отцветают надежды...
А тут еще цапля кричит за селом,
Стрижа принеся под широким крылом...
И снова дела... Если цапля кричала,
Ждет полдника в поле работник усталый...
И только под вечер, оставшись одна,
Садится красавица за фортепьяно
И, в звуки певучие погружена,
Пьет отдых от сутолоки непрестанной...

5

Ядвига вперед, изумясь, поглядела
И, словно пронзенная искрой насквозь,
Поднять не смогла ослабевшее тело,
Волненье глубоко в душе отдалось.
Увидела юношу перед собою
Она незнакомого: станом прямой
И крепкий; сиянье в глазах голубое;
Усы молодые над пухлой губой.
«С презреньем я темную чернь отвергаю!» —

Шутя проскандировал Глинскис. — Ну что ж,
Гоните нас прочь! Ведь не ждали, я чаю.
А гости-то в тягость, когда их не ждешь!
Но Райнис Юозас, товарищ мой школьный,
Так музыку любит, что мы... то есть нам...
Да ну же, любезный! Таиться довольно!
Ступай, повинись перед панною сам!»
Юозас хотел было вымолвить слово,
Да сердце стучало, как молот пудовый...
Поспешное бросив «простите» друзьям,
Как птица, от них упорхнула Ядвига...
Служанке велела, не мешкав ни мига,
Хозяину да барчуку передать,
Что прибыли гости... Пречистая мать!
Была бы хоть чуточку лучше одета!
Ведь полдень-то скоро, а чуть не с рассвета
Всё в стареньком платье... К тому же — боса,
Взъерошены волосы, сбилась коса...
И, вспомнив гостей любопытные взгляды,
Заплакать хотела Ядвига с досады...

6

Ядвига, смутясь, уклонялась вначале,
Твердила, что вовсе играть не сильна,
Но Глинскис с Юозасом так умоляли,
Что, тихо вздохнув, согласилась она.
И чувства, и думы скрывать постоянно
Привыкла Ядвига; легко ль при других
Теперь ей заставить звучать фортепьяно,
Товарища тайного грез дорогих?
Она уклонялась. Когда же смиренно
Юозас ей кое-что спеть обещал,
За клавиши села, и фразы Шопена,
Возникнув, наполнили сумрачный зал,
Взвились, унеслись в необъятные дали
И смолкли, как будто лишенные сил...
Глаза у Ядвиги зажглись, засияли,
Румянец на бледных щеках проступил,
Потом, словно с неба, с лазоревой воли,
Надвинулись волны, светлы и чисты.
То болью пронзительной сердце кололи,

Мелькая миражем живой красоты,
То миром дышали, как родины чащи...
Ноктюрны Шопена! Прибоем катясь,
В глубины бездонные страсти скорбящей
Влечете вы! Не защититься от вас!

7

Встревоженных струн фортепьянных гуденье
Затихло... Казалось, в молчаньи глухом
Проносится ангел крылатою тенью,
Колышется грудь, успокоена сном.
Дал слово, быть может, Юозас без нужды,
Но, сызмала всяческой хитрости чуждый,
Он сдержит его... Вот глубоко вздохнул,
Рукою дрожащей уперся о стул,
И струны как будто бы вдруг зазвучали, —
Сердечны слова затаенной печали:

«Шел юноша-путник, мечтая,
Полночной порой,
Вела его к светлому краю
Звезда над горой.
Надвинулась туча нежданно,
Мечтания — прочь!
Куда ни посмотришь — туманы,
Да чаща, да ночь!

Вот, руку простерши приветно
С незримых высот,
Богиня, сквозь мрак предрассветный,
Скитальца ведет.
С зарею отступит благая,
И снова ему
Придется к прекрасному краю
Брести одному!»

8

Ядвиге понравились голос и песня, —
Лицо ее стало светлей и прелестней.
Молчал лишь Юозас, досадой томим:

Пропеть что-нибудь посерьезней желалось,
Вот снова вздохнул и, помедливши малость,
Запел баритоном глубоким своим.

«Хоть и знаю заране, что юдолей земных
Озарить не сумеешь, надежда,
Но не стану молить я, чтоб, избавив от них,
Бог смежил мне усталые вежды.
Слезы лить я не стану — с ними мне тяжелей,
Мою жалобу люди осудят,
Мимо них промелькну с болью тайной своей,
Что вовеки безгласной пребудет...»

Но тут у Юозаса дух захватило
И голос сломался на ноте унылой...
Попробовал было Юозас опять
Свою недопетую песню начать,
Но тотчас замолк, увидав пред собою
Ядвигу с опущенною головою...

9

С гостями простясь, еще долго вослед
Их бричке, укатывавшей за ворота,
Глядела Ядвига... Вот брички уж нет...
И вот не хватает Ядвиге чего-то...
И вместе с толпою нахлынувших грез
В душе ее всплыл за вопросом вопрос:
«Неужто Юозас священником станет?
Разумный... Такой поискать головы...
С чувствительным сердцем... А люди — черствы,
Безжалостны... Скоро средь них он завянет...
Мечты и стремления с их красотой
Средь лжи опадут, словно цвет помертвелый...
Одна пробуждать лишь она бы сумела
Усталое сердце заботой живой...
Она бы для юноши свежей росой
Рассветной была... Отдалась бы всецело
Его устремленьям... И оба, идя
В трудах и невзгодах дорогой единой,
Под ношей тягчайшей не гнули бы спину,
В любви утешенье себе находя!

ИЗ ТРЕТЬЕЙ ПЕСНИ

1

О, счастлив, кто в силах заплакать навзрыд, —
Хоть малость он сердце свое облегчит,
    Которое болью полно.
Так на небе тучи темнеют сурово,
Но ливень грозовый промчится, и снова
    Приветно светлеет оно.

О, благо тому, кто средь жизненных зол
Себе неразлучного друга нашел,
    С кем делит мечты и дела.
Сносить ему легче томленье земное, —
Так ноша, когда волокут ее двое,
    Не слишком для плеч тяжела.

Но замкнутым Райнис Юозас возрос,
Страдает он молча, без жалоб и слез.
    Спокойно, как озера гладь,
Лицо его; наигорчайшие боли
Смирять он умеет усилием воли
    И в сердце своем погребать.

Лишь Глинскису тайны вверять он привык,
Но нынче к гортани прилипнул язык,
    Молчанье сковало уста,
И только ночной небосвод звездоокий
Узнает, быть может, о муке глубокой,
    Что в сердце его разлита.

2

Где юные грезы, что день ото дня
В лазурный простор уносили меня?
    Призванье мое — где оно?
Завяли мечтанья — их нет и в помине...
Осталось в холодной и черной пустыне
    Лишь воспоминанье одно!

Лишь воспоминанье, как совесть, гнетет,
Спасенья душа от него не найдет!
Кто путь мне укажет прямой?
Как странник, затерянный на бездорожьи,
Как пахарь над градом побитою рожью,
Стою неподвижный, немой!

Ведь был я недавно отважен и рьян, —
Мечтал я сквозь бури пройти как титан,
Страдая для счастья других!..
Но женщины слабой лучистые взоры
Мне в сердце проникли — и, боже! как скоро
Пленился я чарами их!

О мать дорогая! Как звон гробовой,
Тебя омрачит мой удел роковой!
Склоняясь над зыбкой моей,
Лишенья терпя, чтоб учился я в школе,
Того ли ждала ты, желала того ли
За годы трудов и скорбей?

Ужели всё это исчезло, как сон?
Ужели судьбою мне путь прегражден
К святыне, сиявшей в мечтах,
И всё, чем я жил, что берег я, лелея,
Что было единственной целью моею,
Теперь обратится во прах?

3

Ужель я тростинка, что треплют ветра?
Ведь богатырем меня звали вчера!
Ужели, блеснув предо мной,
Той женщины слабой лучистые взоры
Мой дух обессилить сумели так скоро
Своею бесплодной тоской?

Не дрогнул бы, кажется, встретив один
Грома грозовые и ярость пучин!
Со стаей лютейших врагов
Дерзнул бы померяться в схватке открытой,
Избрав себе господа бога защитой...
Но тут — я склониться готов!

Лицом, просиявшим внезапной зарей,
Дорогу к стране несказанной, иной
Она указала, маня...
О, сколько души в ней! О, что за тоскою
Полны ее взоры! Нет, чувства не скрою —
Не гибнуть ей из-за меня!

А ночь-то какая! Светла и тепла!
Над миром уснувшим нет звездам числа.
Плывет величаво луна,
И реющий в сумраке ангел забвенья
Крылами легко осеняет селенья, —
Юозасу лишь не до сна!

ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ ПЕСНИ

1

Прелестны долины Дубисы-реки,
Венками настурций кругом обвитые!
Страна, где о прошлом раздумья горьки,
Как наши страданья живые!

Несется Дубиса, блистая красой,
И в час предрассветный дубок-сиротина
Ее осыпает жемчужной росой,
Тоскуя на круче пустынной.

Не росы, а слезы горючие льет
Утрами красавец кудрявый, но тщетно:
Дубиса к далекому Неману льнет
Волною своей безответной...

Не ищут любви, как Дубисы волна,
Литвинки за кручею да за равниной,
Но счастьем не каждая награждена...
К чужим благосклонны литвины.

Литвинки, бродя вдоль Дубисы-реки,
Вплетают цветы в золотистые косы

И хором выводят напевы тоски
Порою жнитвы и покоса.

Бегут эти дайны вдоль нашей страны,
Как Немана милого тихие волны.
От Куршаса к Пруссии мчатся, вольны, —
Их слушает вечер безмолвный.

Как рута над руслом Дубисы-реки
Кудрявится, склоны холмов оплетая,
Литвинки цветут, но их песни горьки —
В печали страна их родная!

ИЗ ШЕСТОЙ ПЕСНИ

1

Блаженное время! Святая пора —
Уносятся птицы под небо с утра,
Начало весны возвещая.
Дыхание юга растопит снега,
Разбудит от сна и леса и луга,
Примчавшись из дальнего края.

Блаженное время, хоть ранних цветов
Касаются крылья холодных ветров,
Но солнце всё выше над нами.
На север веселое солнце плывет,
Легко за работу берется народ,
И веет весной над дворами.

Страну наших предков от мертвого сна
Разбудит горячим дыханьем она,
Рассеяв лучами потемки.
Заслышавши голос ее, из могил
Подымутся витязи, полные сил.
Их поступь услышат потомки.

Блаженное время! И только лишь тем,
Кто жизни боится, кто глух к ней и нем,
Не хочется сбросить оковы.

Но им не сдержать наступающих дней, —
Поток пробудившейся жизни сильней
И старые рушит оковы.

Отрадно смотреть, как ломаются льды.
В лучах засияли поля и сады,
И витязей рать величаво
Отчизну путем возрожденья ведет.
Избранники, вами гордится народ.
Поре возрождения — слава!

2

Литва, потерявшая в битвах вождя,
Дремала ты, в грезах забвенья ища.
А время руками своими
Всё рушило. Травы взошли на костях,
И мох зеленел на твоих крепостях.
Утратила ты свое имя.

Но время уже подниматься тебе —
Последней в Европе. И в новой борьбе
Принять боевое крещенье.
О родина-мать, не придется ли вновь
Пролить тебе в битвах горячую кровь
Во имя поры возрожденья?

Настала пора подниматься, Литва!
Довольно клонилась твоя голова,
Богатства другими делились.
Пора — ты сказать свое слово должна.
Свободы желанной грядут времена,
Которые прадедам снились.

3

«Святая задача нам, братья, дана.
О ней уж в былые твердил времена
Райнис, вдохновленный борьбою.
Вы слышите отзвуки первых шагов.
В дороге тяжелой мы встретим врагов.
Победа берется лишь с боя.

Что нам до печали, и гроз, и невзгод?
Грядущее наше — литовский народ.
    За дело! Бог в помощь вам, люди.
Весна наступает, шагает весна,
Прославится скоро родная страна, —
    В потомках мы зависть пробудим.

За дело, за дело — и слава труду.
Легко ль провести в целине борозду?
    Но в ней наше счастье таится.
Мучительным было течение лет,
Чтоб снова Литва увидала рассвет,
    Нам счастье грядущее снится.

Мы мощь обретаем, науку любя.
Литва чужеземцам покажет себя,
    Займет свое место по праву.
К науке, к науке я братьев зову.
Она озарит своим светом Литву.
    Она колыбель нашей славы.

К науке! Она нам как воздух нужна,
В лучах ее вновь засияет страна.
    Пусть воют над нами метели». —
Здесь Юозас умолк, чуть шуршала листва,
Но Тумаса вдруг зазвучали слова,
    И громко студенты запели:

«Поднялись славяне у Черного моря,
Весна на Карпатах. Подснежник зацвел,
В Литве же безмолвие, стужа и горе, —
Уста замыкает нам царский орел.
За землю родимую — сомкнутым строем
Вставайте, литовцы, вставайте, герои,
    Литву на борьбу поднимайте!

Проснитесь — ночь длится пять долгих
                                        столетий,
Во мраке глубоком не видно огня.
Лелейте мечту о грядущем рассвете,
Не ждите прихода весеннего дня.
За землю родимую — сомкнутым строем

Вставайте, литовцы, вставайте, герои,
    Литву на борьбу поднимайте!

Лишь тем, кто поверит в закон провиденья,
Лишь тем не страшна никакая борьба.
На долю нам выпали годы мученья,
Но ждет нас, быть может, иная судьба.
За землю родимую сомкнутым строем
Вставайте, литовцы, вставайте, герои,
    Литву на борьбу поднимайте!

Весна, возрождаются к жизни народы,
Преграды разрушили, сбросили гнет.
И светлое утро желанной свободы
Над милою родиной скоро взойдет.
За землю родимую — сомкнутым строем
Вставайте, литовцы, вставайте, герои,
    Литву на борьбу поднимайте!

Счастливец, кто вынес тоску и страданье
Во имя тебя, моих предков земля.
И в час, когда солнце засветит в тумане,
С семьею гигантов он выйдет в поля.
За землю родимую — сомкнутым строем
Вставайте, литовцы, вставайте, герои,
    Литву на борьбу поднимайте!

А тот, кто литовцем звался не по праву,
Кто милую родину нашу душил,
Тому не делить с нами счастье и славу,
И прозвище выродка он заслужил.
За землю родимую сомкнутым строем
Вставайте, литовцы, вставайте, герои,
    Литву на борьбу поднимайте!»

1907

ГОРА ШАТРИЯ

Если держишь в Жаре́най свой путь
Мимо Луоке ты в темную пору,
Придержать лошадей не забудь
И взберись на высокую гору.

Но украдкой молитву твори,
Оттого что на самой вершине
Стерегут в час вечерней зари
Ведьмы путников даже и ныне.

Поднимаясь по склонам крутым,
Полюбуйся и краем, и летом,
Опиши их пером золотым,
Как пристало литовским поэтам.

Видишь, толпы на праздник спешат,
Ярко светят лесные опушки;
Слышишь, набожно сосны шуршат
И маячат лесные верхушки.

Видишь, как голубая Вента́
Расстается с Дубисою синей,
Посещает другие места,
Катит волны к Курземской долине.

Но Дубисе мыз красных милей
Наши жмудские пашни простые.
Предки-витязи грезятся ей,
Стелют ложе пески золотые.

В полдень катится солнца струя
Над Жемайчай по волнам и руте.
И с вершины горы Шатрия
Открывается тьма перепутий.

И за тьмой перекрестков видны
Вплоть до Плунге и нивы и села,
Очертанья зеленой страны,
Жемайтийской долины веселой.

Муравейники, верно, кишат
Там, в дали уплывающей, синей?
Нет, Варняй и Тельшяй мельтешат,
Укрываясь в глубокой лощине.

И отсюда тебе не видна
Палангá, даль в сиянии тонет.
Не слышна и морская волна,
Если даже бушует и стонет.

Не увидишь вдали куполов
Скаудвиле и Кельме блестящих
И Жемигалы древних стволов
Трех дерев, к небесам восходящих.

Здесь тревожно полночной порой,
Словно духи подземные плачут,
Словно стонет гора, за горой
Лес гудит или всадники скачут.

Собираясь на древнем холме,
Где огонь разжигали священный,
Может быть, плачут ведьмы во тьме
О богах в этот час сокровенный.

Или, встав из могилы во мгле,
Неприкаянный долго блуждает
Крестоносец по нашей земле
И о Мальбурге дальнем рыдает.

Не герои ль седой старины,
Бредя нашею древнею славой,
Клича ждут, чтоб за счастье страны
Биться с недругом в схватке кровавой?

Шатрия, со своей высоты
Ты векам миновавшим внимала.
Наших прадедов видела ты,
Рассказать ты могла бы немало...

Если держишь в Жаренай свой путь
Мимо Луоке ты в темную пору,
Придержать лошадей не забудь
И взойди на высокую гору.

<1909>

ОСЕНЬ

Ни обновленью, ни надежде
Нет места средь унылых дней,
Лишь станы пристальней, чем прежде,
Враги сдвигаются тесней,
А верный труд, желанный друг,
Стал словно тягостный недуг.

Не знаю радости и боли
Опустошенною душой.
Иль душно мне без вольной воли?
Иль непосилен кров чужой?
Взамен мечтаний молодых
Одни лишь россказни о них.

Вернись, весна моя! Но где же
Сдержать, что властно рвется прочь!
Теперь и солнце светит реже,
И продолжительнее ночь.
Бьет в стекла темная вода.
Настала осень, как беда.

<1913>

ПОСВЯЩЕНИЕ

К Я. Ст<анелите>

Тебе тревожно ли бывало
И мерк ли свет, окутан мглой,
Когда ты сердце открывала
Лишь матери своей одной?

Какие чувства трепетали,
Сестра моя, в душе твоей,
Когда не знала ты печали,
Когда не ведала страстей?

Ужели девственные очи
Ты не смыкала до утра,

Когда ты целовала ночью
Лишь крест нательный свой, сестра?

Иль не сверкнул тебе ни разу
Земных восторгов яркий свет?
Ответа жадно ждет мой разум, —
Напрасно жду — ответа нет!

Теперь тебе иного солнца
Иной чарует очи свет,
Не слышно за твоим оконцем
Веселых песен прошлых лет!

И ты идешь, судьбой влекома,
Туманной жизненной тропой,
И голос слышен мне знакомый:
«Почто так тяжко, боже мой!»

Но ты не проклинаешь силы,
Что камнем на́ сердце легла...
Как много скажет, друг мой милый,
Мне мрамор твоего чела!

Лишь одному мне, дорогая,
Понятен зов души твоей!
Но предо мной — стезя другая.
И нам — не встретиться на ней!

<1913>

ЧИЧИНСКАС

У Чичинскаса в поместье
Из Митрюнай и Лянчай
Съехались дворяне вместе, —
Собутыльников встречай!
Монтвидайтис весельчак,
Ба́рткусов Кайри́с смельчак,
Ожкобардис окаянный,
Йонушка головорез,

Тишка косоглазый бес
И Валайтис, в доску пьяный!

Немец жарит вальс на скрипке,
Звукам весело нестись,
На цимбалах без ошибки
Вторит Лейба Шепетис.
Дабита и рьян и пьян,
Кулаком бьет в барабан,
Засучив рукав рубашки.
Навощенный пол блестит,
Девушки забыли стыд —
Голые мелькают ляжки.

Но магнат, не без причины,
Нынче злобен и угрюм.
Собрались на лбу морщины
От тяжелых, тайных дум:

«Девкам розог дай, Кмитá!
Пляске пляска не чета,
Не развеяли печали,
Не прогнали грусти прочь,
Точно мертвые плясали...
Помню ВЕТО и ту Ночь...»

Всем скорбям несет забвенье
В ночь под Рождество господь.
Обещает искупленье
Небо, принявшее плоть.
Звуки «Глории» плывут,
Сонмы ангелов поют
Людям, возлюбившим бога.

Петухи кричат в селе,
Бражники навеселе,
Жжет Чичинскаса тревога.

Глаз не сводит с мертвой точки,
Не смеется, не поет,
Чаркой черпает из бочки,
Опрокидывает в рот.

Слезы девок, крики их,
Смех товарищей лихих
Не развеяли печали.
Пьяные весельчаки —
Юноши и старики
Тщетно весь адвент плясали.

Как на сейме отличился
И приехал злой назад,
Так доселе не смягчился,
Превратил именье в ад.
Песни, крики будят тьму.
Память черных дел ему
Не дает уснуть упорно.
Или совести язык,
Что к молчанию привык,
Говорит с душою черной?

Выступали на защиту
Скорбной родины сыны,
Но магнат восстал открыто
И не пожалел страны.
Был Чичинскас избран Ляудой,
В сейме он заспорил с правдой
И, как дьявол, крикнул: «ВЕТО!»

По Литве молва ходила
И в Варшаве был слушок,
Будто получил за это
Полный золота горшок.
Верно, так оно и было...
Говорил еще народ,
Точно душу в прошлый год
Черту продал он в ту пору,
Как в глухую ночь одну
Он убил свою жену
По пустому наговору.

К ранней мессе поселяне
Путь прокладывают свой.
Нелегко брести в тумане,
Снег кругом да волчий вой.

Ну и темь! В недобрый час
Здесь останешься без глаз...
Не во мраке бога чтут,
Посветить бы надо тут...
«Подожги, Кмита, местечко!»

По замшелым бедным хатам
Пламя мчится за Кмитой.
Свита шумная с магнатом
Мчится прямо в храм святой:
Монтвидайтис весельчак,
Бáрткусов Кайри́с смельчак,
Ожкобардис окаянный,
Ионушка головорез,
Тишка косоглазый бес
И Валайтис, в доску пьяный!

Но клебонас им навстречу
В облачении идет
И злодея грозной речью
К покаянию зовет:
«Нет грехам твоим числа,
Так черны твои дела,
Взвесило их провиденье
И нашло, что вышел срок,
Долго властвовал порок —
Истощается терпенье.

Ты наполнил край наш милый
Мерзостью грехов своих,
У земли не стало силы
Выносить всю тяжесть их!
И хотя скорблю я сам,
Не пущу тебя во храм!
Должен ты омыть в купели
Черноту своей души.
Нечестивец, поспеши
Искупить грехи на деле».

— «Разве ты забыл магната,
Или смерти захотел,
Что со мной запанибрата

Разговаривать посмел?»
Грянул выстрел. В небеса
Смотрят пастыря глаза,
Богом призван в рай святой он,
А неслыханный злодей
Погоняет лошадей,
Он прощенья недостоин.

Кто осмелится магнату
Поступать наперекор?
Сейм заспорил с ним когда-то,
Он и сейму дал отпор.
Если ж божьего суда
Он страшится иногда,
То о том не скажет другу.
Рана есть еще одна,
Не закроется она:
Он любил свою супругу...

Но ее... Ах, в ночь Купалы,
Не забыл он ничего,
Сам закутал в одеяло
Сердце сердца своего!
Без ксёндза ее отнес,
Без молитвы и без слез...
Вот и мост! С него, во мраке...
Нет! Чичинскас не простит
Никому своих обид.
Пусть об этом помнит всякий!

Сила высшая есть в небе,
Правосудие не ждет,
И, когда настигнет жребий,
Нечестивец не уйдет.
Нет грехам его числа,
Так черны его дела.
Взвесило их провиденье
И нашло, что вышел срок,
Долго властвовал порок —
Истощилось и терпенье!

Кони стали без возницы,
Захрапели на мосту...

У гостей бледнеют лица,
Смотрят гости в темноту:
Где тот замок, где вчера
Танцевали до утра?

В бездне тонет замок старый,
Волны плещут серебром.
Поразил злодея гром.

Труп Чичинскаса ужасный
Мать-земля не приняла.
Люди на колокола
Жертвовали понапрасну.

Только при царе зарыли
Тело грешника тайком.
Не отыщешь путь к могиле,
Никому он не знаком.
Лишь остался островок
На болоте без дорог,
В заросли глухой осоки.
Под землей, перед зарей,
Раздается стон порой,
Там, где был дворец высокий.

<1919>

О ЛИТВА, ОТЧИЗНА СЛАВЫ!

«О Литва, отчизна славы», —
Так поют в моей стране.
Но от славы этой, право,
Польза только сатане.

Лавры предков мы надели,
Грез великих мы полны
И героями в постели
Мирно спим и видим сны.

Посвятить работе силы,
Жить без блеска в тишине,

Труд и время до могилы
Отдавать родной стране —

В том ни прибыли, ни славы
Для таких богатырей, —
Нет, от Бреста до Либавы
Нам бы стать грозой морей.

Чужеземцу-исполину
Рабски прослужив века,
Гнем угодливо мы спину,
Лишь завидим чужака.

Но зато, полны презренья,
Входим в собственный свой круг,
Давим ближних без зазренья,
Пусть то будет лучший друг.

Министерства учреждали —
Деньги сыпали дождем,
И шумим, что храбры стали,
Чуть на деньги те хлебнем.

К демократам все примкнули,
Кто сумел стяжать чины,
Но ходить пешком к лицу ли
Представителю страны!

В щегольском авто несется,
С пьяной девкой едет в бар.
Спит в нем совесть, но проснется,
Чуть засудят за хабар.

А программ, а всяких бредней,
Партий всех — потерян счет, —
Столько блох бедняк последний
На рубахе не найдет.

Всюду горести, страданья,
Но зато ведь — посмотри,

Молодежь, приняв даянья,
Бодро пляшет до зари.

Господи, очисть сердца нам
И наставь на ум в пути,
Чтоб Литве моей бурьяном,
Лопухом не зарасти.

<1920>

ВЕРШИНЫ АЛЬП

Сияют вечных льдов алмазы,
Блестят на высоте снега,
Но не ступала там ни разу
Доныне — смертного нога.

Вершины гор высокомерно
Глядят на суетный народ,
И чужд им пестрый и неверный
Судеб людских круговорот.

Что люди! Промелькнули тенью
Мильоны по лицу земли,
И жалкие свои стремленья
Они в безвестность унесли.

Горам неведомы страданья,
Как на заре веков иных,
Когда из мрака мирозданья
Господь на солнце вывел их.

В тысячелетьях непреложно
Сверкать им солнечным огнем!
Что перед ними я, ничтожный,
Лишь завтрашним живущий днем?!

<1920>

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Это было,
Это сплыло —
И лишь в звуках уцелело...
Страсти, боли
Жгли, неволя...
Не для славного удела
В скорби многое созрело...

И когда нежданной, странной
Вдруг проймет тебя тоскою
И открывшеюся раной
Ныть в душе начнет былое, —
В эти строки, о родная,
Вникни: правда в них таится,
Глубже их поймешь ты, знаю,
Чем подруженьки-сестрицы.

Может быть, воспоминанье
Всколыхнет твое сознанье
И поймешь: лишь он, несмелый,
Честен был, любя, страдая,
Ну, а ты, всегда чужая,
Словно балуясь, вертела
Ты любовью как хотела,
Клятвы на ветер бросая...
С легкостью своею милой
Ты на что любовь сменила?

Всё, что было,
Сгинув, сплыло,
Не воротится обратно, —
Лишь нежданно
В сердце рана
Край напомнит благодатный,
Меркнущий, как луч закатный,
Отдаленный, невозвратный...

<1920>

ЛИТВА

Отчизна, как ты любима мною!
В курганах древних спят герои,
Прекрасна вешней голубизною,
От горьких мук мне дороже втрое!

Блестит Дубиса в кустах долины,
И тает в воздухе согретом
В горах и в рощах напев старинный,
И грусть и нежность в напеве этом.

Невежис темный охвачен думой,
В тени лужаек нашел дорогу
И русло вырыл волной угрюмой,
Поведал тайные мысли богу.

Отраден воздух в родном селеньи,
Заводит жаворонок трели,
Лесного ветра порыв весенний
Покоем веет, сулит веселье.

Любовь к отчизне горит как пламя,
И слава сторожит курганы.
Сражались за Литву веками,
Слагали песни ей неустанно.

<1920>

КОЛОКОЛА

Горестной вестью колокола
Звон разливают в поле уныло.
Снова могила жертву нашла,
Дань каждодневно ищет могила.

Сколько недавно рожденных прошло
Путь свой последний, путь быстротечный.
Всё, что сердца́ их мучило, жгло,
Спит непробудно сном вековечным.

Где же мильоны тех, что ушли,
Тех, что истлели здесь, на погосте?
Кто их поднимет вновь из земли?
В плоть облекутся ль мертвые кости?

Горестной вестью колокола
Звон разливают в поле уныло.
Снова могила жертву нашла,
Дань каждодневно ищет могила.

Может быть, скоро и мой черед,
И в колокольном раздастся гуле
Реквием скорбный, — и ночь придет
Встать у могилы на карауле.

Горестной вестью колокола
Звон разливают в поле уныло.
Снова могила жертву нашла,
Дань каждодневно ищет могила.

<1920>

ДИВИТИС

«От Алкая и Пилькальниса
Мне хотелось бы, возница,
Мимо гряд Ауштагириса
К Дивитису прокатиться».

— «Заколдованное золото
Поискать взяла охота.
Много ездит бар сегодняшних
В ту сторонку для чего-то.
Но не во дворцах царевны,
Заключенных в недре горном, —
Здесь таится, как в Гиргждуте,
Золото на дне озерном.
Сталось озеро в долине,
Отливая блеском млечным,
И в овраг переместилось,

Чтобы золото стеречь там».
— «Что мне золото? Ищу я
Здесь сокровищ драгоценней, —
Из немых гранитов этих
Сколько сердцу откровений. .
Узнаю, как бились деды
С крестоносною ордою
И какие песни пели,
На лесистых кручах стоя».
— «Эх, беда! Над нашим братом
Господа трунят немало:
В мире, кроме воли божьей,
Что, мол, горы оживляло.
Вон, кажись, видна из бора
Дивитисовского елка, —
Будто говорит, а нам-то,
Нам в речах ее — что толку?
Но озерных вод жилица
Ночи слушала, бывало,
Как о прошлом ель-старуха
Молодым повествовала».

— «Что ж, веди меня к Юрате.
Спустим челн, побудем с нею,
И, быть может, сказки ели
Там и я понять сумею!»

В голубом спокойном небе
Лунный лик раздумьем скован;
Утлой лодки колыханье. . .
В трепетаньи тростниковом —
Эхо песен молодое.
Гул плывет от бора к бору, —
Елка-мать, в дремоте грезя,
Видит древней славы пору.
От луны завесясь мглою,
Полночь спит в глухих низинах,
С дряхлых гор заводит повесть
Смутный хор веков старинных.
У тебя ж из уст, подруга,
Речи слышатся другие —

В них не старина седая,
А лишь тайны молодые.

Ах, чего в столетьях пестрых
Горы эти не встречали!
Ах, кого на гребнях синих
Волны эти не качали!
Много кладов сокровенных
Есть у Дивитиса в чащах:
Много вымыслов и былей
Прошлых лет и настоящих.
Не за груды золотые,
Запертые в камень дикий,
Дорог Дивитис прекрасный
Мне, земному горемыке.

Полюбил, навек запомнил
Я в тот день необычайный
Елки древние сказанья,
Молодые наши дайны.

<1921>

ТОСКА ПО ДРУГУ

Как летом без дождя земля, так без тебя я!
Тебя в пространстве я ищу, тоской томимый!
Но даже тени не коснусь твоей, любимый,
Мне одиночество сулит судьбина злая!

Рок разлучил нас... Тяжелы пути скитанья!
Руки друг другу протянуть не можем боле!
Друг друга не утешить нам в минуты боли,
И душу мне безмолвно жжет воспоминанье!

Цветут ли розы под окном твоим, как прежде?
Звучат ли юные мечты, на песнь похожи?
Иль, может быть, всё растоптал давно прохожий:
И розы эти, и цветы, и все надежды?

Когда в созвездьях небосклон и тих, и светел,
Когда серебряные мне сияют ночи,
Я знаю, ввысь подъемлешь ты, тоскуя, очи,
И ждешь, чтоб взору моему твой взор ответил!

<1926>

ЛИШЬ ОДНОГО...

Лишь одного я жду, тоскуя,
Лишь об одном молю всегда:
Вернись, о дней былых чреда!
И пусть слезами окроплю я
Родную лиру, как в года,
Когда струна звенела гневом
И юность вторила напевам.

<1926>

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

* * *

Ванда-королевна, славная девица,
Так и не желала в юношу влюбиться.
Ох! Достались в жизни ей одни невзгоды,
Даром промелькнули молодые годы.

У души, у каждой — могут быть желанья.
Что ж вздыхать, томиться, погибать в страданьи?
Если бог Адаму не создал бы Евы,
Богу тот вернул бы райские напевы.

И в раю веселом было б очень скверно,
Если бы подруги не было там верной.
Девушка-цветочек. Рай — во всей вселенной.
В городе — повсюду камень драгоценный.

Зверь жену имеет и подругу — птица,
Ты лишь не желаешь на мольбы склониться.
Видеть, не владея, — трудно для творенья,
Получать отказы — боль и униженье.

Будет осень, травы высохнуть готовы.
Молодость промчится, — ты ж навек сурова.
Знаки подавал я, что ты всех дороже,
Ты ж глядеть не хочешь, и молчу я тоже.

Сколько раз напрасно приходил я снова,
Вечно для обмана ты искала повод.
Разозлюсь, не буду звать тебя любимой,
В лес уйду и стану жить там нелюдимо.

<1808>

ВЕСНА

Дни весны приходят
Ясной, беспечальной,
Каплет из березы
Сок ее хрустальный.
Как начнут в лесочке
Зеленеть листочки,
Яблони и сливы
Зацветут красиво.
Сóка прекратилось вешнее кипенье,
И тогда деревьев началось цветенье.

Всеми голосами
Птицы запевают;
Жаворонки в поле
С песнями летают.
Кукушки кукуют,
Голуби воркуют,
До конца посева —
Соловья напевы:
Дни поет и ночи, не переставая,
Голосок свой милый громко подавая.

Получивший голос
Давнею порою,
Тетерев токует
Раннею зарею.
Чибисы на воле
Веселятся в поле.
За деревней тихой
Аист с аистихой
Для полета крылья распускают важно,
Шеи выгибают и кричат протяжно.

Африку покинув,
Стрижи прилéтели,
Ласточки под крыши
Неприметно сели.
Поют спозаранку
Синица, овсянка,

А кот кривится,
Таится,
Мигает глазом.
«Всех ощиплю вас разом!»

Ястребы всё ниже
С высоты слетают,
Петухов за шею
Хищные хватают.
Легче воска мнут их,
И в когтях несут их. . .
Ястреб в исступленьи
Рвет их опе0ренье,
Он везде известен беспощадным нравом,
Зоб свой набивает мясом он кровавым.

Реки и речушки
Всюду оживают,
За полетом журавлиным
Лебедь наблюдает.
Трясогузка выше
Взобралась по крыше.
Писк воробьиный
Над луговиной,
Червем по привычке
Лакомятся птички.

На прибрежье стонет
Куличок болотный,
Подойдешь — взлетает
Вяло, неохотно.
Сойки же и вальдшнеп
На лугах подальше;
Каменка встречает —
Головой качает,
Сидя ли на месте, иль, сгибаясь, стоя,
Всё она качает важно головою.

А нырки ныряют
В воду головами,
Ловко гонят струйки,
Струйки с пузырями,

Хвостики — наружу,
А головки — в лужу.
Коростель всё то же
Повторяет слово,
И хрипит в траве он
Луга заливного.

Куропаток стая,
Над землей летая,
В поле зорко ищет
И находит пищу;
Ни одна от стаи птица не отстала,
Зоб набили плотно — до отвала.

Скворушку на ветке
Не разбудят люди,
Вскакивает сам он,
Больше спать не будет.
Мухоловка с дятлом
Черным — поучают:
Пусть зеленый дятел
Песню запевает;

Хоть еще и листья
Здесь не зеленеют,
Клюв открой и песней
Радуй нас своею.
А закончив песню, начинай питаться,
Вот тогда-то вволю сможешь наклеваться.

Хохолком из перьев
Шевелит удод,
Песню он в полсилы
На дубу поет.
Дятлам юным, старым
В дуплах есть еда,
Потому и хочется
Им залезть туда.
А долбить деревья дятлы как возьмутся,
От усилий могут и перевернуться.

Белки и куницы
По ветвям летают,

Скорлупу орешков
На землю бросают.
Вот и горностаи
Быстро промелькнули;
Серых мышек ловят,
Выскочив, как пули.
Что им эти мыши, что им их мученье!
Это — горностаев давнее ученье.

На лугу кузнечик
Занялся игрою,
Под землею ходы
Крот усердно роет.
Муравьи хвоинки
День таскают целый,
Комары и мошки
Не сидят без дела,
И клещам в укусах словно подражают,
Глубоко, до самых глаз — жала погружают.

Малые, большие
Звери веселятся,
Псам за быстрым зайцем
В поле не угнаться;
От любой погони
Он уйдет собачьей,
В лес метнется разом,
Убежит, ускачет.
Знает, — сил не хватит биться у косого,
А в лесу защита для него готова.

Оводы и осы,
Скот от них бегущий...
Скот они гоняют
По широкой пуще.
И летят стрекозы
И трещат крылами,
Опустясь над лужей,
Шевелят хвостами.
Хвостиком умело в луже повертела,
Мокрый хвост вытаскивает, — мох — похоже — прелый.

Совушка средь ночи
Кличет, не боится,
Ведь летать при свете
Серая стыдится.
Под летучей мышью —
Темное пространство.
Словно черный ворон,
К сумраку пристрастна.
Только лишь стемнеет — крылья расширяет
И своим полетом спать другим мешает.

Бросит ложе
Каждый ежик,
Запыхтит он важно,
Засопит протяжно.
Если он кого увидит,
Сразу выгнет спинку,
Лоб нахмурит и свернется,
Выпустит щетинку.
И лежит клубком колючим —
На всякий случай.

На стенах и на повети
Пауки соткали сети,
Сетку-мухоловку
Ставят очень ловко;
Только муха попадется,
Гонка смертная начнется;
Пусть она жужжит и кружит,
Сеть затягивают туже.
Пауки в работе круты:
На мушиных лапках — путы.

Рыбки носятся по речке,
Тешатся игрою,
Подо льдом они скрывались
Зимнею порою.
А в больших прудах и лужах
Раки под корнями, —
Их не выудишь, и трудно
Брать их черпаками.

Сколько раков ни гоняют,
Всё в черпак не попадают.

А на склонах гор лисица
Не бежит — летает,
И хвостом своим пушистым
Землю подметает.
Как гусей увидит — смелость
В ней на удивленье!
И затейница-лисица
Рвет их оперенье,
И далеко над равниной
Пух летит гусиный.

<1846>

ПЕСНЯ НИЩИХ

Родился в селе я, в мужицком жилище,
Но я не работник, не пахарь, — я нищий.
По свету хожу с костылем да котомкой
И славлю своих благодетелей громко.

Когда я скрываюсь от глаза людского, —
Я парень что надо: веселый, здоровый,
Плечистый и статный, и рослый, и дюжий,
И мог бы работать всех прочих не хуже.

А чуть замечаю вдали человека —
Я вмиг становлюсь разнесчастным калекой.
Согнусь в три погибели — зябко бедняге
В лаптишках худых да дырявой сермяге.

Иду, на костыль опершись, ковыляя,
Кнутом деревенских собак отгоняю...
Убогому, мне не под силу работа, —
Спасибо вам, братья, за ващи щедроты!

Шагаю в разбитых лаптях по тропинке,
А впрочем, бывает, дают мне ботинки.

Шапчонка на мне — загляденье, картина! —
Из старых лоскутьев облезлой овчины.

Котомок при мне — что поместий у пана:
Пять старых, шесть новых ношу постоянно.
Старье — из очесов, но прочих дороже
Мне новая сумка, что сшита из кожи!

Завидуют и господа мне при встрече:
И перевязь есть через грудь, через плечи,
И медные пряжки блестят, как медали,
Как звезды на толстом, седом генерале.

Недаром я клянчил слезливо и звонко —
Коня приобрел, приобрел поросенка,
Тележку купил, — если лень мне тащиться
Пешком, то могу я на ней прокатиться.

Приеду на ярмарку, праздник, гулянье —
Ору во всю глотку, прошу подаянья.
Шатаюсь в своем неказистом наряде:
«Подайте мне хлеба, — кричу, — Христа ради!»

Я хлебом набью за котомкой котомку —
Хватает и лошади и поросенку.
Коня подкормлю и кабанчика тоже.
Хозяевам добрым здоровья дай, боже!

В Литве хлебосольных хозяев немало —
Дадут мне муки, а иной раз и сала.
Болтушку готовлю я с клецками вкусно,
Мастак и по части похлебки капустной

А если б свинины еще да гороха —
Сказал бы, что нищим живется неплохо!
Даст бог, кабана заколю к Рождеству я,
Всех нищих на сытный обед позову я!

Наемся — засну без тревог и заботы.
Никто не разбудит меня на работу.

Не ждут меня в доме, не ждут меня в поле,
Могу и наесться и выспаться вволю.

Я жизни такой сам готов удивиться,
С улыбкой меня привечают девицы —
Жених я завидный, жених я богатый,
Возьму себе в жены красотку Агату.

Пусть баре свой нос задирают спесиво,
Да те, кто владеет избенкой да нивой.
Я с виду убогий и жалкий, а всё же
Живется мне так, что и дальше дай, боже!
Аминь!

<1869>

ПЕСНЯ

Прожив много лет — скоро стукнет мне сто, —
Я женские нравы узнал, как никто.
Семь раз я женился, семь жен я имел,
Но ни об одной никогда не жалел.

Была моя первая женка знатна,
С богатым приданым явилась она.
Но, всё промотав на гостей, вечера,
Еще моего прихватила добра.

Бранить ее начал — ревела семь дней,
Слегла — и поминки я справил по ней.
Чтоб лучше дела по хозяйству пошли,
Взял в жены я девку из бедной семьи.

Ей мужнина честь не была дорога:
Наставила эта жена мне рога.
Понятно, с такою женой не житье, —
Намучившись, похоронил я ее.

Я с третьей — красивой — знал светлые дни,
Да черт наградил ее кучей родни.

Как стали гостить они в нашем дому, —
Не стало в нем места и мне самому.

Любил я жену свою, — только родня,
У нас нагостившись, ее от меня,
Увы, на недельку к себе увезла...
В дороге продрогнув, жена умерла.

Четвертую рад похвалить бы жену,
Когда б не пристрастье бедняжки к вину.
Сгубило ее не житье, а питье.
То змей-соблазнитель попутал ее...

Сынок мне остался на память о ней,
Хранит его бог до сегодняшних дней...
Я пятую взял. Хоть мала, да умна,
Меня дураком называла она.

По-своему правила в доме сама,
Да спятила умница скоро с ума.
Намаялся я с сумасшедшей женой,
Держал сторожей возле бабы больной.

Шестую нашел я, видать, сгоряча —
Была безобразней лесного сыча.
Дурнушка, природу исправить стремясь,
Вертясь перед зеркалом, вся извелась.

Приданое всё промотала дотла,
Однако красавицей стать не смогла...
Немало врачам отсчитал я монет,
Пока не спровадил жену на тот свет.

Седьмая воспитана в монастыре,
Не знала, что делать в крестьянском дворе.
Ее не учили гусей выводить,
Капусту сажать да корову доить.

А я, постаревший, глухой и седой,
Боялся никчемной жены молодой:
Всё ждал, что меня изведет как-нибудь,
Решив на богатство мое посягнуть.

Однако добро я свое уберег —
Прибрал и седьмую нахлебницу бог.
И я пировал с нелюбимой родней,
Простившись с последней своею женой.

Семь жен я имел, очень редко их бил,
Свидетель господь — ни одной не сгубил.
Они по своей умирали вине,
А люди так зло говорят обо мне,

Что, дескать, я был и развратен и зол,
Что, дескать, семь жен до могилы довел...
Семь раз был женат я. Отныне, клянусь,
Ни разу до смерти уже не женюсь.

<1869>

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первым на русском языке сборником, столь широко показывающим литовскую классическую поэзию XIX века в ее лучших и наиболее характерных образцах. По своему объему оно в несколько раз превышает материал по литовской поэзии XIX века, опубликованный в антологии «Поэзия Литвы», выпущенной в 1950 г. Гос. издательством художественной литературы Литовской ССР.[1]

В книгу вошли произведения 2—3-х поэтов, творчество которых оставило заметный след в литовской литературе. Большинство публикуемых здесь произведений появляется на русском языке впервые, а некоторые из них — в новых или исправленных переводах.

Творчество поэтов Литвы прошлого столетия в настоящем сборнике представлено с неодинаковой полнотой. Дело в том, что стихотворное наследие ряда поэтов сохранилось лишь в малой своей части. В этих случаях их поэтическое творчество демонстрируется почти с исчерпывающей полнотой (С. Валюнас, П. Савицкас и др.). С другой стороны, из произведений поэтов, оставивших сравнительно обширное литературное наследие, отобраны лишь наиболее ценные в художественном и историко-литературном отношении образцы. В отдельных случаях, когда творчество того или иного поэта выходило за хронологические рамки XIX века (К. Сакалаускас, Майронис), из их поздних произведений приводятся те, которые особенно тесно связаны с поэтическими традициями минувшего столетия. Некоторые поэты Литвы писали стихотворения также на польском языке. Эти стихотворения в данный сборник не включены. Внутри разделов материал по возможности расположен в хронологической последовательности, но, ввиду того что время написания многих стихотворений не определимо даже предположительно, они помещены без дат. В угловых скобках указывается год, не позднее которого, по тем или иным сведениям, написано произведение (это преимущественно даты первых публикаций). Вопросительным знаком сопровождаются предположительные даты.

---

[1] Из других изданий литовских поэтов на русском языке отметим: Антанас Страздас. Запеваю не для славы (Вильнюс, 1955); А. Баранаускас. Аникщчяйский бор. (Вильнюс, 1950); Майронис. Избранное (М., 1949).

К стр. 39—47

В основу переводов положены наиболее авторитетные издания и публикации на литовском языке. Как правило, в этой книге помещены законченные произведения без каких бы то ни было сокращений. Лишь в двух-трех случаях, когда приходилось иметь дело с большим стихотворным повествованием, важным для понимания творчества поэта, давались переводы отрывков (например, вступление и главы из поэмы Майрониса «Молодая Литва», «Один весенний день» Ю. Анусавичюса).

В стилевом и ритмическом отношении литовская классическая поэзия очень разнообразна. Тут и силлабические стихи Д. Пошки, и народные дайны Страздаса, и суровый гражданский ямб И. Мачиса-Кекштаса, и балладный амфибрахий Майрониса. Особо следует сказать о ритмике. У литовских поэтов первой половины XIX века главенствует силлабический стих. Однако редактор переводов, так же как и многие поэты-переводчики, счел возможным отказаться от передачи эквиритмичности там, где она противоречит законам современной русской речи. Для современного читателя нет смысла реставрировать стародавнюю силлабику, тем более что, например, Д. Пошка писал в ту пору, когда в России звучал стих Державина, Жуковского и Батюшкова. Редактор и переводчики стремились к тому, чтобы передать своеобразие творчества далеких поэтов-классиков не путем копирования ритмов, а чутким воплощением их художественного мышления. Так, здесь важно было показать народный стиль А. Страздаса и А. Венажиндиса в отличие от поэтов, идущих от литературы, от книги, а также продемонстрировать в отдельных случаях, как обе эти тенденции боролись или мирно уживались.

В литовском языке двойные гласные и дифтонги образуют один слог. Это следует иметь в виду при чтении стихов с такими собственными именами, как Паурис (два слога), Витаутас (три слога) и т. д.

Если требующие комментария реалии фигурируют в поэтическом тексте неоднократно, пояснение дается в примечаниях при первом упоминании их в книге и без последующих отсылок.

П. Чюрлис
Лев Озеров

АНТАНАС КЛЕМЕНТАС

Доброе утро. *Роза* — здесь: женское имя (по-литовски — Роже).

Жемайтская песенка. *Жемайтия* (Жмудь) — северо-западная часть Литвы, по нижнему течению реки Неман. Ее население говорит на нижнелитовском диалекте.

ДИОНИЗАС ПОШКА

Ксёндзу Ксаверию Богушасу, литовцу, и Йохиму Лелевелю, мазуру, письмо жемайтиса в год 1810-й. *Богушас* Ксаверий (1746—1826) — автор труда (на поль-

ском языке) «О происхождении литовского народа и языка», оказавшего большое влияние на Д. Пошку. *Лелевель* Иоахим (1786—1861) — профессор Вильнюсского университета, крупный ученый-историк, друг Карла Маркса. *Письмо жемайтиса.* Д. Пошка был жителем Жемайтии. *Мазур* — поляк из Мазовии (часть Польши). *Герулы* — предполагаемые предки литовцев. *Ягелло* или Ягайло — великий князь литовский (1377—1385), затем — польский король (1386—1434), родоначальник династии Ягеллонов, прекратившей свое существование в 1572 г. *Кястутис* — тракайский и жемайтский князь (1345—1380), а затем великий князь литовский (1381—1382); вел успешную борьбу с крестоносцами Тевтонского ордена. *Альгирдас* — великий князь литовский (1345—1377). *Миндаугас* — великий князь литовский (1240—1263), основатель литовского феодального государства. *Витаутас* — великий князь литовский (1392—1430); в период его правления Великое Княжество Литовское достигло вершины своего могущества.

Мой садик. *Мелибей* — Мелибеус, герой первой эклоги римского поэта Публия Вергилия Марона (79—19 до н. э.). *Карпинский* Франтишек (1741—1825) — польский поэт. *Флакк* — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Сарбевиус* Матеуш Казимир (1595—1640) — польский поэт, писавший на латинском языке. Он учился в Вильнюсской иезуитской академии, некоторое время был преподавателем в кражяйской гимназии и Вильнюсской академии. *Леонардас Вольмерис* — один из соседей Д. Пошки, владевший небольшим имением в семи километрах от Расейняй. *Варняй* — город, расположенный к востоку от Клайпеды; был крупным культурным и религиозным центром Жемайтии; там велись записи о рождении, смерти и браках. *В Пруссии гремевший гром.* Имеется в виду франко-прусская война 1806—1807 гг. В 1807 г. на территории Пруссии (при Прейсиш-Эйлау и Фридланде) произошли два кровопролитных сражения между французской и русской армией, выступавшей на стороне Пруссии.

Послание Дионизаса Пошки Тадеушу Чацкису. *Чацкис* — Тадеуш Чацкий (1765—1813) — польский историк, занимавшийся изучением литовской государственности. *Расейняй* — город в западной Литве (между Клайпедой и Каунасом), в прошлом столица Жемайтии. *Злотый* — польский денежный знак. *Папиле* — местечко на берегу реки Вента. *«Словарь»* — имеется в виду «Словарь трех языков» (польского, латинского и литовского), составленный и изданный в 1629 г. К. *Ширвидасом* (1564—1631).

Жемайтский и литовский мужик. *Бернардинец* — монах ордена бернардинцев, действовавшего с XV в. на территории Литвы и Польши. *Александр* — русский царь Александр I. *Константин* — его брат, великий князь Константин Павлович, который с 1816 г. фактически был правителем в Польше.

Его милости всемогущему Миколасу Залесскому, наместнику Швентишскому. *Залесский* — Ми-

колас Залескис — крупный помещик Расейняйского уезда, швентишский староста. *Пегас* (греч. миф.) — волшебный крылатый конь, символ поэтического вдохновения; оседлать Пегаса — значит стать поэтом. *Парнас* (греч. миф.) — гора, служившая местопребыванием муз; взбираться на Парнас — значит отдавать дань поэзии, заниматься творчеством. *Кастальские струи* (греч. миф.). Кастальский ключ — источник на горе Парнас, посвященный богу Аполлону и музам. *Меркурий* (римск. миф.) — бог торговли, покровитель купцов и путешественников. *Велюона* — местечко к югу от г. Расейняй на берегу Немана. *Гедиминас* — великий князь литовский (1316—1341), сильно расширивший границы Великого Княжества Литовского. Погиб в сражении с крестоносцами; похоронен в Велюона, где находится высокий курган, названный его именем.

Эпиграммы. Эти эпиграммы Пошка включил в свой словарь литовского языка.

СИЛЬВЕСТРАС ВАЛЮНАС

Песня Бируте. Оригинал песни не сохранился; нам известны тексты, записанные Д. Пошкой и Л. Юцявичюсом, которые отличаются друг от друга. Для перевода был использован список Л. Юцявичюса, отличающийся большей народностью. В основе песни — народная легенда о встрече дочери рыбака Бируте с князем Кястутисом. *Паланга* — литовский город на побережье Балтийского моря. *Курши* — древнебалтийские племена. *Рута* — полевой цветок, в литовской поэзии и фольклоре — символ девичьей невинности. *Перкунас* — бог грома и молнии у древних литовцев, считался верховным богом. *Витаутас вскоре на свет явился.* Витаутас был сыном Кястутиса и Бируте.

Пишущему литовский словарь. Обращено к Д. Пошке, работавшему над составлением словаря литовского языка. *Рингаудас* — предполагаемый князь Древней Литвы, упоминаемый в литовских хрониках XVI—XVII вв. *Шнапс, келер, штарк, штрик* — немецкие слова, значение которых указано в тексте. *Жакс* и *подер* — искаженные немецкие слова (Sack и Fater). *Жемайты* — жители Жемайтии. *Видукле* — небольшое местечко в Жемайтии, которое Д. Пошка, как пишет Валюнас, считал единственным, где сохранился чистый литовский язык, не искаженный иноязычными воздействиями. *Тельшяй* — город в сев.-зап. Литве. *Когда жемайтисам Рим подчинялся.* Заблуждение, основанное на ошибочном отождествлении герулов, захвативших в 476 г. Рим, с древними литовцами. *Шяуляй* — город в северной Литве. *Дабы с Ширвидасом не вышло сходного.* Валюнас предостерегает Д. Пошку, чтобы он, подобно Ширвидасу (см. о нем стр. 449), не впал в крайность, т. е. не положил бы в основу словаря только один литовский диалект. Он призывает его создать словарь, лексика которого была бы доступна для всех литовцев.

АНТАНАС СТРАЗДАС

Дрозд. *Виват* (лат.) — да здравствует. *Торовато* — щедро.

Похороны Пальшиса. *Пальшис* — очевидно, имеется в виду какой-то пастор.

Запеваю не для славы... *Амвон* — возвышение в церкви, с которого произносятся проповеди. *Аналой* — небольшой высокий столик в церкви для книг или икон; перед аналоем происходил обряд венчания.

Дворянчик. *Плис* — род хлопчатобумажной ткани.

Слушайте, дети! *Вифлеем* — город в Палестине; по евангельской легенде, родина Иисуса Христа. *Дева пречистая* — богоматерь Мария. *Иосиф* — муж Марии.

Нарекания Драздаускаса на литовцев. *Драздаускас* — фамилия Страздаса в официальных документах. В стихотворении речь идет о неудачах, преследовавших поэта в пору его пребывания в Литве. *Гедрайтис* Юозас Арнулпас (1754—1838) — князь, жемайтский епископ, покровитель литовской письменности.

СИМОНАС СТАНЯВИЧЮС

Слава жемайтисов. Написано по поводу собрания студентов-жемайтисов.

Лошадь и медведь. *Раудондварис* — местечко возле впадения реки Невежис в Неман. *Невежис* является исторической границей между Верхней и Нижней Литвой (Жемайтией).

Айтварасы. *Айтварас* — мифическое существо в литовских народных поверьях, которое могло летать и имело форму змеи. Считалось, что айтварасы приносят людям богатство.

КИПРИОНАС НЕЗАБИТАУСКИС

Его милости Адаму Мицкевичу, другу нашему литовцу, славному и ученому стихотворцу на языке польском. В этом, как и в других стихотворениях, К. Незабитаускис под словом «поляк» имеет в виду вообще гражданина бывшего польско-литовского государства, поэтому литовцев он называет поляками и наоборот.

К стр. 127—176

ПРАНАС САВИЦКАС

Рассказ. *Колеры* — цвета, имеется в виду окраска брички. Стихотворение, как и «Метель», написано архаичным силлабическим стихом, основанным на счете слогов, независимо от ударений.

АНТАНАС БАРАНАУСКАС

Восход солнца. *Швентойи* — река, впадающая в Нерис (приток Немана).

В память древней Литвы. *Наш край задвинский лежал просторно* и т. д. Здесь речь идет об эпохе Великого Княжества Литовского, территория которого в XV в. простиралась от Черноморского побережья до Балтики. В это большое и сильное литовское государство входили и некоторые западные русские земли. *Капище* — языческий храм. *В реке Швентойи народ крестили.* По преданию, в эпоху принятия Литвой христианства крещение происходило в этой реке.

Аникшчяйский бор. *Аникшчяй* — местечко на берегах Швентойи. *Лисичек леечки.* Имеются в виду грибы, форма которых напоминает морду лисицы. *Мицкевич их отметил.* Имеется в виду 4-я песнь из поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш», где воспеваются литовские леса и упоминаются растущие в них грибы. *Шлаве* — овраг с речкой посреди Аникшчяйского бора. *Пашлавис* — местность у реки Шлаве, покрытая лиственным лесом. *Жальтичи* — в литовской народной сказке «Эгле — королева ужей» дети Жальтиса (Ужа) и Эгле, обратившиеся вместе с матерью в деревья, после того как ее братья зарубили косами Жальтиса. *Жальтене* — жена Жальтиса. *Седула* — род лиственного дерева. *Марчюпис* — приток реки Швентойи. *Дайны* — литовские народные песни. *Сутартине* — многоголосная старинная песня, ныне распространенная лишь в северной и восточной Литве. *Пунтукас* — название самого большого камня в Литве, находящегося неподалеку от Аникшчяй. *Мезга* — внутренний рыхлый слой молодой древесной коры. *Ведуны* — колдуны. *Муштинис* — старинная литовская монета.

Воспоминанья юных дней. *Голец* — вид рыбы. *Юшка* — юшник, похлебка из крови. *Валаукис* — речка.

АНТАНАС ВЕНАЖИНДИС

«Ой ты сокол мой, соколик...». *Каплица* — небольшая часовня или божница. *Самарский ситный, Соленный слезами.* В Самарской губернии жили сосланные царским правительством литовцы.

«Зря ты, матушка, достала...». *Галёнелис* — головной убор девушки.

«Уж у крыльца упряжка...». *Повойник* — головной убор замужней крестьянки.

«Нет такого, кто найти бы счастья не пытался...». *Подбиржский* — из Подбирже, местности в Литве.

«Кто там пьяным криком воздух в клочья раздирает?..». *Войт* — волостной старшина.

ЮЛЮС АНУСАВИЧЮС

Один весенний день. *Тенёта* — сети. *Очеп* — колодезный журавль.

Весна 1863 года. *Сполох* — здесь: зарница. *Плеяды* — звездное скопление в созвездии Тельца. *Жалиойя* — название лесного массива вблизи Паневежиса.

АНУПРАС ЯСЯВИЧЮС

Тунка и Иркут. В стихотворении дана аллегорическая картина неравной борьбы литовского народа с угнетавшим его русским самодержавием.

УРШУЛЕ ТАМОШЮНАЙТЕ

Сипсáле. *Сипсáле* — название болотистой местности, обросшей кустарником, вблизи деревни Паюодупе (Купишкский район).

АНДРЮС ВИШТЯЛИС

Литовский язык. *Канклес* — литовский народный музыкальный инструмент, род гуслей. *Милда* (миф.) — богиня любви у древних литовцев.

Видение. *Ковас* (миф.) — бог войны у древних литовцев. *Крез* — царь малоазиатского государства Лидии (ок. 560—546 до н. э.), прославившийся своим богатством; его имя стало нарицательным обозначением богача.

ЛЮДМИЛА МАЛИНАУСКАЙТЕ-ЭГЛЕ

Литовские леса. *Крижаки* — крестоносцы, рыцари Тевтонского ордена, носившие белые плащи с черным крестом.

Воспоминание о прошлом. *Криве* — жрец у древних литовцев. *Вайделотка* — жрица, хранительница вечного огня у литовцев во времена язычества.

К стр. 286—329

ЮОЗАС АНДЗЮЛАЙТИС

Среди своих. *Арно* — река в Италии, на берегах которой расположена Флоренция.

Две черемухи. *Шешупе* — южный приток Немана, ниже Каунаса.

КСАВЕРАС САКАЛАУСКАС

Эхо призывов. *Кнехт* — немецкий батрак, безземельный крестьянин.

ЙОНАС МАЧИС-КЕКШТАС

Муки поэта. Эпиграф — из «Оды торжественной о сдаче города Гданска в 1734 году» Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769). *«Аушра»* — литовская газета (1883—1886), печатавшаяся в Восточной Пруссии и распространявшаяся в Литве нелегально. См. о ней также вступ. статью, стр. 25. *Плод поэта в «Аушре» не увидел света.* Напечатав начало статьи И. Шлюпаса «Наука об отечественном хозяйстве», газета, однако, не поместила ее продолжения. *Шлюпас* Йонас (1861—1945) — видный буржуазно-либеральный деятель, некоторое время редактировавший «Аушру», с 1884 г. жил в Америке, где вел борьбу с клерикалами и призывал к борьбе с царским правительством. *Ведь содержанье в ней не то, что было ране.* Последние номера «Аушры», редактируемые Ю. Андзюлайтисом, приобрели более радикальный характер.

Калненасу. Обращено к Ю. Андзюлайтису, выступавшему под псевдонимом *Калненас.*

Кара. Стихотворение направлено против реакционной политики русского самодержавия в Литве, против царских наместников и чиновников, варварски угнетавших литовский народ.

Майронису. *Швентойи и Миния* — реки в западной части Литвы. *Винцас* — Винцас Кудирка.

Коллеге Йонасу В. Очевидно, обращено к Йонасу Ванагайтису, видному литовскому общественному деятелю, организовавшему издание и распространение социал-демократической печати.

Пранасу Вайчайтису. *Богини Парнаса* (греч. миф.) — музы, покровительницы искусств.

В долине Вайоминга. *Вайоминг* — долина в штате Пенсильвания (США).

ВИНЦАС КУДИРКА

Валерии. Обращено к Валерии Крашевскене, заботливо ухаживавшей за больным поэтом в последние дни его жизни.

Моим собратьям. *Гидра* (греч. миф.) — многоголовое чудовище с туловищем змеи.

Сапожник и подмастерье. *Капсас* — псевдоним Кудирки.

ПРАНАС ВАЙЧАЙТИС

«Ой, то не буря в гневной яри...». Речь идет о Грюнвальдской битве 1410 г., где объединенные польские и русско-литовские войска разбили рыцарское войско Тевтонского ордена. *Зеленая Пуща* — Грюнвальд.

Жалоба умирающего солдата. *Планида* — здесь в значении: судьба, участь.

«На горе Рамауя всё пламя горело...». *Рамауя* — название небольшой горы.

«Не всех крижаки в домовину...». *Домовина* — гроб. *Когорта* — соединение римского войска; здесь в значении: отряд войска.

Сонет («Теплынь. И ветвей колыханье...»). *Цикады* — прыгающие насекомые. *Стерня* — сжатое поле.

«Хотел зачерпнуть я алмазы ладонью...». *Осот* — сорная трава.

МАЙРОНИС

Тракайский замок. *Тракайский замок* находится неподалеку от Вильнюса у г. Тракай, который в XIII в. при великом князе Гедиминасе был столицей Литвы. *Развалины спят.* Развалины замка относятся к XIV в.

С горы Бируте. *Гора Бируте* — небольшой холм в Паланге, на берегу Балтийского моря.

Миния. *Миния* — река, впадающая в дельту Немана с северной стороны.

Росла калина... *Дубиса* — северный приток Немана (ниже Каунаса).

Г д е Н е м а н с и н е е т... *Шешупе* — южный приток Немана (ниже Каунаса). *Песнь о Бируте* — имеется в виду «Песня Бируте» С. Валюнаса, см. стр. 66.

М у з ы в о п а с н о с т и. *Камены* (римск. миф.) — музы. *Аполлон* (греч. миф.) — бог солнечного света, покровитель искусств, предводитель муз.

М о л о д а я Л и т в а. Это обширное произведение состоит из девяти песен и публикуется в отрывках (нумерация фрагментов принадлежит редактору). Схема его сюжета вкратце такова. Действие происходит в Литве конца XIX в. Главный герой поэмы — *Юозас Райнис,* крестьянского происхождения, — учится в каунасской гимназии, где сближается с *Глинскисом,* сыном дворянина. Райнис мечтает стать ксёндзом. Будучи старшеклассником, он знакомится с *Ядвигой,* дочерью литовского аристократа *Гоштаутаса.* Молодые люди полюбили друг друга, однако старый Гоштаутас, находившийся во власти сословных предрассудков, не дал согласия на их брак. Юозас поступает в Варшавский университет, где включается в национально-освободительное движение. Вместе с *Тумасом* и другими товарищами развертывает активную деятельность, но вскоре попадает в тюрьму, заболевает чахоткой и умирает. Ядвига, скорбя о возлюбленном, проникается его идеями и тоже включается в национальное движение. Осознав свою ошибку, Гоштаутас уже не протестует против брака своего сына с Онуте, сестрой Юозаса Райниса. В с т у п л е н и е. *Вайделутис* — странствующий певец в Древней Литве. И з п е р в о й п е с н и. *Месса* — католическая обедня. *Зеленая* и *Веселая горы* — название частей города Каунаса, расположенных на склонах Немана. *Алексотас* — пригород Каунаса. И з в т о р о й п е с н и. *Вента* — река, впадающая в Балтийское море. *Постолы* — род кожаной обуви. *Юдоль* — здесь: жизненный путь. *Вежды* — глаза. И з ч е т в е р т о й п е с н и. *Куршас* — Курляндия, западная часть Латвии. И з ш е с т о й п е с н и. *Поднялись славяне у Черного моря.* Имеется в виду национально-освободительное движение сербов, чехов и других славянских народов во второй половине XIX в., находившихся под властью Австро-Венгрии и Турции.

Г о р а Ш а т р и я. *Шатрия* — гора в Жемайтии (Нижней Литве). *Жаренай* и *Луоке* — населенные пункты в Жемайтии. *Курземская долина* — долина в юго-зап. части Латвии. *Жмудский* — жемайтский. *Жемайчай* — жители Жемайтии. *Плунге, Скаудвиле, Кельме* — города в Жемайтии. *Жемигала* — название местности. *Мальбург* — бывшая столица крестоносцев Тевтонского ордена, Мариенбург.

П о с в я щ е н и е. Написано в память Ядвиги Станелите, учительницы, с которой был дружен Майронис; она умерла от чахотки.

Ч и ч и н с к а с. *Митрюнай и Лянчай* — названия местностей. *Звуки «Глории»* — имеется в виду католический гимн «Gloria in excelsis

Deo» («Слава в вышних богу»). *Адвент* — рождественский пост у католиков, во время которого запрещались танцы и другие увеселения. *Ляуда* — мелкопоместное литовское дворянство, имевшее право голоса в уездных сеймах. *Клебонас* — настоятель костела у католиков.

Д и в и т и с. *Дивитис, Алкай, Пилькальнис, Аукштагирис, Гиргждуте* — названия гор в Жемайтии. *Юрате* — уменьшительное название реки Юра, впадающей в Неман.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

В настоящий раздел включены наиболее популярные в Литве произведения анонимных поэтов. Стихотворение «Ванда-королевна, славная девица» впервые было опубликовано в книге К. Богушаса «O początkach narodu i języka litewskiego» в 1808 г. Стихотворение «Весна» впервые напечатано С. Даукантасом в сборнике литовских народных песен в 1846 г. Известен также и другой, более ранний, вариант того же стихотворения, опубликованный Е. Станявичюсом в газете «Tygodnik Wileński» в 1820 г. под названием «Песня о веселой весне». Стихотворения «Песня нищих» и «Песня» («Прожив много лет — скоро стукнет мне сто...») относятся к середине XIX века. В печати впервые появились в 1869 г. в книге М. Валанчюса «Юзе из Паланги», которая была написана не раньше 1866 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 80 и 81.* А. Страздас. Портрет маслом Е. М. Рёмера. 1877.

2. *Между стр. 160 и 161.* А. Баранаускас. Портрет маслом неизвестного художника. Между 1859 и 1865 (?).

3. *На обороте.* А. Венажиндис. Фото. 1864 (?).

4. *Между стр. 320 и 321.* Й. Мачис-Кекштас. Фото. 1900.

5. *На обороте.* В. Кудирка. Фото. 1899 (?).

6. *Между стр. 368 и 369.* П. Вайчайтис. Рисунок В. Палаймы. 1956.

7. *На обороте.* Майронис. Фото. 1895 (?).

Оригинал портрета А. Страздаса хранится в Гос. художественном музее имени М. К. Чюрлёниса (г. Каунас). Оригиналы всех остальных публикуемых иллюстраций хранятся в Гос. литературном музее Института литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР (г. Вильнюс).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

ДИОНИЗАС ПОШКА

Переводы Д. Бродского

СИЛЬВЕСТРАС ВАЛЮНАС

Переводы П. Карпа

АНТАНАС СТРАЗДАС

СИМОНАС СТАНЯВИЧЮС

КИПРИОНАС НЕЗАБИТАУСКИС

Переводы А. Ревича

ПРАНАС САВИЦКАС

Переводы В. Львова

КАЕТОНАС АЛЕКНАВИЧЮС

Переводы Л. Шерешевского

ВАЛЕРЬОНАС АЖУКАЛЬНИС-ЗАГУРСКИС

Переводы В. Львова

АНТАНАС БАРАНАУСКАС

АНТАНАС ВЕНАЖИНДИС

ЮЛЮС АНУСАВИЧЮС

ЮОЗАС АНДЗЮЛАЙТИС

Переводы В. Львова

КСАВЕРАС САКАЛАУСКАС

Переводы П. Семынина

ЙОНАС МАЧИС-КЕКШТАС

ВИНЦАС КУДИРКА

Переводы Д. Бродского

ПРАНАС ВАЙЧАЙТИС

МАЙРОНИС

ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ XIX ВЕКА

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 6/I 1962 г. Подписано в печать 14/VI 1962 г. М-08362. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 14 3/4 + 4 вкл. (24,6). Уч.-изд. л. 22,42. Тираж 20 000 экз. (1-й завод — 5000 экз). Заказ № 1787.
Цена 85 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

«НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»
«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА»
С. Я. НАДСОН
К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

К. М. ФОФАНОВ
«ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ»
«ПОЭТЫ АЗЕРБАЙДЖАНА»

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

МАЛАЯ СЕРИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

А. С. ГРИБОЕДОВ

В. С. КУРОЧКИН

«ПОЭТЫ-ДЕМОКРАТЫ 1870—1880-х ГОДОВ»

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Ф. И. ТЮТЧЕВ

«ПОЭТЫ 1840—1850-х ГОДОВ»

Л. А. МЕЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

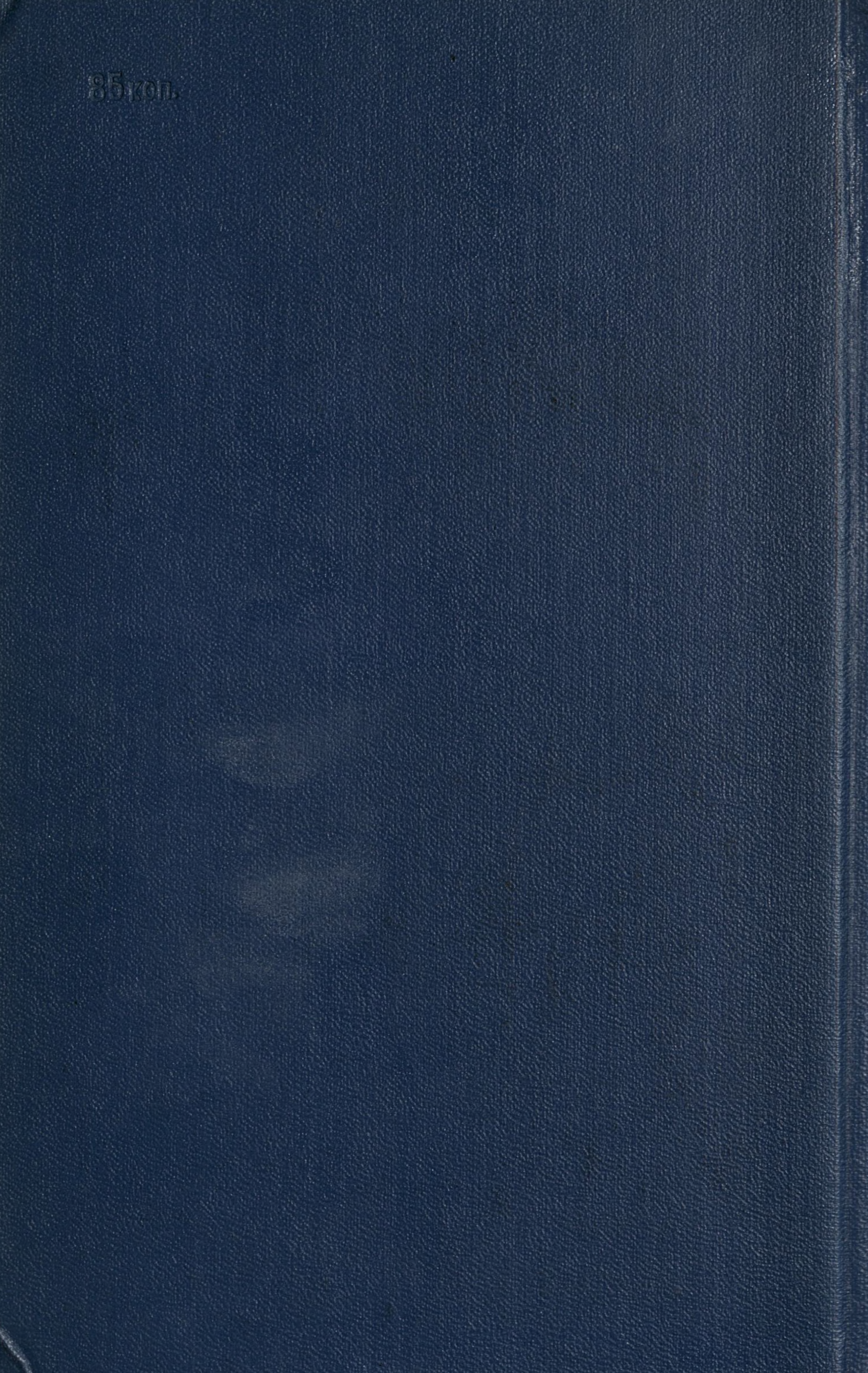
М. ГОРЬКИЙ

САША ЧЕРНЫЙ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
35	3 сн.	призывов	призывами
136	16 сн.	ключ	клюв
447	8 св.	2—3-х поэтов	23 поэтов
450	13 сн.	Fater	Vater

«Литовские поэты XIX века»

85 коп.